Лит. Ив. А. Давиденкова Кіевъ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

ДЕКАБРЬ.

1863

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ II.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864

Дозволено цензурой. Кіевъ, 10 марта, 1864 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

—

№ 12-й.

—

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ г. ПОЛОЦКА.

(Выписка изъ полоцкихъ магистратскихъ актовыхъ книгъ.)

I.

Року тысеча шестьсотъ тридцать третего месяца Іюля шостого дня. *Оповедане* его милости пана Яна Лисовскаго подвоеводего Полоцкаго *на некоторыхъ мѣщанъ Полоцкихъ о бунтѣ.*

При бытности его милости пана Яна Лисовскаго лянтвойта Полоцкаго отъ ясневельможного пана его милости пана Януша Кишки Стехановца воеводы и войта Полоцкого старосты Пернавского будучимъ передъ нами бурмистрами радцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ в ратушу Полоцкомъ будучими постановившее очевисто его милость панъ Янъ Лисовскій Ротмистръ его Королевской милости и подвоеводій Полоцкій оповедалъ то, донеслемъ дей словне былъ протестацию мою передъ паномъ Яномъ Харминскимъ лянтвойтомъ зашлымъ Полоцкимъ и передъ славетнымъ паномъ Константыномъ Стефановичемъ бурмистромъ, при бытности вашихъ милостей теперишнихъ всихъ особъ и иншихъ в ратушу Полоцкомъ первей сего а меновите в року теперешнего

немъ тысяча шестьсотъ тридцать третемъ месеца Июня одинадцатаго дня на некоторыхъ особъ мещавъ полоцкихъ в речи барзо вельце его королевской милости пану нашому милостивому и всей рѣчи посполитой шкодливой которою то речь они мещаны Полоцкіе в тотъ часъ и тогожъ дня при бытности моей и при обецности вашихъ милостей всихъ на ратушу пополнило, а миновите кгдымъ вашимъ милостямъ всимъ прекладомъ о небезпечности великой отъ Московскаго войска которое несподевине и нагле чатою мело наступовать на замокъ и место Полоцкое на тыдень одинъ его милости пана Александра Вистковскаго ротмистра козацкого нашого Повятоваго которому вжо служба вышла была, и стемъ кони затягнули, а другое абы якую колвекъ для обороны места своего вежу на рогу отъ Полоты на замку нижнемъ збудовали, або хоть дерева нашую вежу дали, я своимъ коштомъ будовати хотелъ, третее, ижъ бы заполочаномъ до замку высщего зностисе позволили и разсказали, на што вашмости всимъ Магистратомъ готови то все были учинить, лечъ некоторые особы змещанъ поспольства Полоцкаго прышодши втотже часъ наратушъ чого предъ тымъ николи не бывало написавши обмову свою на писме до насъ на столъ на ратушу подали не хотечи тому всему досыть чынить и подлегать, а меновите яко дей жолнеровъ пана Висковскаго затягать и в замку нижнемъ жадное вежи будовать и дерева на вежу недать такъ и заполичаномъ до замку се вышнего зночить *не позволили* и противъ того нашого сподваго добраго и здороваго вынадязку *курбодоне протестоеелисе* и розными о криками голосами мене в ратушу опрымовали, *обецуючи складать по телегу на знесене мене под-*

осмодню, которую но ихъ на онъ часъ нашъ поданую обмову притомъ же въ тотъ часъ будучій енераль воеводства Полоцкаго Янъ пиевскій рукою своею подписалъ а панъ Янъ Харминскій на онъ часъ будучій лантвойтъ тую обмову до себе взялъ которая неведать где згинула в тотъ часъ коли его пана Харминскаго забито або живцомъ взяте теды подвоеводій будучи отъ тыхъ особъ мещанъ Полоцкихъ и отъ грубого посполитства за ихъ побудкою отъ нихъ же опрымованный в великомъ тумулте и вгаласахъ а ведечи знатное ихъ непослушенство противно зверхности и урадови своему и немней ижъ не зычливость, противно королеви его милости пану нашому милостивому отъ нихъ се показовала *бо жадными способами до обрапы и до сторожи а на поготовю до повиннейшого послушенства* се не могли о то все на онъ часъ одходечи з ратуша в голосъ на нихъ словную протестацію которую далемъ писарови мескому Полоцкому пану Яну Дягилевичу до книгъ записать и что онъ заразъ и записалъ ямъ ему мелъ подать до книгъ имена тыхъ всихъ мѣщанъ Полоцкихъ непослушныхъ *бунтовниковъ и спротивниковъ противко его королевской милости пану нашому милостивому и урадови* а в томъ часе ижъ людъ непріятельскій Московскій сегожъ року тысеча шесть сотъ тридцать третего месеца Июня з двенадцатаго дня на тринадцатый день в ночи нападша чатою *все мѣсто полоцкое и заполоте спляюндровало и попалило зачимъ якъ лантвойта такъ бурмистра и инших много добрыхъ колеговъ вместе позабивали а иншихъ въ полонъ живыхъ побрано* также и замокъ вышній ледво се одержалъ за чымъ и тая моя протестація з выписанемъ именовъ бунтовниковъ мещанъ Полоцкихъ до дане до книгъ ижъ и до сего

уряду заволоклаго теперь тоды выдечи я подвоеводій же там-тые ихъ на он часъ в ратушу за непослушенствомъ пры мне учиненые бунты *презъ неприятеля надъ полоцкомъ скутокъ свой взяли што не презъ кого се стало одно презъ тыхъ особъ мещанъ полоцкихъ* которыхъ теперь именно написьми подаю, напредь Иванъ Харкевичъ и сынъ его Василей Иванъ Купонъ Спиридъ Батечко Олексей боярчонокъ Иванъ и Василей Микуличи Иванъ Наплетичь Гаврило Жукъ Кгабріель Лакгодный Васілей Крывуша Иванъ Семеновичъ Маргкъ Янъ Клишицъ Александръ Савичь Герасимъ Скабичъ которые-то особы будучи сами на онъ часъ на преднейшимя в ратушу герштами добунтовъ, и иншихъ спосодьства побужали и подъбурали закоторымъ ихъ таковымъ подбуренемъ до непослушенства ижъ се таковое сплюндроване месту Полоцкому за тымъ и немалая шкода его королевской милости пану нашому милостивому и всей речи посполитой стала, сее оповедане на тыхъ поменоныхъ особъ до враду меского ратушнаго на писме подавшы помененый его милость панъ подвоеводій просилъ абы было записано што есть записано.

Настоящій протестъ Полоцкаго Лянтвойта, доказываеть, что въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, многіе изъ жителей Полоцка, довольно открыто обнаруживали свое сочувствіе къ русскимъ, что число таковыхъ было столь значительно, что они съ успѣхомъ противодѣйствовали польской партіи.

Интересно также показаніе протестанта о томъ, что Полоцкіе мѣщане, отвергнувшіе предложеніе его объ укрѣпленіи города, обѣщались «складать по шелегу за знесеніе его подвойтего.» Видно взяточничество всегда господствовало въ польской администраціи!

2.

Року тысеча шестьсотъ сорокъ третего месеца Сентебря девятаго дня. Протестація велебнаго ксендза Гана Филиповъскаго казнодзеи колеюмъ Полоцкого *на всихъ схизматиковъ* у Полоцку будучихъ *нижъ они образы лжуть и о панне насвентшой блузнятъ.*

При бытности его милости пана Яна Волеслава богатыра Косаравъского лянтвойта Полоцкаго Передъ нами бурмистрами райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ в ратушу полоцъкомъ заседаючими Постановившысе очевисто велебный вбозе его милости ксондзъ Янъ Филиповъскій казнодея колеюмъ полоцкаго Оповедалъ и жаловалъ на всихъ схизъматиковъ вмести Полоцъкомъ будучихъ Отоми ижъ они образы божые светые лжатъ деспектуютъ дерутъ топчуть насмеваючысе онымъ светымъ образомъ очи носы вышарпываютъ и о панъне насвентшой блузънять чего всего спобожности постерегаючы аб такое глупъство тутъ вместе Полоцкомъ не деелосе, сее свое оповедане жалосное заносимъ и шыршую жалобу свою на потомъ на нихъ схизматиковъ преложить готовы будемъ а на сей часъ просимъ, абы сее нашое оповедане было до книгъ меских Полоцкихъ записано што есть записано.

Этотъ актъ, одинъ изъ множества ему подобныхъ, записанныхъ въ городскія книги уніятскимъ и католическимъ духовенствомъ, доказываетъ, какъ единодушно и рѣшительно протестовало православное населеніе Полоцка противъ навязываемаго ему новаго вѣроученія, т. е. уніи.

3.

Року тысеча шестьсотъ тридцать осмого месеца Генваря двадцать девятаго дня, выконане присеги на мескую отъ Стефана бурдынскаго.

Предъ нами бурмистрами райцами и лавниками того року на справахъ судовыхъ в ратушу полоцкомъ будучыми, постановившися очевисто Стефанъ Бурдынскій оповедалъ то и довѣдомости нашое врадовое доносилъ, ижъ дей есьми отъ немалаго часу тутъ вместе Полоцкомъ мешканье свое маю, зачымъ тежъ *водлугъ звычаю* иншыхъ *мещанъ тутешнихъ и присегу готовъ есьми выконати*, *яко новатный мещанинъ, вместемъ ураду тутейшому во всемъ послушнымъ быти*, мы врадъ видечи его Стефана Бурдынскаго такую повольность по захованью его *подтчывомъ межы суседьми* слыпечы велели есьмо оному тую *присегу ротою впорадку права Майдебургскаго описанною заразъ выконати* якожъ онъ тому наказу нашому досыть чынечы выконалъ присегу, яко новотный мещанинъ, што якосе на враде деело, есть до книгъ меских Полоцкихъ записано.

Изъ этого, и многихъ сему подобныхъ актовъ, должно заключить, что новопоселившіеся въ привилегированныхъ городахъ жители (мещане) тогда только могли пользоваться Магдебургскимъ правомъ, когда приносили присягу на повиновеніе уряду городскому и когда добропорядочнымъ поведеніемъ того заслуживали.

(Сообщены А. М. Созоновымъ въ Витебск. Губ. Вѣд.)

№ 13-й.

КЪ ИСТОРІИ БРАТСТВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота греческаго патріарха Іеремія, утверждающая постановленіе братства церковнаго виленскаго православнаго 1588 г.

Іеремея милостию Божию Архиепископъ Костентинополя новог рима, и вселенский Патриархъ; Благоволѣнием Бга отца и благодатию Гда нашего Иса Ха и действом стого дха, смирение наше; Последуя апостольским и стых отец преданием; Просещая Хсву соборную Апостолскую црковъ Православия греческаго, и желая яко да во области нашея Епископия, иже суть поднею правды да соблюдаются чисто и непо движно во создание а не разорение достигох и вземлю Великого Князства Литовъскаго, Вгосподарстве Жикгимонта третего Божью млтью Короля Польского и великого Кнзя Литовского Руского Прускего и прочих, Ипришедшу ми вобогоспасаемый град вилню, влето воплощении Гда Бога и спаса нашего Иса Хса афпи (1588) Мца Июня третего дня; За архиепископъства Ионисифора Митрополита Киевъского, галицкаго и всея русии, Вто время пришли перед нас гражане места виленъскаго братия братства црковнаго стое и живоначальное тройцы, и вдаша намъ ворасмотрение и исправление книгу, Чинъ братства своего церковнаго, юже всне лѣто, тисеча пятсотъ осмъдесят осмое, благословением Ионисифора митрополита киевского напечаташа, вчесть и славу господу Богу

Вотройцы единому, и ко составлению любви вовере позакону црквн Христовы, молящены да нашего пастырства благословлние наших пребудет, Мы же смиреннии разсмотревъше вся пораду написаная во оной книзе братства их црковнаго, Стое и живоначальное тройцы. Изра вся тамъ написанная ксоединенію любви духовное и ксовершенному християнскому блгочестию По преданию Стых Апостол и божественных отец учению, того ради мы смиреннии, По дару Стого дха повелением Гоа нашего Исса Хрта, Совѣтомъ бгодухновѣнных стых писаний. Пастырским строением повѣлеваем и благословляем ихъ насие богу угодное братство, и вси обычаи его во книзе братства црковнаго написанныя хранити, юже мы смиренний утвержая печатию нашею назнаменав и сим нашим листом во воспоминание и укрепление имъ предаем, и школу братскую вдому братскомъ, языка греческаго, Латинскаго и рускаго имѣти. Також и друкарню вся книги ветхаго и новаго завѣта по стых отецъ преданию печатати повелеваемъ и вся купно написаная во книзе братства црковнаго во вѣчныя роды крепко и незыблимо держати и творити благословляем и укрепляем. Братіюж непокараюшуся истинне и соблазнь зсебе инемъ подающу сим листом нашим Митрополиту киевскому и галицкому и его наместнику, и всем купно священникомъ места Виленского за прозбою всее купно братьи предвсеми людми во цѣркви отъ братства отлучити повелеваем. Егда бо рече отлучится горшое, тогда лучшему совокупится небо, любве ради заповедей божиихъ, актобы сему бгоугодному братству был противен и разарал, или бого мерзкими усты онем клеветал, несогласие и раздоръ внося, аще архие-

пископ или Епископъ, или архимандрит или игумен или Протопопа или Поп или Дъяконъ или который же подвекъ причетник церковный, или кто отъ мирскихъ всякаго чина возраста же и сана, от меншихъ и достаршихъ, на таковомъ буди неблгословение наше. Ивласт имуще смирение наше отъ пресвятаго дха, данную отъ спаса нашего Иса Хса стым его ученикомъ и апостоломъ связуемъ его на земли да будет связан на небесех, ащеся ко покаянию необратитъ, Сегож ради протопопе места виленского и всем свещенникомъ сесь вашъ листъ вовсих церквахъ прочитати повелеваем, яко да непогрешит кто отъ правоелавныхъ, неведениемъ противу сему преданию нашему, Всей же купно братии, аже охес храма стыя и живоначалныя троица о святем дусе возлюбленному нашого смирения стаду, благодать и милось и миръ и благословение, и здравие телесное и душевное спасение, и всего благаго отъ Бога отца и Га нашего Иса Хса соблгословениемъ домом и чадом их. И совсеми купно повинующимися истинне сей; дати молимся, и паки по всюду православнии молим неотступайте праведнаго пути, но пребудете верни во всемъ постановении церковном яко изначала прияете, слушающе нас Пословеси Хсве блющемъ, слушая вас мене слушаеть а отметаяйся вас мене отметается, млть же божия и молитва ншего смирения свами присно и вовеки аминъ. Писан у Вилни влеть новоплощения Гса нашего Иса Хста ,аф п и (1588) Мца Июня 5 дня, (Подписано).

† Ἱερεμίας ἐλέῳ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. (Въ томъ мѣстѣ на подлин. прил. маленькая печ. патріарха).

(Подлин.: пергам.)

2.

Грамота короля Сигизмунда III виленскимъ рускимъ мѣщанамъ о порядкѣ братства ихъ при ц. св. Троицы въ Вильнѣ, о ежегодномъ сборѣ для братства, о пособіи обѣднѣвшимъ, о содержаніи больницы, училища и типографіи братства и о расправѣ ихъ чрезъ справцевъ братства. 1589 г.

Воимя Божое станься Ку вечной памети и змоцненью речи нижей описаное Мы Жигимонтъ третий Божю милостью Король Польский великий Князь Литовский руский Пруский Жомойтский Мазовецкий Ифлянтский и Королевства Шведского наближший дедич и прирожоный Король. Чинимъ явно и знакомито сим листомъ нашимъ кому того ведати належати будетъ нинешнимъ и на потомъ будучымъ. Ижъ мы маючи на баченью повинность нашу Гдрскую щасливе пануючи надъ людом народовъ хрестиянскихъ а не только стородавныхъ правъ, свободъ, вольностей сторожомъ обороньцою будучи. Але завсегды ку надаванью и примноженью их обывателем повиньетвъ нашихъ ласкаве ставечыся и тымъ большою хутью надовсе помноженья хвалы Божое и порядковъ слушныхъ захованья зычечы, за донесеньем ку вам прозбъ на чолом битье становъ многихъ розныхъ славутныхъ мещанъ места нашого Столечного Виленского людей народу руского закону греческаго ласкаве позволили есьмо на то, Ижь што помененые станы и посполство звыщъ реченое, ведле руское мещане виленские братья церковная церкви места виленского заложенья светое тройцы подали передъ нами Гдремъ порадки и Артыкулы всправамъ и въ обыходехъ церковныхъ ку помноженію

хвалы божое и молебенъ учинковъ хрестіанскихъ ялмужны побоженьства и иншихъ справъ пристойныхъ межи людми закову греческого способляючы втых справахъ и назвавши братство церковное троецкое межи собою постановленые, и въ уживанью здавна въ церквяхъ Божихъ и на писме въ друку будучые Которые они собе межи собою ховати и оными се втых речах радити постерегати науку писма светого помножати и иные пристойные справы порадне отправовати умысливши и постановивши и намъ то Гдру списано явне оказавши просили нас абыхмо имъ зласки звирхностью нашою ку вечному держанью и обьходу справованью и уживанью того вечному надали и привилеемъ нашим ствердили. Инее мы втот порадокъ постановенья въглянувши, и бачачы речъ и прозьбу ихъ пристойную, для всихъ звышъ меновоныхъ речей и обыходовъ побожныхъ розмноженья на то зезволивши и то имъ симъ листомъ привилеемъ нашимъ ку вечному уживанью и справованью надаемъ, и тотъ порадокъ отъ них перед насъ принесеный и повинность братства их церковного звышъ меновалого справъ помененыхъ всесь лист нашъ уписат семо велели. Напервей иж хтобы колвекъ втое братство их церковное виисатися в братомъ уписным зостати хотелъ тотъ маеть дати уписного до скринки братское тое што самъ похочетъ водлугъ воли и преможенья своего Кутому каждый братъ уписный кождое недели послужбе Божой ранней повиненъ до братства церковного прийти и водлугъ воли и преможенья до скринки братское на ялмужну дати, Также каждого року складинка одна у году а меновите внеделю четвертую по рожестве Хрве для вспоможенья братског, под-

лугъ воли и преможенья ихъ быти мает, и то хто што прискончевью живота своего самъ здоброе воли своее на братство церковное надастъ и отпишетъ, А стых всих приходовъ служба Божая ранная черезъ попа и дъякона ихъ братскаго у олтара их братского вкаждомъ тыдню чотыры кротъ А меновите въ неделю всереду впятницу и всуботу отправована бывает, А особливе вкаждую пятницу по службе Божой ранней всим собором Троецкимъ, то есть богомолье молебенъ за насъ Гдра и за все Хрестиянство пана Бога просити будутъ А за то попомъ и дъякону и слугам церковным зскринки братское сприходовъ помененых водлугъ порадку братского заплата идетъ, и на кождое свято врочистое где вкоторой церкви празникъ будетъ, також на богомолье по шести грошей дявано будетъ Черцомъ тежъ и черницамъ вкождомъ тыдню водлугъ преможенья братского на страву давати маютъ А до шпиталей и по турмах вязнемъ и убозству по улицахъ двакротъ вроку ялмужну давати здоброе воли будутъ А меновите о Божомъ нарожению и о великодню, Естълибы теж которыйкольвекъ братъ уписанный съ допущенья Божого спригоды на маетности упалъ тогды таковому съ повинности Хрестиянское зъ скринъки Братское водле преможеня братского подпоможенье чинено будетъ, Такъже и вхоробе брату уписному убогому яко на ратунокъ здоровъя такъ и на выживенье часу тяжкости его водле преможенья братского дадут и вшелякими потребами опатровати будутъ, А кгды теж вже на которого брата уписного убогого панъ Богъ смерть допустити рачытъ, а не былобы маетности его чимъ тела поховать, Тогды братья братства церковнаго накладом зъ

скрынки братское погребъ чинити будутъ водле звычаю хрестиянскаго яко добрая воля и побожность ихъ будетъ, Вшколе тежъ братской детей братии уписное и убогихъ сиротъ езыка и писма руского, греческого латынского и Польского накладом братским дармо учити повинни водле постановенья ихъ братского, Также и людей вписме учоныхъ особъ духовныхъ и светскихъ для науки школъное и доспеванья въ справе своей ховати маютъ, братья братства церковного уписные вси водлугъ шлюбу и рукодания своего повинностям братскимъ во всемъ досытъ чинити и схажокъ водлугъ порадку братского пильны быти маютъ, А еслибы хто якогожъкольвекъ стану збратьи ихъ уписное схажокъ недельныхъ пиленъ быти и повинностям братским досыть чинити не хотелъ таковый за непослушенство свое вину въ постановенью ихъ братском описаную поносити маетъ, На што и благословеньство звирхънейшого пастыра их Аръхиепископа Костантынополя и вселеньского патриаръхи отца иеремея перед нами Гдремъ показовали, што все на томъ постановенью их особливомъ братском з друку выданномъ и на листе патриаршенскомъ ширей и достаточней описано и доложоно естъ, и тые свободы вольности имъ надаем ижъ они водлугъ артыкулов всемъ листе нашомъ нижей и вышей описанныхъ маютъ схажки свои и школу братскую мети у монастыре светое тройцы вместе виленскомъ на звыкломъ местцу где и перед тым за благословеньствомъ звирхнего пастыра их отца патриарха Костантинопольского мевали, И тые порадки свои братские на писме здруку выданые водлугъ листу патриархи Констентинопольского втомъ братстве церковномъ радити и спра-

ховати вшелякого порядку их братского доброволь-не уживати и листы прав своих братских где того имъ потреба оказовати будетъ печатью наданою имъ отъ патриархи образомъ светое тройцы печатати, также церкви фундовати и направовати, людей въ писме ученых духовных и светских до науки школьное и до ученья людей у церкви и доспеванья подъ справою своею ховати, и книги веякие старого и нового закону такъ въ науце школьной яко и церкви потребные по кгрецку по словацку по руску и по польску друковати позволяемъ имъ тежъ и того хтобы здоброе воли своее на тое братство ихъ церковное што надалъ альбо тестаментомъ отписалъ и потомъ надастъ альбо отпишетъ такъ речи руховые яко и лежачые, то на вси потомные часы при оном братстве их церковномъ вечне зоставати маетъ, чего имъ никоторый врад трибунальский, маршалковский земский кгродский и местский такъ при бытности яко и безъ бытности нашое втомъ паньстве нашомъ, великом Князстве литовскомъ николи боронити ани ся вто уступовати и переказы жадное втом имъ чинити не маютъ и небудутъ мочы А вчомъ бы ся кому отъ кого межи братьею упиеною зразмовъ братскихъ якая кривда и замовка ростыркомъ яким въ речах церковных часу собранья в братстве будучих стала, тогды справцы рочные того братства зышодшися посполу съ братьею того дела судовнимъ обычаемъ межи ними догледати и кончити маютъ А жадному въ таковых речах до иншнх прав яко духовных так и светских закону грецкого и римского отзыватися немаютъ немают допустити лечъ кождый зних маетъ права достоити и послушенство перед справцами рочными того брат-

закона их церковного звышъ помененого чинити, до таковыхъ речей такъ духовные яко и светские вряды судити немають А естлибы ся теж кому кривда якаяколвекъ отъ братства церковного в речах церковных и в справах ихъ братскик видела, тогды нихто зъ урядовъ звыш помененых судити их о то немаеть одно мы Гдрь яко оборонца вшелякихъ добръ духовных и братствъ церковных справедливость чинити будем, Ку тому имъ особливе вольность з ласки нашое тую даемъ иж въ дому их братскомъ вшеланий гость господою так при бытности яко и безъбытности нашое стояти немаеть А ни зъ уряду жадного яко маршалковског замкового и местского втомъ дому их братском никому Господа немаеть быть давана ани записована, и ни которых цыншов ани подачковъ местских и повинностей жадных посполитых здому их братского и злюдей внемъ мешкаючых давати и полнити не мають, Такъ теж бурмистры и радцы места виленского братьи уписное стого братства церковного на послуги до иншых братствъ своих такъже и до послугъ церковных и шпитальных брати и никоторое трудности и переказы втом имъ чинити не мають и не будутъ мочи, Кгдыж кождое братство особных слуг зъ своего братства обираеть и для послугъ своих ховаеть, Кгдыж тое братство их церковное и своихъ послугъ церковных шпиталных и иных закону их греческого належачих досыть зъ себе маеть, А такъ мы Гдрь тотъ порадокъ и братство ихъ церкви светое тройцы з ласки нашое Гдрьское наданое яко ся звыш всем привилью нашом поменило на вечные часы имъ симъ листомъ нашим надалиесьмо и ствержеемъ мають они и вольни будуть и потомки их того

братства своего церковного свободне и доброволне уживати и внемъся водлугъ постановенья порадковъ звышъ описаныхъ опрАвовати, обьходити, и радити безъ всякое перешкоды и нарушеня на вси пришлые часы непорушно, И на то дали есьмо тому братству церковному троецкому закону греческого сесь нашъ листъ прывилей сподписом руки нашое Гдрьское до которого, на твердость того и печать нашу привесити велели есьмо Писан у вильни Лета Божого нароженья тысеча пятсотъ осмдесят девятого, Мца июля двадцать первого дня (подписано) Sigizmundus Rex. яроп Воловичъ писарь.— (Подлин. Пергам. Печать. оторвана).

(Сборникъ актовъ г. Вильно).

II.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СОСТОЯНІЯ ГАЛИЦІИ ВЪ 1848 Г. *)

(Эпоха возстановленія русской народности въ этой странѣ).

Въ настоящую важную минуту, когда представители народовъ конституціонной австрійской монархіи засѣдаютъ въ верховномъ совѣтѣ, чтобы разсуждать о благѣ отечества, чтобы положить прочныя основанія дарованнымъ правамъ свободы и уяснить взаимныя права и обязанности, когда при этомъ должны быть приняты во вниманіе и различныя отношенія отдѣльныхъ провинцій и націй,—оказывается необходимымъ, освѣтить положеніе дѣлъ въ Галиціи, тѣмъ болѣе, что особенности двухъ главныхъ народностей провинціи, русскихъ и поляковъ, и вза-

*) Предлагаемый вниманію читателей Вѣстника очеркъ польско-галиційской революціи въ 1848 г. во многихъ отношеніяхъ любопытенъ для насъ и поучителенъ. Онъ не только рисуетъ интересную картину прошедшаго, но и представляетъ прекрасное fac simile настоящаго. Изъ этого очерка видно, что попытка, неудавшаяся тогда въ Галиціи, теперь только перенесена на другую территорію съ прежнею обстановкой. Изъ этого же очерка видно и то, что мы имѣемъ теперь дѣло съ дѣтьми, получившими въ наслѣдство отъ своихъ родителей всѣ революціонные пріемы: и ложь, и клевету, и подкупы, и обманъ, и терроръ, и всякія другія низости—утратившими гражданскую честь народа. Ред.

имное ихъ отношеніе много затрудняютъ пониманіе стоящихъ на очереди вопросовъ и требуютъ немедленной развязки. Смѣшанное населеніе Галиціи находится въ сильномъ броженіи, въ состояніи вооруженнаго, болѣе или менѣе напряженнаго ожиданія. Смутные толки, угрозы, насмѣшливыя или выражающія ненависть рѣчи въ летучихъ листкахъ, журналахъ и публикѣ возбуждаютъ раздраженіе Событій еще мало, но демонстраціи случаются часто.

Откуда эта ненависть, эти угрозы, это раздраженіе, этотъ безпорядочный разнорѣчивый крикъ? Откуда это неожиданное движеніе? И почему настоящія, конституціонныя, спасительныя перемѣны развиваются также насильственно? Слѣдующее, основанное на истинныхъ событіяхъ, изображеніе состоянія Галиціи имѣетъ въ виду заявить на эти вопросы достаточные отвѣты.

Двѣ главныя народности Галиціи,—русскіе и поляки, хотя обѣ славянскаго племени, существенно отличаются другъ отъ друга происхожденіемъ, языкомъ, религіозными обрядами, нравами и обычаями. Русскій народъ образуетъ особую, самобытную народность, подобно чехамъ, кроатамъ, сербамъ, булгарамъ, полякамъ и другимъ славянскимъ племенамъ.

Изъ болѣе чѣмъ пяти-милльоннаго населенія Галиціи, русскихъ, которые твердо сохраняютъ свой языкъ и восточный обрядъ, считается болѣе $2^1/_2$ милліоновъ. Они населяютъ округи: Черновичь, Коломеа, Залещики, Тарнополь, Станиславовъ, Березань, Злочовъ, Стрый, Салиборъ, Санокъ, Перемысль, Жолкѣвъ, Львовъ, также часть округовъ Рѣшовъ, Ясло, и Сандокъ. Кромѣ ихъ въ Галиціи считается болѣе полмилліона нѣмцевъ, армянъ, чеховъ, мадьяровъ и др.; болѣе 400,000 евреевъ, 150,000 молдаванъ въ Буковинѣ, и только $1^1/_2$ милліона поляковъ. Большая часть изъ нихъ въ названныхъ округахъ, по своему происхожденію, языку и правамъ—чистые русскіе. Русскими они и признаютъ себя, къ полякамъ же причисляются только потому, что принадлежатъ латинской вѣрѣ. Округи Видовище, Бохни, Тарновъ и прилежащія къ нимъ части округовъ Сандокъ, Ясло, и Рѣшовъ почти исключительно населены вѣтвью польскаго племени—мазурами, число которыхъ восходитъ далеко за милліонъ. Въ русской части Галиціи поляковъ мало; къ нимъ принадлежитъ большая часть помѣщиковъ, ихъ оффиціалисты и слуги, преимущественно ренегаты изъ русскихъ,

Большая, населенная русскими, часть Галиціи нѣкогда составляла самостоятельное русское государство, входившее прежде въ составъ обще-русской земли. Великое государство русское, при наслѣдникахъ Рюрика и Владиміра святаго, приведенное въ упадокъ внутренними раздорами и усобицами удѣльныхъ князей и возстаніями ихъ противъ верховной власти великаго князя, вызванными господствовавшею тогда системою дробленія наслѣдственныхъ удѣловъ,—могло противопоставить напору монголовъ и татаръ только очень слабое сопротивленіе, и подпало наконецъ подъ ихъ владычество. Тогда возросло значеніе и могущество русскихъ князей владимірскихъ и галицкихъ, и образовалось великое, самобытное государство русское съ столицею *Галичемъ*, отчего происходитъ и названіе королевствъ Галиціи и Лодомеріи.

Русское государство, цвѣтущее и благоустроенное внутри, могущественно было извнѣ. Верховные князья этого царства носили нѣсколько времени титулъ королей Галиціи и составляли передовой оплотъ противъ вторженія на западъ татаръ, которыхъ могущество было значительно ослаблено сопротивленіемъ русскихъ ихъ натиску.

Сосѣдственныя и родственныя отношенія къ Венгріи имѣли слѣдствіемъ то, что короли Венгріи стали обнаруживать притязанія на владѣніе этими княжествами русскими,—случалось даже, что принцы венгерскаго королевскаго дома восходили на престолъ Галиціи, и этимъ притязаніямъ короны венгерской усвоялось даже до новѣйшихъ временъ полное значеніе,—почему и Австрія, при паденіи Польши, завладѣла Галиціей и Лодомиріей, какъ прежнею русскою провинціей.

Когда угасъ русскій княжескій домъ Галиціи изъ рода Рюрика и Владиміра, и русскіе, ослабленные внутренними несогласіями и вторженіями татаръ, не могли оказать врагу значительнаго сопротивленія,—польскому королю Казимиру удалось силою оружія уничтожить самостоятельное русское государство, подчинить его своей власти и присоединить къ Королевству Польскому; въ этомъ польскомъ рабствѣ русскіе томились до тѣхъ поръ, пока Галиція не подпала (вслѣдствіе раздѣла Польши великими державами) подъ власть Австріи. Боязнь потерять насильно присоединенныя русскія провинціи родила въ полякахъ постыдную мысль ополячить совершенно рус-

скую народность и такимъ образомъ обезопасить себѣ владѣніе этими провинціями.

Ужасны средства, употребленныя поляками для того, чтобы подавить языкъ, православную вѣру русскихъ и уничтожить ихъ національность. Русскимъ отказывали въ политическихъ и гражданскихъ правахъ, ихъ не допускали ни къ какимъ должностямъ и чинамъ, стѣсняли заведеніе русскихъ школъ и употребленіе русскаго языка, не только не заботились объ образованіи русскаго клира, но и препятствовали ему, отнимали, подъ разными предлогами, богатые вклады русскихъ церквей, подвергали насмѣшкамъ, презрѣнію и обидамъ духовное сословіе, а съ сельскимъ духовенствомъ поступали какъ съ крестьянами [1]). Систематически подвергая презрѣнію и осмѣянію, доводя до совершенной нищеты и одичалости русскихъ, оставшихся вѣрными своей національности, надѣляя преимуществами и отличая ополячившихся, недостойныхъ сыновъ преслѣдуемой русской націи,—поляки надѣялись достигнуть цѣли своей гнусной пропаганды. Католическое духовенство, преимущественно іезуиты и монахи другихъ орденовъ, не стыдились тогда, подъ разными предлогами, оказывать существенныя услуги р. к обряду и злоупотреблять именемъ священной религіи, за что были щедро награждаемы отнятыми у русскихъ церквами, похищенными церковными имуществами и богатыми, заводимыми между русскими, учрежденіями.

Къ явному вреду и съ цѣлію уничтоженія греческаго обряда, вся страна русскихъ была, какъ сѣтью, покрыта польскимъ приходскимъ и монашескимъ духовенствомъ, которое, будучи ослѣплено преимуществами и богатствомъ, въ своемъ высокомѣріи, поступало съ русскими,—исповѣдниками восточной церкви, какъ съ еретиками, и попирало ногами русское духовенство,—своихъ братьевъ во Христѣ. Фанатизмъ его вызвалъ почти не-

---

[1]) Самое почтенное русское названіе священника „попъ" (отецъ, отъ греческаго παππας) было употребляемо поляками только какъ ругательное слово. Императоръ Іосифъ II-й долженъ былъ издать на то свое запрещеніе; не смотря на то поляки и теперь позволяютъ себѣ употреблять это названіе въ укоръ греко-унитскому духовенству.

вѣроятный, однакожъ исторически вѣрный, обычай—отдавать русскія церкви въ аренду жидамъ, которые позволяли ихъ отворять только за уплату извѣстной подати. Этимъ думали принудить русскихъ ходить въ римскую церковь. Память о такомъ безчестіи перешла въ народныя пѣсни, и тѣ изъ нихъ, которыя поются въ великъ день (пасху) во всей русской странѣ, полны сѣтованій и жалобъ на подобнаго рода угнетенія православія. Всѣ эти жестокія, возмущающія душу, вѣковыя преслѣдованія не могли однакожъ поколебать твердости русскихъ и уничтожить въ нихъ любовь къ своему языку и восточному обряду. Полякамъ едва удалось только ополячить выродившуюся, алчную къ богатствамъ, почестямъ и неограниченному самоволію, русскую шляхту. Большинство оставалось непоколебимо, вѣрно своему языку, своему обряду и сохранило даже до настоящаго времени свою національность въ полной силѣ и чистотѣ. Въ прежнемъ Польскомъ Королевствѣ только шляхта и латинское духовенство пользовались привиллегіями и почти неограниченными правами свободы; съ народомъ же поступали какъ съ крѣпостными. И городское сословіе почти неимѣло никакихъ правъ; только шляхта составляла націю, все прочее было—народъ, чернь. Могущество и значеніе королей было ограничиваемо при каждомъ избраніи и дошло, наконецъ, до полнаго безсилія. Наступило неограниченное самовластіе шляхты, и королевство польское, погруженное въ совершенную анархію, должно было разрушиться.

Польша пала частію отъ необузданности и высокомѣрія шляхты, частію вслѣдствіе преслѣдованій, направленныхъ противъ русскихъ, не только православныхъ, но и уніятовъ, и полонизмъ живетъ только въ польской аристократіи и нищенствующей шляхтѣ, которая усиливается воротить потерянное самовластіе. Это—государи безъ націи, корпусъ офицеровъ безъ арміи; потому польскій народъ, котораго никогда не признавали за націю и не поступали какъ съ людьми, вовсе не питаетъ симпатіи къ полонизму и противится всякой революціонной попыткѣ возстановить Польшу. Онъ считаетъ поляковъ своими врагами, и боится возвращенія ненавистнаго ему польскаго правленія. Да, крѣпко живутъ еще въ народѣ сохраненныя преданіемъ воспоминанія изъ временъ польскаго владычества,—и онъ на столько умѣетъ сравнить свое прежнее состо-

яніе съ настоящимъ, чтобы понять, что его естественныя человѣческія права получили защиту лишь подъ правленіемъ конституціонной Австріи, что теперь только опредѣлены ихъ обязанности къ помѣщикамъ и поставлены границы чрезмѣрнымъ, незаконнымъ ихъ требованіямъ.

Всѣ эти насилія поляки оправдываютъ теперь духомъ того времени. Но что сдѣлали они съ 1772 года? Они не знаютъ другихъ интересовъ страны, кромѣ своихъ частныхъ; какъ прежде, такъ и теперь, тщательно отдѣляютъ себя отъ сельскаго народа, сколько можно распространяютъ свое имѣніе грунтами, отнятыми у подданнаго, умножаютъ число дней барщины раздѣленіемъ крестьянскихъ грунтовъ и т. д. и противятся, что есть силы, всѣмъ, касающимся пользы крестьянъ, мѣрамъ правительства. Только съ большимъ трудомъ удалось народу русскому, при пособіи правительства, завести сельскія школы. И сельскій народъ долженъ забыть прошедшее, когда онъ не видѣлъ до послѣдняго времени никакого доказательства перемѣны къ лучшему! Полякъ помнитъ земледѣльца только тогда, когда нуждается въ немъ, а вообще нисколько не заботится о немъ; потому и сельскій народъ платитъ ему тою же монетой. Безполезными оставались всѣ бывшія (особенно съ 1830 г.) покушенія поляковъ побудить къ возстанію сельскій народъ [1]).

Прекращеніе польскаго владычества чрезмѣрно обрадовало русскихъ. Подъ гуманнымъ закономъ австрійской конституціи греко-унитскій обрядъ былъ сравненъ въ правахъ съ римско-католическимъ, русскому духовенству дано приличное его званію образованіе, значительно улучшено его содержаніе и

---

[1]) Могъ ли крестьянинъ въ 1846 году стать подъ знамя возстанія, повѣривъ обѣщанію, что подарятъ ему барщину тѣ, которые требовали ее со всею строгостію, даже на канунѣ возстанія? Могъ ли онъ взяться за оружіе и жертвовать своею жизнію и имуществомъ, по призыву тѣхъ, которые теперь проповѣдывали братство, равенство и свободу, а прежде трактовали его, какъ животное? Только отъ правительства онъ могъ ожидать защиты и помощи; поэтому и возсталъ противъ общаго имъ врага такъ грозно и неумолимо.

изданы многіе законы, вліявшіе благодѣтельно на матеріальное его благосостояніе.

За то и русское населеніе всегда отличалось непоколебимою привязанностію къ правительству, прямодушіемъ и спокойнымъ поведеніемъ. Русское духовенство, правильно понимая свое апостольское званіе, словомъ и дѣломъ служитъ для послушныхъ имъ прихожанъ образцемъ глубокой преданности власти и закону.

Весь сельскій народъ Галиціи всѣхъ національностей, русскіе всѣхъ сословій, вѣрные своему языку и обряду, и почти всѣ горожане и мѣщане приняли дарованныя имъ конституціонныя права съ особенною радостію и благодарностію. Всѣ желаютъ одного—остаться членами единой, сильной націи подъ эгидою свободной, связанной единствомъ трона, конституціи; всѣ заботятся о томъ, чтобы нигдѣ не допустить въ этотъ переходной періодъ, когда старый порядокъ уничтоженъ, а новый еще не установленъ,—анархіи, или незаконнаго своеволія, стремятся повсюду твердо сохранить спокойствіе, порядокъ и ожидаютъ развитія дарованныхъ имъ новыхъ правъ свободы конституціоннымъ путемъ.

Одна только польская революціонная партія думала воспользоваться движеніями, вызванными новыми, пріобрѣтенными правами, для своихъ революціонныхъ цѣлей, для приведенія въ исполненіе разрушеннаго въ 1846 году плана. Она враждебно отнеслась къ австрійской монархіи и желанію всего населенія Галиціи. Ея планъ извѣстенъ всѣмъ, и открыто высказывается партіею въ адресахъ и періодическихъ листкахъ. Она развиваетъ обширный замыселъ,—приготовить востаніе Галиціи для достиженія независимости Польши, а для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть этой революціонной цѣли, она держитъ населеніе Галиціи въ постоянномъ броженіи и старается возбуждать и питать раздраженіе въ народѣ противъ правительства и его органовъ. Она знаетъ подлинныя причины ужасающихъ событій 1846 года, знаетъ первоначальныхъ виновниковъ кровавыхъ жертвъ того года, однакожъ въ своемъ преступномъ замыслѣ ревностно распространяетъ разглашенные объ этихъ событіяхъ лживые слухи, которыми обыкновенно ожесточенный и безчестный человѣкъ старается скрыть слѣды совершеннаго имъ преступленія. Кто не раздѣлялъ намѣреній этой партіи и

осмѣливался только неодобрять ея замысла, того безчестнѣйшимъ образомъ оклеветывали предъ цѣлою страною, тому приписывали контръ-революцію крестьянъ, хотя крестьянинъ только по страху польскаго правленія и по необходимости личной обороны противъ возставшихъ, отражалъ силу силою и, по своей грубости, проявилъ ее въ жестокихъ насиліяхъ. Императоръ простилъ виновнымъ, но польская партія, изъ своихъ интересовъ, не прощаетъ и невиннымъ; она почитаетъ выхлопотанныя великодушными вѣнскими братьями и получившія одобреніе отъ императора права свободы плодомъ своихъ усилій и своей заслуги; въ благодарность она считаетъ себя побѣдителемъ и завоевателемъ, и, обходя существующіе суды и законы, провозглашаетъ себя судьею надъ невинными, осуждаетъ и приговориваетъ къ изгнанію чиновниковъ, не сочувствовавшихъ безумному предпріятію партіи. Первый ударъ направленъ былъ противъ тѣхъ изъ нихъ, которые, не смотря на трудность обстоятельствъ, непоколебимо сохранили вѣрность и преданность императору и честно исполнили свой долгъ. Вообще чиновники, которые отличаются законнымъ образомъ дѣйствій и противоборствуютъ кознямъ революціонной партіи, составляютъ предметъ самыхъ яростныхъ нападокъ и постыднѣйшихъ клеветъ со стороны этой партіи. Даже высоко стоящіе администраторы, пользующіеся повсемѣстною извѣстностію и почти обоготворяемые прежде самою этою партіею, не были пощажены злорѣчивыми языками, какъ скоро своими законными поступками пошли наперекоръ планамъ этой партіи. Они сочиняютъ, смотря по нуждѣ, разныя небылицы, искажаютъ происшествія и стараются задѣть въ нихъ чью-либо личность. Этими средствами революціонная партія хотѣла парализовать дѣятельность чиновниковъ, стѣснить ихъ, чтобы открыть болѣе простора для своихъ дѣйствій. Она уже и достигла отчасти своей цѣли: многіе чиновники колебались, когда не нашли себѣ поддержки у правительства, и не имѣли поэтому ни какихъ средствъ противостоять нападкамъ революціонеровъ. Кредитъ правительственныхъ органовъ замѣтно упалъ, могущество правительства значительно ослаблено и, если поспѣшно не будетъ положена преграда этому злу, то можно опасаться полной анархіи. Для этой партіи всѣ средства позволительны; она попираетъ основныя правила истины, человѣчности и разума и

не призадумается ни на минуту—принести благо отечества въ жертву своему сумасбродному предпріятію.

Rada narodowa Polska въ Львовѣ, органъ революціонной партіи и учрежденные во всѣхъ окружныхъ городахъ комитеты покушались, подъ видомъ посредничества и контроля, стать между органами правительства и народомъ, съ цѣлью ослабить дѣйствіе законныхъ авторитетовъ и поставить авторитетомъ себя самихъ, по крайней мѣрѣ заставить смотрѣть на себя, какъ на представителей націи, хотя все населеніе Галиціи съ сильнымъ негодованіемъ отвергаетъ такое протекторство.

Объявивши, что уничтоженіе барщины есть даръ помѣщиковъ, эта партія думала привлечь на свою сторону народъ для своихъ цѣлей и распространяла слухи, что императоръ и австрійское правительство побѣждено, что поляки уже повсюду восторжествовали надъ ними и снова приняли власть въ свои руки.

Повѣренные, помѣщичьи оффиціалисты, арендаторы, мѣстные помѣщики и другіе искатели приключеній объѣзжаютъ страну въ качествѣ разсыльныхъ газеты: Rada narodowa, съ цѣлью обезпокоить и ввести въ заблужденіе подобными слухами сельскій народъ. Они разсѣеваютъ недовѣріе и раздоръ, возбуждаютъ страсти и раздражаютъ простолюдиновъ, ни мало не думая о томъ, что малѣйшая искра, неосторожно раздутая, можетъ произвести пожаръ и повторить печальныя сцены 1846 года.

Но они бы постарались и тогда прибѣгнуть ко лжи, отклонить отъ себя подозрѣніе въ виновности и обвинить другихъ въ печальныхъ послѣдствіяхъ. Учрежденіе правительствомъ національной гвардіи, казалось, представляло этой партіи удобный случай для организованія революціонной арміи. Съ этимъ умысломъ были посланы по всѣмъ направленіямъ страны польскіе коменданты. Исполненіе плана однакожъ сокрушилось о честность народа, который проникъ умыселъ этой партіи и, подъ такимъ предводительствомъ, не хотѣлъ присоединиться къ земскому ополченію, даже высказалъ повсюду свое намѣреніе—охотно помогать правительству противъ польскаго возстанія.

Одновременно съ познанскимъ и краковскимъ возстаніемъ, безъ сомнѣнія, и въ Галиціи началась бы борьба за независимость, которая вызвала бы многія жестокія преслѣдованія и

повлекла за собою кровавыя жертвы, если бы приверженность къ императору и австрійскому правительству, такъ рѣшительно высказанная русскими и сельскимъ народомъ вообще, не устрашила и не обуздала эту партію.

Только въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, окружныхъ городахъ и въ Львовѣ, сборномъ пунктѣ революціонеровъ, удалось этой партіи, образовать нѣчто въ родѣ національной гвардіи.

Съ отвращеніемъ подчинялись этой необходимости благомыслящіе по большей части жители, и только, для избѣжанія кроваваго столкновенія, позволяли этой національной гвардіи оставаться, къ досадѣ всего населенія Галиціи, подъ командою польской революціонной партіи, носить гербы Королевства Польскаго, польскаго орла и польскую національную форму, и по прихоти нѣкоторыхъ личностей принимать въ свои ряды такихъ, которые по опредѣленіямъ статута вовсе не могутъ поступить въ національную гвардію.

Опираясь на эту противозаконно–организованную національную гвардію, польская революціонная партія установила дикую охлократію; она уничтожила свободу, подчинила страну деспотическому гнету, терроризму, чтобы все заставить служить дѣлу полонизма. Слово конституція служитъ предлогомъ ко всякому своеволію, всякому насилію; ненавистная система шпіонства въ полномъ ходу и свобода тисненія превращается въ грубѣйшую дерзость печати.

Gazeta narodowa, Dziennik narodowy, Kurier lwowski и другія подобныя имъ газеты этой партіи открываютъ свои столбцы только для лжи и клеветы; они обманываютъ свѣтъ и думаютъ такимъ обманомъ служить своему дѣлу, расчитываютъ на легковѣріе и близорукость своихъ приверженцевъ и чрезъ то думаютъ пріобрѣсть ихъ силы въ свое безусловное распоряженіе.

На поддержаніе печати, редакторовъ, шпіоновъ и различныхъ агентовъ, на подкупы и обольщенія учащагося юношества, ремесленниковъ, рабочихъ и слугъ были истрачены большія суммы, добытыя поборами и притѣсненіями.

Смертельный ударъ замыслу революціонной партіи—отдѣ-

лить Галицію отъ Австріи и возстановить Польшу нанесло національное возстаніе русскихъ [1]).

Подъ правленіемъ Австріи, хотя и была принята подъ защиту правительства національность русскихъ, но донынѣ не была поддерживаема сообразно народному праву. Притязанія поляковъ продолжались. На русскихъ тяготѣли еще многія печальныя слѣдствія польскаго владычества, предразсудки прошедшихъ вѣковъ еще продолжали производить свои дѣйствія. Не смотря на признанное закономъ равенство, латинское духовенство сохраняло свое первенство, ему было ввѣрено наблюденіе надъ школами, праздники были соблюдаемы строго только по латинскому календарю, латинское духовенство пользовалось преимуществомъ относительно пособій изъ религіознаго фонда, какъ это показываютъ оклады жалованья церковной администраціи и дефицентамъ, различные новые вклады и сбереженія изъ религіознаго фонда въ пользу латинскаго духовенства, равно и правила приходской инвентуры. При этомъ вовсе не обращали вниманія на то, что руское духовенство живетъ въ брачномъ состояніи и должно содержать многочисленное семейство, а также вдовъ и сиротъ своего званія. Не было обращено никакого вниманія и на то обстоятельство, что большая часть Галиціи вовсе не польская, но русская провинція и русскій языкъ—коренной языкъ, языкъ страны. Русскій языкъ былъ допущенъ только въ приходскія школы, напротивъ польскій языкъ введенъ въ нормальныя школы, и при университетѣ львовскомъ учреждена каѳедра польскаго языка и литературы. Равно всѣ законы и указы были обнародованы только на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Эти и подобныя ошибки областной администраціи не позволили русскимъ дать своему языку надлежащую разработку и распространеніе, и поднять свою народность.

Только недостатокъ надлежащаго знанія исторіи племенъ Галиціи и существеннаго различія ихъ національностей, неумѣнье оцѣнить истинное положеніе этой провинціи и не совсѣмъ вѣр-

---

[1]) Смотря на всѣ эти продѣлки польскихъ революціонеровъ 1848 г., поневолѣ вспомнишь русскую пословицу: „родомъ куры чубаты." Ред.

ное понимание со стороны правительства своихъ интересовъ могли произвести продолжавшуяся до сихъ поръ ложную правительственную систему и равнодушіе къ русской національности, чѣмъ поддерживались надежды польской революціонной партіи на возстановленіе Польши въ древнихъ границахъ и оживлялись продолжавшіяся до сихъ поръ революціонныя интриги въ Галиціи.

Польская партія и теперь еще осмѣливается стѣснять дарованныя русскимъ конституціею права національности. Эта партія даже отрицаетъ, вопреки исторической правдѣ и фактической дѣйствительности, существованіе ихъ національности; почему принимаетъ русскую часть Галиціи за составную часть Польши и думаетъ нѣкогда снова подчинить ее Польшѣ. Какъ будто бы конституціонная свобода предоставлена только полякамъ, что они осмѣливались порицать возвышенные русскими въ пользу своей національности голоса, считая ихъ вторженіемъ въ права поляковъ и думая простымъ своимъ — nieprozwalam, повергнуть русскихъ въ прежнее польское рабство.

Когда конституціей была признана національность русскихъ и даровано имъ право образовывать частные союзы, русскіе тотъ часъ воспользовались этимъ правомъ. Они образовали въ главномъ городѣ Львовѣ, подъ предсѣдательствомъ своего епископа, человѣка высокаго образованія и признанныхъ добродѣтелей, центральное общество, для русской провинціи, которое, посредствомъ учрежденныхъ въ цѣлой странѣ многочисленныхъ, вспомагательныхъ обществъ, было признано всѣмъ русскимъ населеніемъ въ качествѣ представителя русской націи, для охраненія ея правъ конституціоннымъ путемъ.

Слѣдовательно общество русскихъ есть законно-національное, тогда какъ польскій совѣтъ объявляетъ лишь несправедливое притязаніе на это имя. Поэтому, не говоря уже о восточныхъ округахъ, оно не вдругъ можетъ найти приверженцевъ между сельскимъ народомъ, даже въ округахъ мазуровъ. Польская революціонная партія противодѣйствовала законнымъ обществамъ русскихъ привычнымъ орудіемъ низкой клеветы и интриги, она не постыдилась, въ виду всего населенія Галиціи, предъ лицемъ всей Европы, заявлять ложь за ложью, устно и печатно ругать и порицать это общество и его отдѣльныхъ членовъ. Конституціонное развитіе русской національности и

объявленіе русскихъ, что они хотятъ остаться въ тѣсномъ соединеніи съ Австріей, эта партія назвала реакціей. Прогрессомъ она называетъ только тѣ предпріятія и то безумное стремленіе, которое помогаетъ ихъ цѣли — отдѣленію Галиціи отъ Австріи. Она непремѣнно хочетъ, чтобы русскіе помогли возстановить Польшу, подчинились польскому владычеству, отреклись отъ своей собственной національности и принесли ее въ жертву полонизму [1].

Однако всѣ эти усилія были безплодны и должны были сокрушиться о постоянство русскихъ, объ ихъ священное право и могущественную защиту со стороны конституціонной австрійской монархіи. Во времена свободы, свободная нація не позволитъ поработить себя одной партіи. Центральное общество русскихъ опирается на твердую волю всей русской націи, которая довольно могущественна, чтобы дать надлежащій вѣсъ своимъ справедливымъ требованіямъ. Либеральныя идеи нашего времени, на основаніи которыхъ созидаются новыя реформы, требуютъ соглашенія различныхъ интересовъ націй на началѣ равенства. Теперь уже недовольно одного личнаго уравненія всѣхъ членовъ государства предъ закономъ,—необходимо уравненіе прирожденныхъ національныхъ правъ народовъ Галиціи. Въ эту конституціонную выработанную новѣйшими событіями міра эпоху, только на такомъ равенствѣ можетъ быть основано и вполнѣ безпечно благосостояніе русской націи и сохранено спокойствіе въ Галиціи. Священнѣйшая драгоцѣнность каждой націи есть языкъ и народность. Любовь къ нимъ, при теперешней конституціонной свободѣ, составляетъ руководительный принципъ всѣхъ дѣйствій и стремленій русскихъ. Пробужденный для свободы народъ русскій имѣетъ право стремиться къ осуществленію тѣхъ гарантій, съ которыми связано нравственное бытіе свободной націи. Русскіе требуютъ политическаго равенства, безъ котораго невозможно политическое единство. Русины почитаютъ себя обязанными доставить своему отечественному языку и своему внутренно связанному съ національностію обряду то высокое положеніе, которое прилично

---

[1]) Русскіе, которые носятъ эмблему своей національности — золотыхъ львовъ и блѣдно-желтаго цвѣта кокарды, были публично на улицѣ оскорбляемы поляками въ своемъ національномъ чувствѣ.

имъ, какъ языку и религіи свободной націи. Они уже вышли, подобно другимъ націямъ, изъ дѣтскаго возраста и чувствуютъ въ себѣ силу защищать свою національность. Присяжная этимъ принципамъ русская нація твердо рѣшилась: упрочить за собою вполнѣ всѣ права конституціоннаго развитія, всѣми силами противиться каждому покушенію на эти права, и преслѣдовать эту священную цѣль въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Поэтому русская нація должна настоять на томъ, чтобы, въ обитаемой русскими части Галиціи, русскій языкъ былъ введенъ во всѣ присутственныя мѣста, должности, суды и во всѣ школы, чтобы, слѣдовательно, онъ былъ кореннымъ языкомъ, и чтобы восточный обрядъ получилъ первенство; но никакимъ образомъ она не можетъ позволить замѣнить, какъ этого желаетъ польская партія, нѣмецкій языкъ польскимъ. Съ другой стороны вполнѣ справедливо и то, чтобы въ населенной мазурами части Галиціи польская національность получила свое законное развитіе. Русская нація равно и за всѣми иноплеменниками, живущими на русской почвѣ, признаетъ право— идти безпрепятственно по дорогѣ своего національнаго развитія и, въ отношеніи церковнаго устройства, образованія, литературы, внутренняго устройства общинъ и судопроизводства, пользоваться равенствомъ ихъ языка съ русскимъ, только бы не въ ущербъ русской національности.

Это національное развитіе можетъ быть достигнуто только раздѣленіемъ Галиціи по существующимъ національностямъ на русскую и польскую провинціи. Только такимъ образомъ будутъ возстановлены спокойствіе и порядокъ и положена преграда стремленіямъ польской революціонной партіи.

Особенности обѣихъ національностей, различіе ихъ языка, ихъ обряда, нравовъ и обычаевъ требуютъ особенныхъ конституціонныхъ путей развитія и существенно различныхъ учрежденій. Общее для цѣлой страны правленіе, составленный изъ обѣихъ національностей сеймъ—не можетъ удовлетворить потребностямъ столь различныхъ національностей, не можетъ содѣйствовать благу этихъ двухъ націй и долженъ уничтожиться во взаимной оппозиціи, въ борьбѣ двухъ, поставленныхъ прошедшимъ во враждебныя отношенія, народностей. Напротивъ каждая обособленная нація съумѣетъ развить конституціоннымъ

путемъ свое благосостояніе, чѣмъ можетъ быть скрѣплена связь цѣлой монархіи.

Противъ этого раздѣленія Галиціи, существенно необходимаго для утвержденія гарантированныхъ конституціею правъ національности и свободы и для возстановленія общественнаго спокойствія и порядка,—протестуетъ только польская революціонная партія, нѣсколько состоящихъ на службѣ и жалованьи ея русскихъ-ренегатовъ и немногіе, съ задними мыслями, ложно выдающіе себя за русскихъ. Они хорошо знаютъ, что съ осуществленіемъ этихъ мѣръ и съ появленіемъ нетерпѣливо ожидаемаго устройства общинъ, съ уничтоженіемъ, поэтому, наслѣдственной судебной власти поляковъ-помѣщиковъ, долженъ кончиться ихъ своеобразный и произвольный методъ дѣйствій. Для протеста были собраны подписи, при чемъ употреблялись всѣ средства обольщенія и всевозможныя угрозы, чтобы этотъ протестъ, по многочисленности добытыхъ происками или вынужденныхъ подписей, представить будто бы желаніемъ націи; хотя при справедливой оцѣнкѣ собранныхъ подписей протестъ этотъ оказывается дѣломъ одной только партіи.

Поэтому всѣ друзья отечества желаютъ соединиться и содѣйствовать скорѣйшему осуществленію указанныхъ мѣръ,— устраненію польской революціонной партіи со сцены дѣйствія, и доставленію народу возможности воспользоваться спокойствіемъ и порядкомъ и принять участіе въ политическихъ плодахъ пріобрѣтенныхъ ими правъ.

Львовъ,
20 августа 1848 года.

Отъ русинскаго главнаго (сейма) собранія.

(Сообщено проф. льв. унив. Ѳ. Г.........ъ).

УНІЯТЫ ВЪ КОНЦѢ 18-го СТОЛѢТІЯ.

(Извлечено изъ брошюры: »Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartéj.—Историческія записки Θеодосія Бродовича, архипресвитера греко-уніатскаго капитула луцкаго, о событіяхъ на Волынѣ и Подолѣ въ 1789 году« [1]).

Вопросъ о положеніи неунитовъ въ Польшѣ давно уже рѣшенъ не въ пользу польскаго правительства и польскаго общества. Факты того контроля, который жиды нерѣдко держали надъ физической, религіозной и нравственной жизнію русскаго населенія въ Польшѣ, съ согласія правительства и общества, исторія признала фактами дѣйствительными. Нравственно-возмутительная гарантія, которой пользовалось шляхетство въ политическомъ отношеніи, а духовенство въ религіозномъ, на счетъ того-жъ бѣднаго русскаго народа,—тоже вопіющій фактъ, безъ возраженій.

---

[1]) Эту брошюру, написанную старопольскимъ языкомъ прошлаго столѣтія, г. Головацкій издалъ въ прошломъ году въ Львовѣ въ подлинникѣ, замѣнивъ только нѣкоторыя устарѣлыя выраженія нынѣ употребительными въ польскомъ языкѣ. Во 2-мъ выпускѣ издатель напечаталъ оффиціальные документы, относящіеся къ событіямъ, представленнымъ въ 1-мъ выпускѣ. Для насъ эти записки интересны, какъ документъ, проливающій яркій свѣтъ на свободу, цивилизацію и вѣротерпимость поляковъ въ примѣненіи этихъ принциповъ не только къ православнымъ подданнымъ прежней Польши, но и къ полукатоликамъ—уніатамъ.

Но положеніе уніатовъ исторія доселѣ еще представляетъ положеніемъ завиднымъ сравнительно съ православными. Можетъ быть, оно и такъ, но только сравнительно, и притомъ не во-всякое время. Въ иное время положеніе ихъ было очень незавидно.

Если же дурное положеніе ихъ не было поставляемо на видъ исторіей, подобно положенію »неунитовъ«, то это зависѣло отъ того отношенія, въ какое они поставили себя къ послѣднимъ. Сами они были народъ безгласный—и по степени сознанія своего человѣческаго достоинства, и еще болѣе по своему безвыходному положенію: отставши отъ своихъ и непріставши къ чужимъ, они очевидно были въ самой ужасной коллизіи. Некому было сказать о нихъ правдивое слово: православные неимѣли на то права—съ одной стороны, по своему, тоже стѣснительному положенію, съ другой—по враждебному отношенію къ нимъ самыхъ уніатовъ; католики не хотѣли. Отъ того-то исторія совершенно другаго мнѣнія объ ихъ положеніи, принимая за аксіому благосостояніе уніатовъ подъ религіозной гегемоніей—папства и польскаго духовенства, а подъ гражданскимъ игомъ польскаго правительства и польской шляхты.

Что положеніе уніатовъ не могло быть хорошо, это естественно вытекало изъ сущности этого явленія—«унія.» Не въ интересахъ Польши было признать общество уніатовъ за вѣчно самостоятельное общественное, политическое и религіозное тѣло: условная самостоятельность этой корпораціи признавалась, какъ временная мѣра, какъ средство къ цѣли. Не въ намѣреніи уніатовъ было—отставать отъ тѣхъ традицій національности и религіи, которыя оставались въ нихъ помимо всѣхъ враждебныхъ усилій. Папство, правительство и духовенство Польши признавали унію только потому, что каждая изъ этихъ сторонъ имѣла въ виду свой особенный интересъ. Правительство ложно думало, что унія есть вѣрное средство къ подавленію русской народности, къ сліянію въ одно политическое тѣло съ польскимъ элементомъ русскаго элемента, который казался ему такъ пригоднымъ только не въ томъ видѣ типичности, отдѣльности, самостоятельности, въ какомъ онъ обыкновенно заявлялъ себя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовалъ въ видахъ и интересахъ правительства; но въ другомъ—въ случаѣ ассимилированія польскому элементу. Вотъ что было въ интересахъ

польскаго правительства, а не унія. Оттого-то такъ горячо оно взялось сначала за нее, потому съ такой ревностію старалось распространять ее, и было такъ холодно къ ней въ послѣднее время, когда увидѣло, что надежды не сбываются, что унія остается только уніей по имени,—не обращаясь ни въ католицизмъ, ни въ полонизмъ.

Духовенство, а наиболѣе іезуиты—тоже считали унію средствомъ къ достиженію цѣли. Создавъ себѣ абстрактную идею религіи, совершенно индиферентную ко благу человѣка, канонизовавъ, по этому, правило своего поведенія въ отношеніи къ человѣчеству: «средства освящаются цѣлію,» католизмъ, естественно, допустилъ унію, какъ временное средство къ полнѣйшему слиянію стада подъ власть одного пастыря—папы, подобно тому, какъ онъ допускалъ языческіе обряды китайцевъ въ обществѣ новокрещенныхъ въ Китаѣ. Когда увидѣли, что цѣль мало достигается и дѣло сдѣлано не настолько, насколько хотѣлось, то, неудивительно, что послѣдовало охлажденіе къ тому дѣлу, за которое сначала такъ горячо принялись, къ тѣмъ людямъ, которымъ сначала выразили такое сочувствіе. Къ чести, впрочемъ, папскихъ нунціевъ и легатовъ отъ папскаго ребра, надо замѣтить, что когда уніаты жаловались имъ на свое жалкое положеніе въ Польшѣ, то они вступались за угнетенныхъ предъ правительствомъ и обществомъ. Но польское духовенство не могло быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ унитамъ: оно принадлежало къ аристократическому слою; а уніяты, исключая высшаго духовенства, державшагося въ изолированномъ положеніи отъ всей среды унитской, были простой народъ, или вышедшіе изъ среды простаго народа; тѣ принадлежали къ категоріи душевладѣльцевъ, а уніяты—священники, поставляемые, по своекорыстнымъ видамъ владѣльцевъ, нерѣдко изъ дворовыхъ, во всякомъ случаѣ изъ простаго сословія,—нерѣдко только лично освобождались отъ крѣпостной зависимости, и то должны были считать за особенную милость владѣльца. Доказательствомъ тому служатъ частыя претензіи польскихъ пановъ 18 столѣтія на зависимость отъ него священника съ женой и дѣтьми. Въ Польшѣ нерѣдко издавались нелѣпѣйшіе законы «o popowiczach.» Одинъ случай такой нелѣпой претензіи разсказывается въ упомянутомъ изданіи.

Точно также и панство польское на столько лишь и до

тѣхъ поръ жаловало унію, на сколько и доколѣ она дѣйствовала въ ихъ интересахъ. Унія была для нихъ средствомъ заставить хлоповъ признать надъ собою неотъемлемыя права владѣльцевъ, какъ полновластныхъ распорядителей, подавить традиціи населенія русскаго, глубоко вкоренившіяся въ его памяти, сросшіяся съ его плотью и кровью,—о достоинствѣ человѣка, свободѣ и правахъ человѣческихъ. Когда увидѣли, что эта узда для одной категоріи русскаго населенія,—унитовъ, уже больше не нужна, а для другой, не унитовъ, не годится; то и паны, естественно, должны были охладѣть къ ней. Мало того, такъ какъ унія не во всѣхъ унитахъ могла поставить человѣческое чувство личной свободы и правъ, то и является ожесточенное преслѣдованіе уніатовъ, которымъ польское общество заклеймило себя въ концѣ прошлаго столѣтія и которое, между прочимъ, было причиной разложенія общественнаго организма и смерти Польши. Съ тѣмъ направленіемъ іезуитизма и аристократизма, которымъ обозначились послѣдніе симптомы существованія Польши, «этого *хораго* человѣка 18 столѣтія,» какъ выражается о Польшѣ г. Головацкій, въ предисловіи къ настоящей брошюрѣ,— даже здоровый общественный организмъ не могъ устоять.

При такомъ взглядѣ на Польшу очень естественны тѣ факты жалкаго положенія уніатовъ, какіе представилъ архипресвитеръ греко-уніатскаго луцкаго капитула Ѳеодосій Бродовичь въ своей брошюрѣ, упомянутой въ началѣ этой статьи

Впрочемъ, послѣ всего этого, не будетъ неумѣстенъ вопросъ: дѣйствительно ли о. Бродовичь разсказываетъ здѣсь исторію про уніатовъ?

Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ доказывается слѣдующими обстоятельствами: въ своемъ введеніи о. Бродовичь очень невыгодно отзывается о православныхъ—считаетъ ихъ преслѣдователями и гонителями уніатовъ, которыхъ они разлучали съ женами и дѣтьми и заставляли ходить по міру. Насколько это обвиненіе справедливо и изъ какого источника оно происходило, это другой вопросъ.

Если Бродовичь выводитъ гдѣ нибудь на сцену православнаго, то всегда отличаетъ его. Говоря про Садковскаго, про его арестъ и ревизованіе его архива, онъ называетъ его архіереемъ, тогда какъ Левинскій, архіерей унитовъ, вездѣ носитъ у него названіе епископа.

О преслѣдуемыхъ говоритъ, какъ о такихъ людяхъ, которые непосредственно подвѣдомственны Левинскому. Пожалуй, это можно бы объяснять тѣмъ обстоятельствамъ, что унитское начальство, пользуясь золотой волей общества польскаго въ концѣ 18 столѣтія и безпорядками, а также поощряемое въ своей дѣятельности врагами «хлопской вѣры и народности,» могло насильно захватить въ свои руки юрисдикцію и вообще власть надъ православными, могло даже номинально считать себя началомъ и властію надъ послѣдними, какъ это въ зачастую встрѣчается въ католицизмѣ; но противъ этой невѣрной и недобросовѣстной догадки говорятъ въ самой брошюрѣ весьма многія обстоятельства. Кромѣ указанныхъ отзывовъ унитовъ объ неунитахъ, стоитъ вслушаться въ эпитеты. которыми авторъ клеймитъ Богдана Хмѣльницкаго, за то, что онъ очень нежаловалъ уніатовъ—(стр 62), чтобы взять эту догадку обратно. Да и того ненадо забывать, что описанныя здѣсь событія происходили на Подоліи и Волыни, гдѣ унія была очень распространена.

Вообще, все, очевидно, говоритъ въ пользу того мнѣнія, что сюжетъ этихъ историческихъ записокъ есть положеніе уніатовъ въ Польшѣ въ концѣ прошлаго вѣка.

Послѣ этого естественъ вопросъ: на сколько достовѣрны эти факты?

На это можно необинуясь отвѣчать, что болѣе безпристрастія, болѣе добросовѣстности нельзя ожидать отъ историческаго труда, на сколько это достоинство выразилось въ запискахъ Бродовича. Стоитъ только взглянуть на то отношеніе къ разнымъ лицамъ, въ какое Бродовичь поставилъ себя своими разсказами, чтобы вполнѣ повѣрить его словамъ. Нѣтъ у него пристрастія сословнаго: онъ откровенно раскрываетъ нравственныя достоинства людей того сословія. къ которому самъ принадлежалъ, какъ они ни были нерекомендательны съ нравственной точки зрѣнія; онъ не маскируетъ тѣхъ случаевъ гоненія, гдѣ сами гонимые подавали къ тому поводъ своимъ тиранамъ; онъ не высказываетъ своей ненависти къ гонителямъ даже въ томъ случаѣ, когда самъ терпитъ отъ нихъ гоненіе.—Прочитавшему нѣкоторыя мѣста брошюры можетъ, пожалуй, показаться, что авторъ «историческихъ записокъ», по особенной симпатіи къ русской императрицѣ, разсказываетъ событія нерекомендательныя

для польскаго общества? Но эти предубѣжденія разбиваются совершенно о тѣ случаи, гдѣ авторъ безпристрастно относится къ русской монархинѣ. Симпатіи къ русскому правительству, которая бы руководила имъ при составленіи этихъ записокъ, авторъ тоже не могъ имѣть въ ущербъ патріотическому чувству, какъ уніатъ и какъ подданный рѣчи посполитой. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать заключеніе книги, въ которой онъ такъ горько оплакиваетъ Польшу, погибшую по глупости собственныхъ дѣтей ея.—Словомъ, все доказываетъ, что авторъ, такъ безпристрастно относящійся къ лицамъ своего разсказа, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія.

Если же справедливы эти разсказы о преслѣдованіяхъ уніатовъ, то естественно рождается вопросъ: какіе поводы были къ этимъ гоненіямъ? Самъ Бродовичь рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующими обстоятельствами:

1., Готовясь къ войнѣ съ Турціей, русское правительство, съ согласія польскаго, велѣло закупать припасы на Подолѣ и Волыни. По случаю неурожая, польскіе обыватели рѣшились держать контроль надъ этимъ дѣломъ и, составивъ двѣ фуражевыя коммисіи въ Дубнѣ и Луцкѣ, положили огромныя справочныя цѣны на хлѣбъ. Русскіе коммисіонеры отказались покупать припасы и, въ сердцахъ, погрозили чѣмъ то своимъ противникамъ. Обыватели не преминули отвѣтить взаимностію, съ прибавкою разныхъ выходокъ тупаго предубѣжденія противъ «москалей,» и даже вывели странное заключеніе, что-де москали что-то затѣваютъ, когда отказываются покупать съѣстные припасы. Чѣмъ дальше шло это неудовольствіе, тѣмъ болѣе утрировались разсказы объ отношеніяхъ русскихъ къ Польшѣ, а сообразно развитію клеветъ однихъ на другихъ, развивалось и враждебное чувство между обоими станами.

2., Неудивительно, если послѣ этого въ глазахъ поляка всякій русскій человѣкъ, а тѣмъ болѣе «москаль,» какъ они называли великороссовъ, сдѣлался подозрительной личностью; неудивительно также, если русскіе разъѣзжіе купцы подали поводъ и полякамъ, въ порывѣ патріотическаго чувства, сложить нелѣпую басню, будто русское правительство, для возбужденія русскаго населенія въ Польшѣ къ бунту, отправило туда 2000 подводъ маркитантовъ.

3., Еще больше настращалъ поляковъ ложный слухъ,

будто сынъ извѣстнаго, въ эпоху недавней, уманской рѣзни, Гонты просилъ у царицы позволенія—отмстить ляхамъ за смерть отца.

Вслѣдствіе всего этого, начались строгія разслѣдованія. Фуражевыя коммисіи въ Луцкѣ и Дубнѣ обратились въ инквизиціонные суды. Началось страшное время для русскаго населенія въ Польшѣ. Безъ всякой причины берутъ въ тюрьму священниковъ и хлоповъ, безъ суда и расправы; по желанію какого нибудь пьянаго олигарха, ихъ лишаютъ жизни Справедливо говоритъ Бродовичь объ этомъ времени, какъ о времени, небываломъ въ странѣ съ водворенія христіанства. Вотъ въ подлинникѣ нѣкоторыя выписки изъ его книгъ, характеризующія дѣла: «въ очію совершались самыя ужасныя происшествія, свѣжая память и кровавые слѣды которыхъ еще не изгладились. Осьмнадцатый вѣкъ (собственно къ концу своему), этотъ вѣкъ просвѣщенія, оказалъ для человѣка такую безчувственность, что было бы справедливо соединить его съ самымъ мрачнымъ и дикимъ временемъ; голосъ религіи—заглушенъ; права ея служителей—уничтожены; умолкло человѣческое чувство и не хотѣло слушать голоса состраданія, ему врожденнаго; головы служителей алтаря падали отъ меча, или же, оканчивая жизнь въ отдаленныхъ тюрьмахъ, дѣлались жертвой фанатизма. Я не въ состояніи выразить удивленія и боли сердца моего, естественныхъ при такомъ печальномъ зрѣлищѣ, не виданномъ въ этихъ краяхъ отъ начала религіи. Мнѣ представляется, что возвратились времена Діоклетіановъ и Максиміановъ, жаждущихъ пролитія невинной крови, только тѣ были поганые, а здѣсь христіане преслѣдуютъ христіанъ и вѣрные преслѣдуютъ вѣрныхъ болѣе, нежели невѣрныхъ, до потери жизни. Читатель, ты найдешь свидѣтельства, открытія, и даже свидѣтелей живыхъ объ обстоятельствахъ, которымъ изумишься. Прочитаешь опредѣленія, писанныя острымъ желѣзомъ, повсюду замѣтишь насиліе, если, конечно, не будешь глядѣть пристрастными глазами. Но если ты будешь читать это съ предубѣжденнымъ намѣреніемъ, то лучше тотъчасъ оставь, и, не читая, считай за ложь. Лучше скажи, что солнце не свѣтитъ среди дня, что рѣки текутъ снизу вверхъ и что чувства всѣхъ людей могутъ быть обмануты въ одно время.»

Эта комбинація нѣкоторыхъ мѣстъ книги о. Бродовича

какъ нельзя лучше характеризуетъ эпоху, въ которую происходили всѣ тѣ событія, какія онъ описываетъ.

Но пусть лучше факты говорятъ сами за себя.

Вотъ выдержки на удачу:

«....Мы раздѣлились [1]) (т. е. члены общества инквизиторовъ и судей): одно наше общество осталось здѣсь, въ Луцкѣ, а другое въ Дубнѣ. Первая, показавшая энергію чувствительной обывательки, была пани Прушинска Чайникова Волынская, вдова. Въ деревнѣ ея, Куриловкѣ, паробки (молодцы) и молодые хозяева, по обыкновенію, пошли къ ней колядовать. Это было какъ то въ промежуткѣ русскихъ праздниковъ (рождественскихъ, между первымъ (25 декабря) и послѣднимъ (канунъ новаго года), когда колядующіе въ позднюю пору подошли подъ окна и начали пѣть. Перепуганная ихъ крикомъ пани велѣла прогнать ихъ бичами. Простотѣ нужно было извинить этотъ поступокъ некстати. Мало того, надо было смотрѣть на ихъ доброе намѣреніе, а не на неприличіе поступка. Посрамленные такимъ образомъ и избитые бичами по спинѣ, колядники по межъ себя разговаривали: «Ну, не ласкова наша пани.

---

[1]) Надобно замѣтить еще, что форма этихъ записокъ—переписка двухъ лицъ, прирожденныхъ поляковъ. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Варшавѣ, другой въ Луцкѣ и принадлежитъ къ категоріи коноводовъ, сдѣлавшихъ такъ много добра польскому и не польскому народу,—впрочемъ человѣкъ свободный отъ всѣхъ качествъ, полная сумма которыхъ слагаетъ ту нравственную отвратительную физіономію, которая такъ и напрашивается на позорный эпитетъ „мошродзія." Что за причина, побудившая автора дать такую форму своимъ запискамъ? Издатель брошюры считаетъ ее „найспособнѣйшею до яснаго и безпристрастнаго представленія событій, и можетъ быть въ оное грозное время меньше безопасно было выступити автору предмтено яко бы подъ видомъ другихъ лицъ." Если не послѣднее обстоятельство заставило автора дать такую форму своимъ запискамъ, то не мѣшаетъ замѣтить, что въ концѣ прошлаго столѣтія эта форма, кажется, была въ большомъ употребленіи. Въ нее облекали разрѣшеніе самыхъ высокихъ „матерій."

Хорошо бы напустить на нее сына Гонты, чтобъ поучилъ ее обходиться съ людьми по человѣчески.» Донесли объ этихъ словахъ помѣщицѣ. Встревоженная этимъ донесеніемъ, она велѣла забить въ дыбы нѣсколько десятковъ хлоповъ, отправила ихъ въ Дубно, присоединивъ щедрую взятку палачу, и требовала немедленнаго наказанія (exekucya). Предъ судомъ несчастные сознались въ томъ, что съ боли и стыда говорили противъ своей пани; но въ дѣйствительности не знали никакого сына Гонты. Собраніе (komplet) нашей коммиссіи въ Дубнѣ (слова автора записокъ) «осудило 13 изъ нихъ на смерть, и вотъ предъ свѣтлымъ праздникомъ однихъ умертвили мечемъ, другихъ повѣсили, остальныхъ, наказавъ плетьми у позорнаго столба, возвратили въ Куриловку и тамъ еще на мѣстѣ, для внушенія страха другимъ, приказано было бить ихъ.»

«На два верстака смерть рвала нить жизни человѣка. Въ это время одно за другимъ неслись къ намъ извѣстія о хлопскомъ бунтѣ. Поссесоръ наслѣдственной части князя Ворони́цкаго, деревни Любча, панъ Францискъ Вильчинскій, недовольный нѣкоторыми болѣе богатыми хозяевами, не столь послушными, какъ бы ему этого хотѣлось, обвинилъ ихъ въ бунтѣ, доказывая дѣйствительность этого бунта отчасти тѣмъ, что у нихъ много огнестрѣльнаго оружія, а также и тѣмъ, что они похвалялись на своего попа; а свою личную вражду къ нимъ, вытекавшую изъ другаго источника, скрылъ. Относительно означенныхъ двухъ пунктовъ (показанія), онъ сказалъ правду; вотъ почему: зажиточный полѣскій хозяинъ всегда держитъ у себя достаточное количество огнестрѣльныхъ припасовъ, которыми стрѣляетъ звѣря въ чащахъ лѣса. Но изъ этого нельзя однакожъ заключать о бунтѣ. Справедливо также и то, что между священникомъ и его прихожаниномъ, наилучшимъ хозяиномъ въ Любчѣ, по прозванію Поручныкомъ, произошло какое-то неудовольствіе, и у послѣдняго сорвались съ языка какія-то слова угрозы. Но это было только предлогомъ къ обвиненію. Собственно же причиной позорной смерти (казненныхъ) было то, что они обо всемъ доносили князю владѣльцу, что только дѣлалъ поссесоръ въ его имѣніи въ ущербъ хозяйству. [1]) Владѣ—

[1]) Не мѣшало бы здѣсь замѣтить, что большая часть хозяйствъ помѣщиковъ нашего края пришла въ упадокъ, вслѣдствіе

лецъ обыкновенно утѣшалъ угнетеннаго хлопа, хвалилъ его (вѣрность), справедливость въ доносахъ, обнадеживалъ скорымъ окончаніемъ притѣсненій. Послѣ этого, положившись на покровительство владѣльца, крестьянинъ дѣлался менѣе покорнымъ поссесору.»

«Когда Вильчинскій подтвердилъ свой доносъ на крестьянъ присягой, присланные въ Любчь конвойные солдаты тотчасъ забили въ дыбы поименованныхъ, забрали у нихъ огнестрѣльное оружіе, а самихъ ихъ, для лучшаго обвиненія въ бунтѣ, отправили въ Луцкъ. Послѣ краткихъ разспросовъ, безъ всякаго разслѣдованія дѣла, сынъ былъ повѣшенъ, а отецъ старикъ за 80 лѣтъ, просидѣвъ въ колодахъ нѣсколько недѣль и изнуренный отъ голода, холода и преклонныхъ лѣтъ, тамъ же умеръ. Освобожденный послѣ смерти отъ колодъ, и безъ труны (гроба) привезенный на кладбище, онъ былъ погребенъ тамъ священникомъ. Остальныхъ сыновей этого хозяина и другихъ любчевскихъ людей били безъ милости въ каждой деревнѣ—отъ Луцка до Любча и едва живыхъ привели домой» «На другой день послѣ казни любецкаго крестьянина, повѣшенъ былъ на другой висѣльницѣ дьякъ села Жукова изъ подъ Клевань, Симеонъ Яроцкій. Его лишили жизни за то, что онъ въ пьяномъ видѣ, выпрыгивая по комнатѣ, говорилъ, что будетъ рѣзать жидовъ и ляховъ.» «Онъ ни въ чемъ не сознался, ничего не помнилъ и говорилъ, что эти слова высказалъ спьяна.» «Тѣла ихъ (повѣшенныя дьяка и хлопа) висѣли четыре недѣли, пока начали портиться (aż do fetoru.»)» «На третьей висѣльницѣ повѣсили 2-хъ человѣкъ. Одинъ былъ кузнецъ изъ Квасова, другой—крестьянинъ изъ Острожца. Эти тоже лишены были жизни за слова, сказанныя въ пьяномъ видѣ. Таже самая участь позорной смерти ожидала и крѣпака изъ Кроватки. Но ходатайство за него нашей капитулы, что у него много дѣтей и что всѣ они могутъ умереть съ голоду въ такое дорогое время (неурожай, вѣроятно), если его казнятъ, спасло ему жизнь; но за слова велѣли отсѣчь ему правую руку. Рука эта была прибита къ позорному столбу, а самъ онъ, изувѣченный, хотя

поссесій. Не говоримъ уже о крестьянахъ, объ ихъ обнищаніи, нравственномъ растлѣніи и совершенномъ оглупѣніи, подъ властію поссесоровъ.

и былъ вылѣченъ заботливостію каѳедры (вѣроятно, луцкой епископской), но чрезъ недѣлю умеръ.»

Перейдемъ теперь къ уніатскимъ священникамъ.

Положеніе уніатскихъ священниковъ было едвали не хуже положенія простолюдиновъ во всѣхъ отношеніяхъ: умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ. Опутавъ русскій народъ сѣтью изъ Гордіевыхъ узловъ, для разорванія которой необходима была находчивость втораго Александра Македонскаго, и, безъ сомнѣнія, желая продлить обаятельную, безусловную власть надъ нимъ,—душевладѣтельная шляхта польская употребляла для этого и мѣры, сообразныя съ ея недальновиднымъ соображеніемъ. Лучшей мѣрой, гарантировавшей его могущество въ этомъ отношеніи, шляхетство признавало унію, какъ уже выше замѣчено. Религіозная жизнь народа попадала такимъ образомъ подъ контроль владѣльца—шляхтича. Потому что католическое духовенство, которому если не оффиціально, то нравственно, если не открыто, то секретно, было подчинено уніатское духовенство, отчасти по результатамъ пословицы: «similis simili gaudet,» такъ какъ оно принадлежало тоже къ категоріи душевладѣльцевъ и потому уступало своимъ собратамъ въ этомъ отношеніи даже тѣ права, какими само пользовалось; отчасти по предположенію, конечно, не безъ основательному, присутствія религіознаго фанатизма въ каждомъ обывателѣ,—духовенство католической Польши давало права владѣльцамъ изъ польской шляхты—дѣйствовать по своему усмотрѣнію и въ религіозныхъ интересахъ народа. Соединяя религіозные интересы съ своими личными, владѣльческими интересами и, безъ сомнѣнія, ставя на первомъ планѣ послѣдніе, шляхтичь владѣтель употреблялъ и приличныя средства для этого. Умственное ослѣпленіе, нравственное растлѣніе въ духовномъ отношеніи и матеріальное обнищаніе въ физическомъ,—вотъ обычныя средства, которыми достигалась цѣль, идеалъ личныхъ и обывательскихъ интересовъ шляхтича католической Польши. А сознавая очевидную справедливость сентенціи русской пословицы: «каковъ попъ, таковъ и приходъ,»—онъ прежде всего натурально обратилъ вниманіе на лицо служителя религіознымъ потребностямъ народа. Выше замѣчено, что не рѣдко посвящались въ священники дворовые люди, состоявшіе у владѣльца шляхтича въ качествѣ домашняго животнаго,—благо-человѣкъ умѣлъ читать и писать и липьби,

кромѣ указанныхъ достоинствъ, удовлетворявшихъ интересамъ помѣщика, сколько возможно болѣе былъ привязанъ къ своему милостивцу. Расчетъ очень вѣрный: такой священникъ былъ не только безгласною личностью противъ своего владѣльца, но и не могъ ни въ какомъ случаѣ не содѣйствовать ему въ осуществленіи его намѣреній. Дѣйствованіе священника въ интересахъ своего пана и, вслѣдствіе того, милость къ нему послѣдняго,—сопровождались обыкновенно свободой священника съ семействомъ отъ податей и другихъ повинностей. Не милость пана, хоть бы это было его самодурство, капризъ (этимъ особенно отличалась польская шляхта конца осьмнадцатаго столѣтія), хотя бы со стороны священника не было никакого повода къ тому, будь это не милость даже хоть въ такой причинѣ: «мнѣ не нравится ваша физіогномія,»—во всякомъ случаѣ не милость панская,—особенно если священникъ не всегда дѣйствовалъ въ видахъ своего прежняго владѣльца,—сопровождалась обыкновенно арендным господствомъ жида надъ «попомъ» (см. стран. 64, строка 1....), приведеніемъ въ исполненіе правъ помѣщика Konstytucyi convocationis 1764 roku «o popowiczach,» оторвавшей дѣтей священника въ безусловное подданство шляхтича—владѣльца, и подобными нелѣпостями (см. тоже мѣсто и слѣдующія особенно отвѣтъ на второе письмо).

Если же положеніе священника и не было хуже положенія крестьянъ, то оно во всякомъ случаѣ было не очень завидно. Представьте себѣ, что какому нибудь «пану Стройновскому, поручику невѣдомаго войска,» вдругъ пришла въ голову фантазія пошутить надъ попомъ. Узнавъ, что у Кустынскаго священника ночевалъ маркитантъ (разъѣзжіе великорусскіе купцы съ товарами), онъ ѣдетъ къ батюшкѣ, беретъ его и сажаетъ въ тюрьму (стр. 86). Или же—какому нибудь мошеннику Варжицкому хочется пріобрѣсть денежки откуда бы то ни было: онъ беретъ съ собой команду и, безъ церемоніи, дѣлаетъ всѣмъ заурядъ сосѣднимъ священникамъ грабительскіе визиты, собирая съ нихъ дань натурой и деньгами и сопровождая свои требованія угрозой суда хозяевамъ за ихъ сношенія съ ***пилиппонами***, которые будто бы сидятъ у него подъ арестомъ и сдѣлали на нихъ показанія. Не то, еще хуже: вотъ, напр., какой нибудь панъ Домошинскій, вѣроятно, по старой привычкѣ къ пріятностямъ juris primae noctis, относительно своихъ хлоповъ, не

имѣя средствъ удовлетворять этимъ требованіямъ въ высшихъ слояхъ населенія, находитъ удовлетвореніе для своей животной натуры у безгласнаго простачка—«попа» деревни Великихъ Ситенъ (см. конецъ 39 и нач. 40 стр.). Были даже и такіе случаи, что священникъ подвергался мести помѣщика за то, что не хотѣлъ одолжать ему денегъ. Вотъ, напр., подстароста деревни Головля, панъ Заяловичъ одолжалъ у викарнаго этой деревни пять рублей. Тотъ по какимъ-то причинамъ не одолжилъ, отговариваясь тѣмъ, что не имѣетъ денегъ. П. Заяловичъ заварилъ Якимовичу такую кашу, донесши на него инквизиціонному суду, какъ о бунтовщикѣ, держателѣ у себя ножей, копій, и т. д.,—что тотъ еще былъ очень радъ, когда Заяловичъ обобралъ его что называется до рубашки, и даже поблагодарилъ ему, какъ своему ходатаю и спасителю, въ чемъ не приминулъ убѣдить его подстароста.

Да что и говорить о волѣ шляхты, когда даже и простые солдаты, если только доставало у нихъ совѣсти обдирать «поповъ,» были гарантированы въ своихъ поступкахъ (88 стр.).

Подозрѣніе на уніатскихъ священниковъ доходило до поразительной нелѣпости. Стоило только священнику сдѣлать малѣйшій шагъ по своей надобности изъ прихода,—и въ этомъ находили доказательство его заговора противъ благосостоянія «обывателей.» *Парохъ* (самостоятельный настоятель прихода, у котораго былъ еще викарный) Васьковчицкій, человѣкъ слабаго здоровья, собирается къ доктору за совѣтомъ; судья Кременецкій [1]), панъ Каньскій беретъ его подъ арестъ и взноситъ на него нелѣпые обвинительные пункты. Священникъ Милевичъ, ражицкій деканъ, (благочинный) часто бывалъ у своего епископа. Это вмѣнено было ему въ преступленіе (90). А то вотъ еще замѣчательный случай: черезъ деревню Клевань переходила народная кавалерія. Нѣкоторые изъ солдатъ примѣтили хорошенькую дочку бурмистра и отправились къ нему въ домъ съ намѣреніемъ обезчестить дочь въ глазахъ отца. Въ отчаяніи, желая спасти дочь отъ посрамленія, отецъ взбѣжалъ на колокольню и ударилъ тревогу. Конечно, онъ жестоко ошибся: и дочь не была спасена, и онъ самъ былъ жестоко избитъ. Священника, кото-

[1]) Кромѣ означенныхъ двухъ коммисій инквизиціонныхъ—въ это время установлена была еще третья, въ Кременцѣ.

рый въ это время не былъ даже въ домѣ, а выѣзжалъ куда-то за Кременецъ къ своимъ роднымъ, обвинили въ бунтѣ (см. стр. 91—92), и только когда узнали дѣло обстоятельно, оставили его въ покоѣ.

Вотъ еще нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ: донесли, что у русскаго священника ночевалъ маркитантъ и долго съ нимъ разговаривалъ. Луцкой коммисіи, осудившей уже нѣсколько людей на смерть безъ всякаго основанія, этого только и нужно было. Панъ Каэтанъ Аксакъ взялъ на себя должность полицейскаго, пріѣзжаетъ къ «попу,» который, по словамъ Бродовича, отличался отъ простолюдина одной рясой, и арестуетъ его. Перепуганный пріѣздомъ пана, безотвѣтный, оплаканный женой и дѣтьми священникъ безъ возраженій ѣдетъ съ Аксакомъ.

«Въ дорогѣ онъ умоляетъ пана сказать ему, за что его везутъ въ коммисію, которую уже знали и которой боялись. Коммисаръ грозно отвѣтилъ: «ты долженъ, попъ, держать отвѣтъ предъ коммисіей за то, что позволилъ маркитанту ночевать въ своемъ домѣ.» Еще болѣе встревоженный этимъ отвѣтомъ, священникъ вторично обратился къ пану съ просьбой-научить, что онъ долженъ отвѣчать предъ коммисіей. Догадливый коммисаръ тотъ часъ принялся утѣшать перепуганнаго старичка: «небойся, батюшка, тебѣ не будетъ ничего дурнаго, если покажешь, что маркитантъ подущалъ тебя на бунтъ и показывалъ тебѣ указъ на то Императрицы.»—«Но, панъ, этого не было; былъ, правда, у насъ разговоръ о войнѣ московской, что съ кѣмъ-то (Москва) хочетъ воевать, говорили, также, что и Польша собираетъ войска, вѣроятно съ намѣреніемъ воевать съ кѣмъ нибудь; но больше-ничего.»—«Эхъ, батюшка, да развѣ этого не достаточно? Это маркитантъ говорилъ о той войнѣ, которую Москва затѣваетъ съ Польшей. Ты долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ подговорить тебя—поднять хлоповъ на бунтъ. Твое дѣло—только сказать предъ коммисіей, что онъ тебя подговаривалъ и показывалъ московскій указъ, а иначе и самъ погибнешь, и жену съ дѣтьми погубишь. А право, мнѣ искренно жаль тебя.»—Въ доказательство этого состраданія п. коммисаръ всунулъ въ руку священнику два червонныхъ злотыхъ. «Вотъ тебѣ, мой батюшка; тебѣ пригодится въ Луцкѣ на пропитаніе на нѣкоторое время. Послѣ будешь имѣть больше, если удачно исполнишь дѣло.» Обнявъ

ноги столь великаго своего благодѣтеля, священникъ спрашиваетъ: «ну, а буду ли свободенъ, если это скажу?»—Честью и совѣстью завѣряю тебя, что не только будешь свободенъ, но даже значительное награжденіе получишь за свою вѣрность.» Священникъ обѣщалъ поступать предъ коммисіею по данной ему инструкціи. «Оставивъ въ Луцкѣ своего ученика на станціи, панъ Аксакъ явился къ намъ съ извѣстіемъ, что русскій священникъ Лукаевичь имѣетъ открыть что-то особенное.»—«Сошлись на это любопытное засѣданіе не только коммисары, но множество другихъ обывателей и каѳедральные ксендзы наши, начиная съ оффиціала. Предъ нами сталъ Лукаевичь какъ разъ противъ Аксака. Онъ показывалъ, что ночевавшій у него маркитантъ подговаривалъ его поднять крестьянъ на бунтъ противъ ляховъ, что показывалъ ему какой-то московскій указъ, который онъ не могъ разобрать, только въ подписи прочиталъ нѣсколько буквъ «Екат...., что этотъ маркитантъ увѣрялъ, будто такова воля императрицы и кто послушаетъ ее, тотъ получитъ большую награду.»

«Слушая это показаніе иные—дивились великости злодѣянія, другіе радовались, въ увѣренности, что дошли по нити до клубка, иные ярились противъ москалей и грозили войной. Я сидѣлъ третьимъ отъ Аксака также напротивъ священника Лукаевича и примѣтилъ его замѣшательство, и изъ этого заключилъ, что его простотою воспользовались измѣннически [1]).

«Но когда пришло дѣло къ присягѣ, то бѣдный священникъ дрожалъ (навѣрное онъ не ожидалъ, что показанія такія прійдется подтвердить присягой) и часто поглядывалъ на Аксака. Но я хорошо примѣтилъ, что тотъ взглядомъ грозно давалъ ему знать, что теперь уже ему не приходится отказываться, даже опасно. Однакожъ въ величайшемъ замѣшательствѣ (сомнѣваюсь, чтобъ онъ понималъ даже то, что ему диктовали) онъ подтвердилъ присягой свои показанія.»

«Теперь только коммисары и обыватели бросились къ нему дружелюбно, теперь только посыпались на него тысячи похвалъ и обѣщаній великой награды, что нашелся де хоть

---

[1]) Панъ Аксакъ, шамбелянъ его кор. вел., самъ послѣ въ дружеской компаніи раскаэывалъ, какъ подговорилъ русскаго священника къ такому показанію.

одинъ священникъ доброй души, который открылъ заговоръ, составившійся для нашей погибели.»

«Отсюда—еще большая увѣренность въ подозрѣніи на русскаго епископа («унитскаго») и его духовенство, что они объ этомъ знаютъ, что рѣшились на преступленіе и ожидаютъ только условнаго времени.»

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЛИТВѢ.

(Соч. П. В. Кукольника).

Въ продолженіи 40-лѣтняго пребыванія въ здѣшнемъ краѣ, старался я собирать всевозможныя свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ событіяхъ, составляющихъ его исторію. Желая на старости лѣтъ подѣлиться съ читающею публикою пріобрѣтенными мною свѣдѣніами, я рѣшился представить ей: общее изображеніе судьбы всей Литвы сначала какъ народа, потомъ какъ государства, а наконецъ какъ области королевства, къ которому оно присоединилось. Не имѣя возможности, въ краткомъ очеркѣ, представить все, что только входитъ въ составъ исторіи какого либо народа, я обратилъ особенное вниманіе только на одинъ предметъ, а именно: развитіе въ Литвѣ русскаго элемента и вліяніе его на судьбу государства. Остальные предметы описаны будутъ вкратцѣ, только для сохраненія исторической связи.

Имѣя въ виду исключительно эту цѣль, я раздѣляю исторію Литвы на три періода.

1) Отъ появленія литовскаго народа на историческомъ поприщѣ до перваго соединенія его съ Польшею, при Ягайлѣ, то есть до 1385 года.

2) Отъ Ягайлы до окончательнаго соединенія съ Польшею на люблинскомъ съѣздѣ въ 1569 году.

3) Отъ люблинскаго съѣзда до присоединенія Литвы къ Россіи въ 1795 году.

Первый періодъ заключаетъ въ себѣ развитіе силъ литовскаго народа, направленіе, данное ему первыми князьями, по-

стоянное и часъ-отъ-часу тѣснѣйшее сближеніе съ Русью. Кто захочетъ безъ предубѣжденія слѣдить за событіями этого періода, тотъ легко убѣдится, что могущество и благосостояніе Литвы зависѣло именно отъ ближайшаго соединенія съ Русью, и чѣмъ болѣе ослабляема была эта связь, тѣмъ ощутительнѣе были потери Литвы. Изложенные ниже факты оправдаютъ лучше это заключеніе.

Второй періодъ представляетъ безпрерывныя усилія литовцевъ къ уничтоженію предначертанія Ягайлы и освобожденію себя отъ накинутаго имъ соединенія съ Польшею, пока непреклонная воля послѣдняго изъ Ягеллоновъ не укрѣпила этого союза окончательно.

Третій періодъ содержитъ въ себѣ стремленіе Польши къ уничтоженію литовскаго, а въ особенности русскаго элемента въ предѣлахъ б. велик. княжества. Въ этомъ періодѣ не только исчезаетъ самостоятельность великаго княжества, которой уже не видно на политическомъ поприщѣ; но измѣняется весь характеръ древней Литвы, права, обычаи ея жителей, порядокъ управленія, чиноположеніе, и страна эта дѣлается только частію государства, къ которому присоединилась, какъ равное къ равному. Русскій элементъ, составлявшій существенную силу великаго княжества, подвергается преслѣдованію и уничтоженію. Раздоры между иновѣрцами, возбужденные насиліемъ римско-католическаго духовенства, въ особенности іезуитовъ, возмущаютъ спокойствіе страны, а иногда оканчиваются кровопролитіемъ. Перенявъ недостатки управленія Польши, Литва дѣлается жертвою честолюбія, алчности и фанатизма духовенства, насилія вельможъ, своевольства шляхты, и вмѣстѣ съ Польшею клонится къ паденію.

Не обольщаясь мыслію, что сочиненіе мое можетъ имѣть какую нибудь особенную цѣнность въ глазахъ просвѣщенной публики, я только смѣю увѣрить читателей, что собранныя мною свѣдѣнія вѣрны, не искажены и не подвержены никакому сомнѣнію. Излагая ихъ, я не увлекался пристрастіемъ, не руководствовался предубѣжденіемъ, а заключенія свои оправдывалъ только послѣдствіями описываемыхъ событій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Руководствуясь преданіями, которыя историки истекшихъ столѣтій помѣстили въ видѣ фактовъ въ своихъ лѣтописяхъ,— скажемъ нѣсколько словъ о предкахъ литовскаго народа. Отъ береговъ Балтійскаго моря на югъ, между рѣками Нѣманомъ и Вислою, жило въ древности племя, именуемое ульмигерами. Оно вело жизнь полудикую, не имѣло ни городовъ, ни правителей, занималось скотоводствомъ, звѣриною и рыбною ловлею, частію земледѣліемъ, и платило дань мазовецкимъ князьямъ. Воинственные скандинавы, посѣщая ульмигеровъ и видя слабость ихъ, начали селиться на ихъ землѣ, и въ короткое время построили на ней множество укрѣпленныхъ городковъ или замковъ. Два знаменитые скандинава Вайдевутъ и Брутенъ прекратили возникшія ссоры между ихъ соотечественниками и мѣстными жителями, соединили ихъ въ одинъ народъ, освободили его отъ платежа дани иноземцамъ и образовали государство. Вайдевутъ провозглашенъ верховнымъ правителемъ, а Брутенъ начальникомъ іерархіи, которую онъ основалъ, научивъ ульмигеровъ скандинавскому богослуженію Отъ него приняли оба соединенные народа названіе брутеновъ (боруссовъ, пруссовъ). По смерти Вайдевута и Брутена, государство раздѣлено было между двѣнадцатью сыновьями Вайдевута, или вѣрнѣе— распалось на двѣнадцать отдѣльныхъ племенъ Преданіе даетъ названіе этимъ племенамъ отъ именъ сыновей Вайдевута, въ числѣ которыхъ дано преимущество одному изъ нихъ по имени *Литво*. Обстоятельство это означало, по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, преимущество литовскаго племени передъ прочими, потому что въ существованіе лица *Литво* теперь уже никто не повѣритъ. Когда произошло это раздѣленіе, и что происходило съ этими племенами до тѣхъ поръ пока они не сдѣлались извѣстны сосѣдямъ, скрывается въ мракѣ древности. Въ то время, когда Литва вошла въ сношенія съ сосѣдственною Русью, она уже извѣстна была подъ этимъ именемъ, и считалась одноплеменною съ окружающими ее: Жмудью, Зимголою, Латышами, Корсью, Пруссами и Ятвягами Впрочемъ собственно Литва и Жмудь составляли всегда одно племя, одинъ народъ, подъ общимъ названіемъ Литвы. Разница въ наименованіяхъ происходила только отъ мѣстоположенія: южная Литва называ-

лась Аукстоте, то есть верхнею, по теченію рѣки Нѣмана, сѣверная же—Шомойтъ (Жемайтенъ, Жмудь), то есть нижнею. Нравы, обычаи, религія, языкъ были у нихъ одни и тѣже. Жмудскій языкъ въ послѣдствіи измѣнился отъ сосѣдства съ латышами и пруссами.

ПЕРІОДЪ I.

Отъ появленія литовскаго народа на историческомъ поприщѣ до перваго соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ, 1385 года.

Отъ береговъ Нѣмана и Дубиссы на востокъ вдоль праваго берега Виліи простиралась область, именовавшаяся въ древности Ставаніей, извѣстная еще Птоломею. На югъ отъ лѣваго берега Виліи находилась другая область Нерома, названная такимъ образомъ отъ рѣки Нерисъ (Виліи); область эта граничила къ сѣверу съ Виліей, къ западу съ Нѣманомъ, къ востоку съ дремучими лѣсами, отдѣлявшими ее отъ земли кривичей, а къ югу съ третьею областію, Пелузіей. Эти три области населены были первоначально племенемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ подъ названіемъ Литвы. Нерома извѣстна была Нестору, который причисляетъ ее къ странамъ, платившимъ дань варяго-русскимъ князьямъ въ IX вѣкѣ,—слѣдственно вскорѣ послѣ пришествія Рюрика. Такимъ образомъ русское государство при самомъ началѣ своего существованія пріобрѣло уже права владычества надъ частію Литвы. Преемники Рюрика, обративъ оружіе свое противъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей, выпустили изъ виду дикую и бѣдную Литву, которая, въ свою очередь, начала дѣлать нападенія на кривичей и полочанъ. Въ срединѣ Пелузіи, окруженной дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, находились плодородныя поля, а множество оставшихся памятниковъ свидѣтельствуютъ о весьма древнемъ населеніи этой области. Тамъ въ древности находились три укрѣпленные пункта: въ Меречѣ, Ейшишкахъ и Радунѣ, бывшіе средоточіями трехъ военныхъ округовъ. Но всего достопримѣчательнѣе считаются уцѣлѣвшія до сихъ поръ два городища, или огромные земляные окопы. Одно находится близъ Ейшишекъ, а другое въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Радуни, при деревнѣ Городищѣ. Одно отъ другаго отстоятъ на 10 верстъ.

Это два огромныя земляныя укрѣпленія въ видѣ четыреугольниковъ, коихъ стѣны имѣютъ до 600 футовъ длины и 16 вышины. Они окружены широкими и глубокими рвами. Поверхность земли внутри укрѣпленій гораздо ниже внѣшней. Тамъ видны слѣды погребовъ, углубленій и колодцевъ. Видны также слѣды воротъ или отверстій для вылазки съ какими-то контрвалами. Толщина вала доходитъ до 20-ти футовъ и болѣе.

Жители этихъ трехъ областей именовались Литвою отъ слова *Летувц* (дождливый). Можетъ быть сырость климата въ странѣ лѣсистой и болотистой подала поводъ къ такому названію.

Народъ литовскій велъ жизнь полудикую, питался звѣриною и рыбною ловлею; земледѣліемъ занимался только въ нѣкоторыхъ удобныхъ для того мѣстахъ, а преимущественнѣйшее богатство жителей составляла добыча, награбленная въ сосѣдственныхъ странахъ. Литовцы были народъ воинственный, часто выходили въ поле, но цѣлью ихъ походовъ въ древности были не завоеванія, а только грабежъ. Они разоряли селенія въ сосѣднихъ странахъ, забирали все, что искушало ихъ корыстолюбіе и уводили толпами плѣнниковъ, которыхъ заставляли селиться въ своемъ отечествѣ. Сказано было выше, что русскіе великіе князья заняты были завоеваніями на востокѣ и югѣ. Славный Святославъ проникъ съ войскомъ даже за Дунай. Пользуясь удаленіемъ главныхъ русскихъ силъ и небрежностью пограничныхъ воеводъ или правителей областей смоленской и полоцкой, литовцы не только отказались отъ платимой дани, но сами дѣлали набѣги на земли кривичей и полочанъ, производили въ нихъ грабежи и разоренія. Наконецъ Владиміръ Великій понялъ ошибку своихъ предшественниковъ и рѣшился не только оградить русскія земли отъ наѣздниковъ, но и привести снова непокорныхъ къ повиновенію. Россія находилась уже тогда на степени могущественнаго государства. Вѣнчанный многими блистательными успѣхами на полѣ брани, Владиміръ приблизился съ двухъ сторонъ къ предѣламъ Литвы: съ сѣверной, побѣдивъ Чудь и Ливовъ и наложивъ на нихъ дань, а съ юга, завладѣвъ значительнымъ пространствомъ земли ятвяговъ. Завоеванія эти были утверждены и еще болѣе распространены сыномъ его Ярославомъ Мудрымъ, предпринимавшимъ три похода (1038, 1040 и 1044 года), противъ ятвя-

говъ и вспомоществовавшихъ имъ единоплеменныхъ литовцевъ. Вся земля ятвяговъ и большая часть Литвы до устья Виліи завоевана была Ярославомъ. Изъ этихъ завоеваній составлена Ятвяго-русская область, въ которую переселено множество русскихъ, а въ 1045 году на мѣстѣ, гдѣ находился литовскій городокъ Гургани, построены Старые Троки, бывшіе мѣстопребываніемъ русскаго намѣстника и правителя новой области. Лѣтописцы повѣтствуютъ, что завоеванный народъ, по причинѣ бѣдности своей, платилъ дань лыками, желудями и вѣниками. Эта скудная дань взымаема была безъ сомнѣнія только какъ свидѣтельство подданства русскому государю. Такимъ образомъ эта страна неоспоримо составляетъ одно изъ древнѣйшихъ достояній русскихъ государей, пріобрѣтенныхъ мудрою ихъ дѣятельностію, усердіемъ и кровью ихъ вѣрноподданныхъ. Гибельная удѣльная система, ослабившая и едва не погубившая Россію, воспрепятствовала довершенію великаго подвига Владиміра и Ярослава. Если бы Россія сохранила свою цѣлость, если бы преемники Ярослава шли проложеннымъ имъ путемъ, то въ короткое время утвердилось бы за ними навсегда владычество надъ цѣлымъ берегомъ Нѣмана до Балтійскаго моря. Чрезъ то Россія спаслась бы отъ могущественнаго и страшнаго сосѣда, и еще болѣе отъ пагубныхъ слѣдствій соединенія его съ Польшей, которое сдѣлалось источникомъ безчисленныхъ бѣдствій для жителей юго-западной и западной Руси. Но раздробленіе Россіи на удѣлы принесло естественные свои плоды: междоусобіе, раздоръ, а вслѣдъ за ними кровопролитіе и ослабленіе государства. Преемники Ярослава, ссорясь между собою за великое княжество, выгоняя другъ друга изъ Кіева, оставили безъ вниманія Литву, которая, усиливаясь безпрерывно, не только отняла у нихъ Ятвяго-русскую область, но и простерла далѣе свои завоеванія. Конечно, нестройныя толпы дикарей, вооруженныхъ палицами и каменными топорами, не могли бы нанести большаго вреда правильному и хорошо вооруженному русскому войску; но неожиданное обстоятельство преобразило дикарей, развило и сосредоточило ихъ силы и дало имъ новое направленіе.

500 скандинавскихъ витязей подъ начальствомъ Балмунда, котораго литовцы называютъ Палемономъ, приплывъ на ладьяхъ вверхъ по Нѣману къ устью Дубиссы, построили въ этомъ

мѣстѣ первую крѣпость на литовской землѣ—Биссены. Избравъ ее средоточіемъ своихъ дѣйствій, и пользуясь слабостію и невѣжествомъ туземцевъ, начали оттуда распространять свои завоеванія къ сѣверу, востоку и югу. Довиспрунгъ, товарищъ Балмунда завладѣлъ берегами рѣки Свѣнты и построилъ Вилкоміръ, которымъ владѣли и его наслѣдники. Лѣтописцы разнымъ образомъ выводятъ происхожденіе новыхъ завоевателей. Нѣсколько вѣковъ вѣрили тому, что они были римскіе всадники. Основательнѣйшія изслѣдованія убѣдили, что они были именно скандинавы. Имена Балмундъ, Довиспрунгъ, Алгимундъ, Ринголдъ, Миндове, Едиманъ (Гедиминъ), Ольгердъ и другія, встрѣчаемыя въ династіи Палемона, чисто скандинавскія. При заселеніи литовскихъ земель они поступали съ жителями совершенно такимъ образомъ, какъ Рюрикъ и его преемники съ славянами. Они сливались съ покоренными, принимали ихъ языкъ, нравы, обычаи, вѣру, и оставляли только верховную власть въ рукахъ своихъ династій. Наконецъ также, какъ и въ Россіи, ввели въ Литвѣ удѣльную систему.

Сыновья Балмунда продолжали завоеванія, начатыя отцемъ, основали въ сѣверной Литвѣ три княжества. Боркусъ построилъ Юрборкъ на рѣкѣ Юрѣ, Кунасъ—Ковно при впаденіи Виліи въ Нѣманъ, а Спера утвердилъ мѣстопребываніе свое на Жмуди, на берегу озера, названнаго его именемъ. Боркусъ и Спера умерли безъ наслѣдниковъ, а Кунасъ присоединилъ ихъ владѣнія къ своимъ. По смерти Кунаса, убитаго на сраженіи съ Ярославомъ въ 1040 году, Кѣрнъ, сынъ его, простеръ еще далѣе свои владѣнія, завоевавъ правый берегъ Виліи. Онъ построилъ на немъ городъ Кѣрновъ, въ 35 верстахъ отъ Вильна къ западу. Городъ этотъ былъ долгое время столицею князей литовскихъ. Кѣрну приписываютъ тоже покореніе кривичей. Кѣрнъ владѣлъ обширнымъ и сильнымъ княжествомъ; но введеніе скандинавами удѣльной системы раздробило скоро Литву на множество мелкихъ владѣній, изъ коихъ въ XII вѣкѣ главнѣйшія были: завилейское, литовско-полоцкое и кѣрновское княжества. Наслѣдники Ярослава, ссорясь съ князьями полоцкими, мало обращали вниманія на успѣхи литовцевъ и предоставляли имъ свободу разорить княжество полоцкое, обращая свои усилія противъ отдаленныхъ ихъ соотечественниковъ. Такъ въ 1059 г. Изяславъ Ярославичь предпринялъ походъ

въ прусскую Голлиндію, опустошилъ эту область и увелъ въ плѣнъ толпы ея жителей, которыхъ поселилъ на берегахъ рѣки Поротвы.

Вскорѣ послѣ этого похода начались ссоры сыновей Ярославовыхъ за великокняжескій престолъ. Литовцы воспользовались этимъ. Эрдвиллъ, внукъ Гимбута брата Кѣрча, перешелъ съ войскомъ черезъ Вилію, и освободилъ Нерому и Пелузію отъ дани, платимой русскимъ князьямъ. Продолжая успѣхи свои, онъ переправился черезъ Нѣманъ на лѣвый берегъ этой рѣки и перенесъ столицу своихъ владѣній въ Науэнпилле. Городъ этотъ, называемый лѣтописцами Новогрудкомъ, не должно смѣшивать съ русскимъ Новогрудкомъ, завоеваннымъ позже и сдѣлавшимся столицею завоевателей.

Въ продолженіи этого времени, вѣроятно, существовалъ городъ Крево, столица образовавшагося потомъ княжества кревскаго или бывшей земли кривичей. Неизвѣстно время основанія этого города, находившагося въ 5-ти миляхъ отъ нынѣшней Ошмяны, гдѣ понынѣ видны великолѣпныя развалины стараго замка, частаго мѣстопребыванія Ольгерда и Ягайлы, и котораго стѣны были свидѣтелями вѣроломнаго умерщвленія Кейстута.

Тогда, какъ раздробленіе Руси облегчало литовцамъ распространеніе завоеваній въ сосѣднихъ русскихъ областяхъ, явился новый непріятель Литвы, съ которымъ она должна была бороться около 300 лѣтъ. Это были военно-духовные ордена: тевтонскій (крестоносцы) и ливонскій (меченосцы). Оба эти ордена учреждены были съ цѣлью распространять христіанскую вѣру между язычниками. Тевтонскій орденъ явился прежде на берегахъ Вислы, гдѣ средоточіемъ его была крѣпость Маріенбургъ. Опираясь на этотъ пунктъ, онъ началъ свои проповѣди въ Пруссіи вмѣстѣ съ завоеваніемъ этой страны и насильно заставлялъ жителей ея креститься. Ливонскій орденъ возникъ позже. Въ 1186 году прибылъ въ Ливонію съ нѣмецкими купцами католическій монахъ Мейнгардъ и получилъ отъ полоцкаго князя Владиміра позволеніе обращать *мирно* ливонскихъ язычниковъ въ христіанство. Вскорѣ Мейнгардъ построилъ на берегу Двины замокъ Икскуль, крестилъ язычниковъ волею и неволею и обучалъ ихъ военному искусству, яко бы для собственной ихъ безопасности. Преемники Мейнгарда утверж-

дены были въ санѣ епископовъ, и для вѣрнѣйшаго успѣха въ распространеніи христіанства, прибѣгли къ оружію. Третій изъ нихъ, Албертъ Буксгевденъ основалъ въ 1200 году городъ Ригу, а въ 1201 орденъ меченосцевъ. Папа Инокентій III далъ имъ уставъ рыцарей храма, бѣлую мантію съ краснымъ крестомъ и подчинилъ ихъ рижскому епископу. По призыву Буксгевдена и благословенію папы безпрестанно отправлялись въ Ливонію толпы вооруженныхъ людей проложить себѣ дорогу къ царствію небесному кровопролитіемъ и грабежемъ, потому что скоро упущена была изъ виду главная цѣль учрежденія ордена. Ненасытные меченосцы думали только о новыхъ пріобрѣтеніяхъ и о своемъ обогащеніи. Вскорѣ они подчинили власти своей большую часть Ливоніи и обратили мнимо-апостольскія усилія свои противу литовцевъ; но въ 1236 г. встрѣтили сильное сопротивленіе и претерпѣли жестокое пораженіе отъ Рингольда.

Впрочемъ существованіе этого лица подвержено большому сомнѣнію. Ни одинъ изъ достовѣрныхъ древнихъ писателей не вспоминаетъ даже имени его. Одинъ только изъ русскихъ лѣтописцевъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Княжилъ гдѣ на Новогородку Ринголдъ и кажутъ нѣцыи яко по русской битвѣ (при Могильнѣ) трехъ сыновъ уробилъ, но невѣдомо каково дѣло сичихъ сыновъ было.» Вотъ все повѣтствованіе о Рингольдѣ, найденное въ одной только изъ древнихъ лѣтописей. Стрыйковскій, найдя эти нѣсколько словъ о Рингольдѣ у лѣтописца, котораго самъ называетъ хромымъ, темнымъ и недостойнымъ довѣрія, не только ввелъ этого государя въ свою исторію Литвы, но даже составилъ подробное повѣствованіе его царствованія, основываясь яко бы на сказаніяхъ Мѣховиты, Кромера и Ваповскаго, изъ коихъ ни одинъ не вспоминаетъ о Рингольдѣ. Не смотря на столь недостаточныя свидѣтельства о существованіи этого лица, всѣ позднѣйшіе историки повторяютъ повѣтствованіе о немъ Стрыйковскаго, и единогласно приписываютъ ему подвиги, доставившіе Литвѣ новыя пріобрѣтенія, порядокъ и могущество. По ихъ словамъ Рингольдъ, сынъ Алгимунда, превосходя дарованіями и храбростью прочихъ князей, успѣлъ раздѣленную между ними власть въ государствѣ сосредоточить въ своемъ лицѣ, и сдѣлался ихъ главою, или великимъ княземъ. Въ 1230 году онъ перенесъ столицу въ заво-

еванный русскій Новогрудокъ, подкрѣплялъ единоплеменныхъ семигаловъ и куроновъ въ войнѣ ихъ противъ рыцарей; а когда частые набѣги его на Ливонію заставили магистра Вольквина предпринять съ сильнымъ войскомъ походъ въ Литву и напасть на собственныя владѣнія Рингольда, великій князь разбилъ его въ знаменитомъ сраженіи при Камѣнѣ, въ 1236 г., гдѣ большая часть рыцарей и самъ великій магистръ погибли. Не задолго передъ тѣмъ разбилъ онъ соединенныя силы нѣсколькихъ русскихъ князей подъ Могильною и завладѣлъ Полоцкомъ, которымъ съ тѣхъ поръ управлялъ намѣстникъ великаго князя. Случившееся въ это время нашествіе Батыя, и послѣдовавшее за тѣмъ ужасное опустошеніе Россіи, облегчило литовцамъ распространеніе завоеваній къ югу и приблизило ихъ владѣнія къ предѣламъ княжества галицкаго.

Пріобрѣтеніе русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь литовскій народъ. Входя въ ближайшее сношеніе съ русскими, они перенесли и усвоили себѣ ихъ языкъ, письмена, нравы и обычаи; начали вводить русское законоположеніе и образъ судопроизводства. Тѣснимые и преслѣдуемые татарами, жители русскихъ областей переходили толпами въ Литву, въ которой находили дружескій и радушный пріемъ, и передавали туземцамъ свое образованіе и вѣроисповѣданіе. Русскій элементъ часъ отъ часу болѣе распространялся и утверждался въ Литвѣ. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ польскихъ дѣеписателей нашего вѣка (Jaraszewicz, Obraz. Litwy, T. 1, str. 174 i 175).

«Кромѣ торговли, которая, издавна сближая оба народа, ознакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ; кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части, русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII столѣтія дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ и славянской литургіи, освоивала литовцевъ со всѣмъ русскимъ; еще болѣе содѣйствовали къ тому политическія сношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо образованнѣйшей христіанскою Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда начали литовцы вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ, завоеванія же эти еще болѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Въ слѣдствіе этого многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими,

наблюдали ихъ нравы и обычаи, старались принаравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе, и входили въ родственныя связи съ русскимъ народомъ, по возвращеніи же въ отечество служили образцами къ подражанію соотечественникамъ. Такимъ путемъ не только высшая тогдашняя цивилизація Руси могла, не въ одномъ отношеніи, имѣть вліяніе на Литву, но и русскій языкъ, въ особ нности въ высшемъ классѣ жителей, получилъ въ послѣдствіи преимущество передъ отечественнымъ, до такой степени, что сдѣлался наконецъ языкомъ двора и судебныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ языкомъ сдѣлались общеупотребительными и письмена русскія. А потому при такомъ перевѣсѣ руссицизма, не удивительно, что самыя древнія уложенія, а потомъ всѣ три статута литовскіе, многія княжескія привиллегіи и лѣтописи, составлены были только на русскомъ языкѣ, и что до сихъ поръ не найдено ни малѣйшей даже частной сдѣлки, написанной по литовски.»

Этотъ ясный и убѣдительный выводъ совершенно согласный съ фактами, описываемыми историками прежнихъ вѣковъ, представляетъ въ полномъ свѣтѣ отношенія, въ какихъ находились между собою оба народа,—что были русскіе для литовцевъ и литовцы для русскихъ. Мы увидимъ ниже еще яснѣе, какъ скрѣпилась связь между двумя поколѣніями и сколько было естественнаго, нелицемѣрнаго сочувствія между ними. Теперь считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи и судьбѣ Гродна до занятія его Литвою.

Городъ и земля, на которой онъ былъ построенъ, принадлежали неоспоримо русскимъ князьямъ, даже прежде завоеваній Владиміра и Ярослава. Самое названіе его явственно свидѣтельствуетъ, что онъ построенъ славянами; но построеніе это произошло въ столь глубокой древности, что ни въ одной лѣтописи о немъ не упоминается. Въ первый разъ названіе Гродна является въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1128 годомъ, какъ о столицѣ особеннаго удѣла. Спустя около шестидесяти лѣтъ послѣ того, городъ истребленъ былъ произшедшимъ отъ грома пожаромъ, отъ котораго сгорѣли всѣ зданія и даже каменныя церкви. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ граждане гродненскіе отстроили снова городъ, но въ 1241 году постигло его несчастіе ужаснѣе пожара. Койданъ, военачальникъ Батыя,

приступилъ къ нему съ сильнымъ войскомъ. Послѣдній гродненскій князь Георгій Глѣбовичъ съ неустрашимостью встрѣтилъ безъ сравненія многочисленнѣйшаго непріятеля, и защищаясь до послѣдней крайности въ деревянномъ замкѣ, построенномъ на высокомъ берегу Нѣмана, палъ въ ожесточенномъ бою со всѣми храбрыми своими сподвижниками. Городъ и замокъ разрушены до основанія, окрестности опустошены ужаснымъ образомъ. Миндовгъ, преемникъ Рингольда, отомстилъ за то Койдану жестокимъ пораженіемъ войскъ его подъ стѣнами Лиды, а сынъ его Ердзивиллъ пришелъ съ дружиною въ опустошённую гродненскую область, занялъ ее и отстроилъ разоренный городъ. Съ тѣхъ поръ область эта оставалась подъ властію литовскихъ князей.

Первымъ достовѣрнымъ литовскимъ великимъ княземъ считается Миндовгъ, котораго Стрыйковскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, почитаетъ сыномъ Рингольда. Правленіе его а еще болѣе первыхъ его преемниковъ считается эпохою самаго дѣятельнаго развитія русскаго элемента въ древней Литвѣ. Этому много содѣйствовали завоеванія русскихъ областей: полоцкой, смоленской, витебской, также какъ и всей земли кривичей, и занятіе гродненской области. При вступленіи же Миндовга на престолъ, русское населеніе въ великомъ княжествѣ превосходило числомъ безъ сравненія собственно литовское, селилось безпрепятственно въ Литвѣ, строило себѣ жилища и церкви, которыя никогда не подвергались насилію и даже неуваженію язычниковъ. Племянники Миндовга, Арвидъ или Довмонтъ, Товцивиллъ и Тройденъ управляли Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ въ качествѣ намѣстниковъ дяди. Первые два приняли христіанство и православное исповѣданіе и сдѣлались ревностными его защитниками въ своемъ отечествѣ. Третій Тройнатъ остался въ язычествѣ, но за то сынъ его Римундъ не только принялъ христіанскую вѣру, но даже постригся въ монахи подъ именемъ Елисея, и былъ архимандритомъ въ основанной имъ лаврѣ св. Иліи близъ Новогрудка въ нынѣшнемъ Лавришевѣ. Съ этихъ поръ христіанство и православіе начали глубоко пускать корни по всей Литвѣ. Примѣру племянниковъ и внука Миндовга послѣдовали потомъ братья Тройдена Роумонтовича Наримундъ, Гольши и Гедрусъ и множество лицъ литовскихъ княжескихъ фамилій, какъ то увидимъ ниже.

Не смотря на ужасное опустошеніе Россіи, и тяготѣвшее на ней монгольское иго, одинъ изъ русскихъ князей успѣлъ не только сохранить свое государство отъ разоренія, но даже привести его въ цвѣтущее состояніе. Это былъ галицкій князь Даніилъ, сынъ знаменитаго Романа, одержавшаго многія побѣды надъ литовцами. Успѣхи Миндовга, перенесшаго завоеванія на южный берегъ Нѣмана, обратили на Литву все вниманіе Даніила. Пользуясь возмущеніемъ племянниковъ его, управлявшихъ Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ и вошедшихъ въ союзъ съ рыцарями, Даніилъ вступилъ въ предѣлы Литвы. Сначала счастіе благопріятствовало Миндовгу. Въ 1249 году онъ одержалъ побѣду надъ княземъ галицкимъ и выгналъ племянниковъ изъ ихъ владѣній. Но спустя три года, великій магистръ Ступландъ разбилъ его войско въ Курляндіи и приблизился къ берегамъ Виліи, а племянники его, соединясь съ Даніиломъ, подошли къ Гродну. Доведенный до крайности Миндовгъ примирился съ Даніиломъ, уступилъ ему Слонимъ и Волковыскъ, выдавъ дочь свою за Шварна, сына князя Галицкаго, и давъ ему въ залогъ сына своего Войшелга. Онъ предложилъ также миръ и рыцарямъ; но великій магистръ объявилъ ему, что, по долгу званія своего, онъ не можетъ входить ни въ какія условія съ язычникомъ, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда литовскій государь пріиметъ со всѣмъ народомъ своимъ христіанство. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ утвержденія уступки ордену Курляндіи, сдѣланной его племянниками, за что обѣщалъ исходатайствокать ему у папы королевскую корону. Миндовгъ, для возстановленія мира, долженъ былъ на все согласиться.

Въ 1251 г. Миндовгъ принялъ со всѣмъ своимъ семействомъ крещеніе, и коронованъ на полѣ, близъ Новогрудка. Принятіе имъ христіанства не было искренно, а потому не могло имѣть благопріятнаго вліянія на преобразованіе народа. Оно не имѣло также собственно для него счастливыхъ послѣдствій, а потому не могло быть прочно, и дѣйствитетьно существовало не долго. Онъ долженъ былъ бороться внутри государства съ упорнымъ противудѣйствіемъ оставшихся язычниковъ, а внѣ — съ русско-литовскими князьями, смотрѣвшими съ негодованіемъ на связь его съ Римомъ. Все это умножало только число его непріятелей. Чтобы имѣть возможность противиться имъ успѣшно, Миндовгъ принужденъ былъ почти

вполнѣ отдать себя въ руки крестоносцевъ, которыхъ ненасытная алчность требовала, за ихъ покровительство, безпрерывныхъ пожертвованій. Въ продолженіи 6-ти лѣтъ Миндовгъ отдалъ ордену Россіену, Бетыголу, Крожи, всю карчевскую землю, половину Ейраголы и Понѣмуня, также Дайново и земли Саленъ и ятвяжскую, а наконецъ въ 1260 году завѣщалъ ордену все литовское королевство, въ случаѣ, если умретъ, не оставя законныхъ наслѣдниковъ. Такая неумѣренная щедрость въ отношеніи къ ордену довела подданныхъ Миндовга до высочайшей степени ожесточенія. Куроны и жмудины, не обращая вниманія на королевскую власть Миндовга, выступили въ значительныхъ силахъ противъ крестоносцевъ и разбили ихъ на голову при рѣкѣ Дурбѣ въ Курляндіи, въ 1259 году. Общее возстаніе пруссаковъ, почти покоренныхъ крестоносцами, было слѣдствіемъ этого пораженія. Вслѣдъ за тѣмъ Тройнатъ племянникъ Миндовга, явясь предъ нимъ съ жмудскимъ посольствомъ, ясно доказалъ ему, что онъ сдѣлался игрушкою вѣроломства и происковъ рыцарей и предложилъ возвратить подъ власть его всю литовскую землю, обѣщая содѣйствіе куроновъ и латышей. Тогда то Миндовгъ обнаружилъ настоящія свои чувства, отказался отъ христіанской вѣры и королевской короны въ 1260 году и выступилъ съ литовцами и Жмудью противу крестоносцевъ. Быстрые и блистательные успѣхи его надъ рыцарями не имѣли благопріятныхъ послѣдствій для государства. Оно напрягло послѣднія силы для борьбы съ нѣмцами, которыхъ потери скоро вознаграждены были прибытіемъ изъ Германіи новыхъ ополченій, собравшихся подъ знамя креста. Счастіе преклонилось на сторону непріятелей Литвы, которые въ свою очередь истребили несчетное множество латышей, куроновъ, пруссаковъ, литовцевъ и ятвяговъ и опустошили ихъ земли. Наконецъ Миндовгъ за свои насилія и жестокости умерщвленъ въ 1263 году родственниками своими Тройнатомъ и Довмонтомъ.

Такимъ образомъ введенное въ Литву на короткое время, усиліями крестоносцевъ христіанство не могло имѣть того спасительнаго вліянія на народъ литовскій, какого должно было ожидать отъ чистоты и святости его ученія. Накинутое насиліемъ, оно было принято по необходимости, и отринуто при первомъ удобномъ случаѣ. Казалось, Провидѣніе хотѣло про-

свѣтить этимъ урокомъ литовскій народъ и показать ему опасность соединенія съ западомъ. Къ сожалѣнію, урокъ этотъ вышелъ изъ памяти отдаленныхъ преемниковъ Миндовга, изъ коихъ одни для личныхъ и временныхъ выгодъ, а другіе по причинѣ недальновидности, вовлекли насильно народъ свой въ неестественный союзъ съ Польшею, и приготовили ему одинаковый съ нею жребій. Несравненно успѣшнѣе проникало христіанство со стороны русскихъ проповѣдниковъ, путемъ кротости и убѣжденія. Ученіе мира и любви должно быть проповѣдуемо не иначе, какъ въ мирѣ и съ любовію. А между тѣмъ оно распространяемо было крестоносцами огнемъ и мечемъ. Поступки ихъ произвели въ сердцахъ литовцевъ такую къ нимъ ненависть, что одно приведеніе имъ на память рыцарей приводило ихъ въ ожесточеніе. Оттого то и самое римско-католическое вѣроисповѣданіе сдѣлалось для нихъ предметомъ отвращенія и ненависти Русскіе же проповѣдники не употребляли никакого насилія, излагали въ простотѣ высокія истины Завѣта, которыхъ простыя и чистыя сердца принимали скоро и охотно. Выше сказано было о нѣкоторыхъ членахъ княжескихъ фамилій, обращенныхъ въ христіанство русскими проповѣдниками Но гораздо блистательнѣйшій успѣхъ получило христіанство въ Литвѣ послѣ обращенія Войшелга, который, находясь при дворѣ Даніила и научась истинамъ Завѣта, не только принялъ крещеніе по восточному обряду, но даже постригся въ монахи и былъ потомъ ревностнѣйшимъ поборникомъ православія въ своемъ отечествѣ. Узнавъ объ умерщвленіи отца, онъ немедленно отправился въ Новогрудокъ. Строгія мѣры, принятыя имъ для обличенія и наказанія виновниковъ его смерти произвели большое волненіе въ государствѣ. 300 гражданъ, вѣроятно чувствуя себя прикосновенными къ этому дѣлу. съ женами и дѣтьми переселились въ 1265 г. въ Псковъ и приняли тамъ крещеніе. Многіе изъ нихъ, возвратясь по смерти Войшелга въ отечество, принесли съ собою принятое ими вѣроисповѣданіе, которое съ успѣхомъ передавали соотечественникамъ. Спустя годъ послѣ этой эмиграціи, послѣдовала другая: знаменитый Довмонтъ сообщникъ Тройната, съ семействомъ и дружиною числомъ въ 500 человѣкъ перешелъ также въ Псковъ, гдѣ также принявъ крещеніе посвятилъ жизнь свою на службу новому отечеству и служилъ ему ревностно и вѣрно до смер-

ти, защищая мужественно и успѣшно республику отъ ея непріятелей, въ особенности отъ ливонскихъ рыцарей. Въ свободное время онъ забавлялся охотою особеннаго рода. Собравъ небольшой вооруженный отрядъ, выходилъ изъ Пскова, переправлялся черезъ Двину, и наловивъ нѣсколько десятковъ литовцевъ, приводилъ ихъ въ Псковъ, обучалъ правиламъ христіанской вѣры, потомъ, окрестивъ ихъ, снабжалъ всѣмъ нужнымъ на дорогу и отпускалъ въ отечество, и ни въ одной лѣтописи нѣтъ слѣдовъ, чтобы кто нибудь изъ новоокрещенныхъ, по возвращеніи въ Литву, перешелъ опять въ язычество. Не явственно ли это убѣждаетъ, что ни русскіе литовцевъ, ни литовцы русскихъ не считали чуждыми?

Но самое торжественное доказательство этого мнѣнія состоитъ въ томъ, что, послѣ смерти Миндовга, литовцы выбрали главою своего государства русскаго князя Шварна Даниловича, князя хелмскаго и дрогичинскаго. Утвержденіе его династіи могло бы навсегда соединить два поколѣнія: но къ несчастію Шварнъ по вступленіи своемъ на престолъ жилъ только два года. По смерти его Войшелгъ вышелъ изъ монастыря и занялъ престолъ своего отца. Воспитанный и утвержденный въ христіанской вѣрѣ и православіи онъ всѣми силами старался сдѣлать его господствующимъ въ государствѣ. Для этой цѣли сносился въ 1265 году съ новогородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ ему прислать священниковъ изъ Пскова, какъ ближе освоенныхъ съ языкомъ и обычаями литовцевъ. Лѣтописцы не говорятъ дѣйствительно ли прибыли въ Литву обѣщанные проповѣдники, но и безъ нихъ, какъ сказано выше, не только изъ ближайшихъ, но даже изъ отдаленныхъ странъ Руси, лица какъ свѣтскія, такъ и духовныя, тѣснимыя татарами, толпами переселялись въ Литву и подъ покровительствомъ православнаго князя проповѣдывали безпрепятственно и успѣшно въ ней слово Божіе.

Этотъ блистательный періодъ торжества православія въ Литвѣ, которое такъ непринужденно, такъ искренно принимаемо было туземцами и такъ быстро распространялось по ихъ отечеству, которое подавало столько пріятныхъ надеждъ русскому населенію и обѣщало столько нравственныхъ выгодъ литовскому народу,—прекращенъ былъ вѣроломнымъ поступкомъ галицкаго князя Льва Даниловича. Чтобы овладѣть престоломъ своего

брата Шварна, онъ умертвилъ предательски Войшелга, заманивъ его къ себѣ подъ видомъ дружбы. Литовцы отвергли цареубійцу и выбрали великимъ княземъ Свенторога, ревностнаго язычника. Обстоятельство это отсрочило на 40 лѣтъ успѣхи православія въ Литвѣ, хотя русскій элементъ продолжалъ составлять въ великомъ княжествѣ преимущественную его силу.

Съ 1267 по 1283 годъ восходили на великокняжескій престолъ шесть государей, погибавшихъ по большей части насильственною смертію. Наконецъ выбранъ былъ великимъ княземъ Лютаворъ, князь ейрагольскій, котораго династія царствовала въ Литвѣ до прекращенія ея существованія какъ государства. Правленіе Лютавора, а въ особенности сына его Витенеса, примѣчательно безпрерывными войнами съ крестоносцами, которыхъ силы возросли въ это время до необыкновеннаго размѣра. Въ особенности Витенесъ во время 20-ти лѣтняго своего царствованія, каждый годъ долженъ былъ бороться съ ожесточенными и страшными врагами. Крестоносцы безпрестанно нападали на великокняжескія земли, грабили и опустошали ихъ и предпринимали нѣсколько разъ осаду Гродна, и одинъ разъ, въ 1284 г., взяли его приступомъ и разорили до основанія. Витенесъ вскорѣ отстроилъ городъ, и видя, что усилія крестоносцевъ обращаются безпрерывно на этотъ важный пограничный пунктъ, сдѣлавшійся складомъ военныхъ запасовъ Литвы, устроилъ въ немъ новыя сильныя укрѣпленія, увеличилъ гарнизонъ и начальство надъ городомъ и областію поручилъ благоразумному и храброму старостѣ Давиду, сыну знаменитаго Довмонта псковскаго. Невозможно при этомъ случаѣ не привести на память великодушнаго поступка Давида въ отношеніи къ Пскову, его родимому городу. Онъ свидѣтельствуетъ не только о прекрасныхъ качествахъ души Давидовой, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ явственнымъ подтвержденіемъ сказаній о тѣхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились русскіе къ литовцамъ.

Въ 1324 году меченосцы, не уважавшіе никакихъ правъ и договоровъ, коль скоро дѣло касалось удовлетворенія ихъ корыстолюбія, не обращая вниманія на существовавшій между ими и псковитянами миръ, перебили псковскихъ охотниковъ, рыбаковъ и купцовъ, занимавшихся своимъ промысломъ на берегахъ озера Пейпусъ и рѣки Наровы. Псковитяне жаловались

на нарушеніе мира и требовали удовлетворенія, но рыцари смѣялись надъ ихъ требованіемъ и угрожали новыми насиліями. Тогда псковитяне вспомнили о сынѣ незабвеннаго своего защитника и обратились съ просьбою о помощи къ Давиду. Гродненскій староста немедленно собралъ охотниковъ, устремился съ ними къ мѣсту своего рожденія. Псковитяне собрались толпами подъ его знамена. Давидъ вошелъ съ ними въ Эстонію, ограбилъ дерптское епископство, собралъ богатую добычу, взялъ 1,000 плѣнныхъ, передалъ все забранное псковитянамъ и возвратился въ Гродно, не принявъ никакого вознагражденія за сей великодушный поступокъ. Приведенные въ ярость, рыцари рѣшились отомстить за то не иначе, какъ разореніемъ Пскова. На слѣдующій годъ, магистръ Іоцка приступилъ къ городу съ сильнымъ войскомъ, и громя пушками стѣны его 18 дней, сдѣлалъ во многихъ мѣстахъ проломы и готовъ былъ ворваться въ самый городъ. Прибытіе изборскаго намѣстника, князя Евстафія, съ свѣжимъ войскомъ, которое ударило въ тылъ меченосцамъ, остановило на время ихъ успѣхи. Но по отраженіи Евстафія они стѣснили городъ болѣе прежняго. Псковитяне, прося тщетно помощи у Новогорода, обратились снова къ Давиду. Въ нѣсколько дней по отправленіи къ нему гонца, сынъ Довмонта явился съ войскомъ подъ стѣнами города, разгромилъ силы меченосцевъ, отнялъ у нихъ заграбленную добычу, знамена и военные снаряды, и принудилъ ихъ заключить съ псковитянами восмилѣтніе перемиріе. Такихъ примѣровъ дружбы и единодушія литовцевъ съ русскими мы найдемъ множество въ исторіи Литвы, если захочемъ только искать ихъ прилежно и добросовѣстно.

Пока жилъ Давидъ, Гродно пользовалось совершенною безопасностію. Но по смерти его, меченосцы возобновили къ нему свои приступы, и городъ этотъ, нѣсколько разъ переходя изъ рукъ въ руки, былъ разрушаемъ и возобновляемъ.

Впрочемъ Витенесъ въ продолженіи 20-лѣтняго своего царствованія не оставался въ долгу у рыцарей. За каждое ихъ нападеніе, онъ платилъ имъ вторженіемъ въ принадлежавшія имъ области, которыя грабилъ, опустошалъ, и съ богатою добычею и множествомъ плѣнныхъ возвращался въ отечество. Такимъ образомъ онъ предпринималъ 11 походовъ противъ тевтонскихъ и ливонскихъ рыцарей и 9 противъ Польши. Цѣлью

послѣднихъ было одно только собраніе добычи и плѣнниковъ, которыхъ онъ во множествѣ переводилъ въ Литву. Отъ основанія Литовскаго государства, до смерти Витенеса, литовцы никогда не находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ поляками; напротивъ того, они чуждались ихъ и ненавидѣли, тѣмъ болѣе, что, исповѣдывая римско-католическую вѣру, поляки приводили имъ на память рыцарей, старавшихся жестокостью и насиліемъ накинуть имъ это исповѣданіе. Мы увидимъ въ царствованіе Ольгерда безотчетную ненависть ихъ къ этому исповѣданію въ поступкѣ съ францишканами. Они даже не дорожили польскими плѣнниками, на которыхъ не могли много полагаться. Преемникъ Витенеса, Гедиминъ, вступилъ въ первый разъ въ союзъ съ польскимъ королемъ Владиславомъ Локѣткомъ противъ крестоносцевъ, и отдавая дочь свою Альдону за сына его Казиміра, далъ ей въ приданое 24,000 польскихъ плѣнниковъ. Въ 1315 году, Витенесъ убитъ громомъ. Русскіе лѣтописцы выводятъ его происхожденіе отъ полоцкихъ князей роду св. Владиміра.

Со вступленіемъ на престолъ Гедимина, сына Витенесова, началась новая эпоха для всего великаго княжества. Берега Виліи сдѣлались средоточіемъ силъ государства и постояннымъ мѣстопребываніемъ государей, а нападенія рыцарей, опустошавшихъ одни пограничныя области, заводили ихъ нерѣдко во внутренность великаго княжества и самая столица видѣла ихъ не разъ подъ своими стѣнами. Впрочемъ первыя дѣйствія Гедимина противъ меченосцевъ увѣнчаны были блистательными успѣхами. Отразивъ русскихъ князей, напавшихъ на южные предѣлы государства, и собравъ сильное войско онъ отправился въ 1318 году противъ рыцарей, которые завладѣли уже большою частію Жмуди. Встрѣтивъ ихъ подъ начальствомъ Генриха Плоцке на берегахъ рѣки Жеймяны близъ курляндской границы, онъ истребилъ многочисленныя ихъ ополченія и отнялъ у нихъ завоеванную часть Жмуди. Непреклонный Плоцке, возобновивъ свои силы и нападеніе, вторгнулся съ многочисленнымъ отрядомъ въ глубину Литвы и явился подъ стѣнами Мѣдникъ, тогдашняго мѣстопребыванія великихъ князей. Гедиминъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ и заваливъ дороги нарубленными деревьями, истребилъ весь его отрядъ и Плоцке погибъ на полѣ сраженія. Фохтъ Самбійскій Герардъ Роде сожженъ былъ

живой съ конемъ своимъ въ честь литовскимъ богамъ. Уронъ, претерпѣнный орденомъ удержалъ на два года непріязненныя его дѣйствія противъ Гедимина, который въ продолженіи этого времени обратилъ всѣ свои силы на завоеваніе южной Руси. Въ 1320 г. онъ пріобрѣлъ княжества владимірское и луцкое, женивъ сына своего Любарта на дочери послѣдняго князя волынскаго, Владиміра Львовича, а въ 1321 году овладѣлъ Кіевомъ и окрестностями его. Нѣкоторые полагаютъ, что кіевляне сами пригласили Гедимина, чтобы освободить ихъ отъ татаръ, которые, взявъ этотъ городъ въ 1239 году, управляли имъ чрезъ своего намѣстника. Сказаніе это весьма правдоподобно. Русскіе, претерпѣвая одни притѣсненія отъ татаръ и не имѣя надежды получить помощь отъ князей восточной Руси, очень естественно могли обратиться подъ покровительство государя, подъ властію котораго благоденствовали и пользовались свободою вѣроисповѣданія сотни тысячъ ихъ соотечественниковъ, и не чуждались литовскаго народа, съ которымъ имѣли вѣковыя дружелюбныя сношенія. Гедиминъ оставилъ въ Кіевѣ прежній гражданскій порядокъ и законы, обезпечилъ свободу вѣроисповѣданія и права гражданъ и греко-россійской церкви, и не препятствовалъ имъ въ важнѣйшихъ духовныхъ дѣлахъ относиться къ московскому митрополиту.

Оставивъ въ завоеванныхъ странахъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны, Гедиминъ принялъ титло короля литовцевъ и большой части Руси (Rex Litwinorum et multorum Russorum). Распространивъ предѣлы государства, котораго верховные правители имѣли мѣстопребываніе въ Керновѣ, Наусиниллѣ и Новогрудкѣ, онъ предпринялъ основать столицу, соотвѣтственную новому его состоянію. Сначала выбралъ онъ мѣсто своего пребыванія въ старыхъ Трокахъ. Оттуда перенесъ столицу въ новые Троки, гдѣ выстроилъ себѣ на берегу озера новый замокъ. Хотя Стрыйковскій полагаетъ, что новые Троки построены были Гедиминомъ въ 1320 году, но по всей вѣроятности селеніе Троки существовало несравненно прежде. Гедиминъ построилъ только замокъ Новотрокскій, въ которомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ временное пребываніе, когда отправлялся на охоту, а не постоянную столицу, потому что уже въ 1322 году такою было Вильно, основанное имъ при впаденіи рѣки Вильны (Виленки) въ Вилію.

На этомъ мѣстѣ, называемомъ долиною Свенторога, съ давняго времени существовало капище, посвященное Перкуну. Тамъ на олтарѣ горѣлъ вѣчный огонь—Зничь. Около капища находились зданія, въ которыхъ устроены были жилища первосвященника (Креве-Кревейто—судья судей), жрецовъ и храмовой прислуги. На горѣ, находившейся близъ капища и названной *Туровой*, потому что Гедеминъ убилъ на ней тура, построенъ замокъ, украшенный шестиугольною башнею, которой большая часть уцѣлѣла до сихъ поръ. У подошвы горы построенъ другой замокъ, имѣвшій соединеніе съ капищемъ и названный кривымъ городомъ, по причинѣ криваго вида долины, а можетъ быть и потому, что въ стѣнахъ его жилъ Креве-кревейто. Гедиминъ далъ большія льготы тѣмъ, кои пожелаютъ строиться въ новомъ городѣ. Множество гражданъ разнаго званія поспѣшили воспользоваться дарованными преимуществами и въ короткое время воздвигнуто большое число новыхъ зданій. Болѣе всего оказали въ этомъ отношеніи усердія и дѣятельности русскіе, застроившіе все пространство отъ нынѣшней Большой улицы и ратуши всплошь по Остробрамской улицѣ до заставы, отчего мѣсто это назвалось Русскимъ Концемъ. Его также называли Острымъ, отъ чего и ворота, находившіяся на концѣ улицы, получили названіе Острыхъ (Ostra brama). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскіе, построивъ столь великое число домовъ въ Вильнѣ, строили и церкви, потому что Гедиминъ покровительствовалъ православное исповѣданіе. Хотя лѣтописцы не помѣщаютъ этого обстоятельства въ царствованіе Гедимина, но неменѣе того оно не подвержено никакому сомнѣнію. Благочестивые наши предки, изъ коихъ многіе были зажиточные и даже богатые граждане, селясь во множествѣ въ новомъ городѣ, не могли оставаться безъ дома Божія и удовлетворенія требованіямъ души. Къ тому же лѣтописцы упоминаютъ только о тѣхъ церквахъ, которыя были построены при содѣйствіи лицъ великокняжескихъ фамилій. Такихъ было только четыре: Пречистой Божіей Матери, Пятницкая и два монастыря: св. Троицы и св. Духа, пятая, воздвигнутая княземъ Константиномъ Острожскимъ, св. Николая. Между тѣмъ, какъ въ царствованіе Ягайлы находилось въ Вильнѣ 36 церквей. На это существуютъ неоспоримыя доказательства: въ письмѣ Іоанна Мелетья къ Давиду Хитрею въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Respublica Mosco-

viae 1580,» сказано: «Въ Вильнѣ (русскіе) имѣютъ тридцать церквей.... при церкви всегда находится училище.» Это было уже во времена Стефана Баторія, когда нѣкоторые изъ русскихъ церквей уже не существовали, потому что тогда уже прошло около двухъ сотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Казиміръ, сынъ Ягайлы, издалъ опредѣленіе, по которому запрещено было возобновлять разрушенныя и починять обветшалыя русскія церкви. При введеніи уніи при Сигизмундѣ III, насильно отнято было у православныхъ и отдано уніятамъ 15 церквей. Это было еще позже. Очень естественно, что между этими церквами были такія, которыя возникли въ царствованіе Гедимина. Наконецъ, 2-я и 3-я жены великаго князя, Ольга и Елена, были русскія; а потому невозможно, чтобы какъ онѣ, такъ и русскія лица, составлявшія ихъ дворъ, не имѣли храмовъ для своего богослуженія.

По приглашенію великаго князя поселилось въ Вильнѣ множество нѣмцевъ, преимущественно ремесленниковъ и торговцевъ, и, можетъ быть, нѣмецкіе законы, коими управлялись въ Ригѣ, предоставлены были этимъ выходцамъ, ибо слѣды того остались понынѣ. Мѣстные же жители управлялись существовавшими обычаями и состояли подъ начальствомъ *Тіуна*, который при Ягайлѣ уже назывался городничимъ.

Мудрый и проницательный Гедиминъ, видя недостатки гибельной удѣльной системы, но не могши искоренить ее совершенно, ввелъ феодальную. Въ собственной Литвѣ, гдѣ родъ князей, соединенныхъ узами крови съ царствующею фамиліей, совершенно исчезъ, находилось мало вассаловъ. Жмудь, стѣсненная съ двухъ сторонъ крестоносцами и раздѣленная на малыя селенія, имѣла своихъ бояръ, и не отмѣнивъ вполнѣ народнаго правленія, составляла нѣкоторымъ образомъ отдѣльную часть государства. Но обширныя русскія области, пріобрѣтенныя Гедиминомъ и его предшественниками, имѣли своихъ князей, которые, будучи поставлены государемъ въ своихъ удѣлахъ, слѣлались его ленниками и должны были исполнять, въ отношеніи къ нему, свои обязанности, не только военныя, но и гражданскія, въ особенности касательно наслѣдства и замужства дочерей, чего слѣды видны въ законахъ литовскихъ даже до окончательнаго соединенія съ Польшею.

Гедиминъ, оказывая особенное покровительство христіанамъ

православнаго исповѣданія, не препятствовалъ и западнымъ католикамъ имѣть свои костелы, миссіонеровъ и проповѣдниковъ, даже думаютъ, что онъ построилъ въ Вильнѣ и Новогрудкѣ костелы для вызванныхъ имъ нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, кои имѣли въ нихъ нужду, но опредѣлительныхъ доказательствъ на это нѣтъ. Будучи выше своего вѣка, Гедиминъ постигъ недостатки идолослуженія и предвидѣлъ его упадокъ, но не оставлялъ еще явно идолопоклонства, находя въ немъ жизненную силу своихъ единоплеменниковъ, которую еще болѣе возбуждали и укрѣпляли насилія крестоносцевъ. Новая опасность, угрожавшая Литвѣ, заставила его, по примѣру Миндовга, возобновить сношенія съ Римомъ. Въ 1322 году папа Іоаннъ XXII, по наущенію крестоносцевъ, издалъ буллу, которою приглашалъ западныхъ христіанъ къ крестовому походу противъ Литвы. А потому, чтобы навсегда преградить крестоносцамъ путь къ нападенію, Гедиминъ, по совѣту рижскаго архіепископа и всего литовскаго духовенства, написалъ изъ Вильна 26 мая 1323 года письмо къ папѣ, въ которомъ, жалуясь на обиды крестоносцевъ, доказывалъ, что борьба съ ними никогда не имѣла цѣлью ниспроверженія христіанской вѣры, но только защиту отъ ихъ насилій. Въ доказательство приводилъ всѣ свои дѣйствія, свидѣтельствовавшія о покровительствѣ имъ христіанъ въ его государствѣ, а наконецъ готовность принять крещеніе со всѣмъ народомъ и признать верховную власть папы. Но въ послѣдствіи времени, выведенный изъ терпѣнія коварствомъ крестоносцевъ, отказался отъ подписи посланныхъ по этому предмету писемъ. Въ томъ же году отправлены Гедиминомъ письма въ ганзейскіе города Любекъ, Ростокъ, Штральзундъ, Штеттинъ, и другіе, которыми приглашалъ онъ въ Литву тамошнихъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и воиновъ, съ предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ и преимуществъ, съ обезпеченіемъ ихъ личной безопасности и неприкосновенія собственности, и съ правомъ управляться рижскими гражданскими законами.

Сближеніе Гедимина съ Римомъ обнаружило настоящіе виды крестоносцевъ. Желая не просвѣтить, а поработить Литву, подобно пруссакамъ и ливонцамъ, они сами ставили безпрерывныя преграды къ такому сближенію. Чувствуя, что съ принятіемъ крещенія Литвою, существованіе ихъ, какъ ненужное,

должно будетъ прекратиться, старались ожесточить язычниковъ противу Рима, и не смотря на угрозы папы, возобновили нападенія на области Гедимина, который съ своей стороны платилъ имъ взаимно нападеніями и опустошеніями. Обстоятельство это было поводомъ перваго союза Литвы съ Польшею, которой тогдашній король Владиславъ Локѣтокъ, опасаясь одинаково какъ рыцарей, такъ и литовцевъ, желалъ найти въ послѣднихъ могущественныхъ союзниковъ противъ ордена.

Въ 1325 году послы Владислава прибыли въ Вильно, прося у Гедимина руки дочери его Альдоны для сына Владислава Казимира, и вмѣстѣ для заключенія оборонительнаго союза противу крестоносцевъ. Гединимъ принялъ оба предложенія. Альдона, крестившись подъ именемъ Анны, отправилась въ Польшу и привела съ собою 24 т. польскихъ плѣнниковъ, которымъ отецъ ея возвратилъ свободу. Изъ этого видно, что Польша сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ Литвою, что къ этому склонила ее опасность отъ сосѣдства ордена, и что она имѣла болѣе довѣренности къ языческому государю и народу, нежели къ единовѣрному и духовному обществу.

Съ тѣхъ поръ начались военныя дѣйствія обоихъ государей противъ ордена и его союзниковъ. Крестоносцы понесли огромныя потери; но иногда при благопріятныхъ обстоятельствахъ распространяли опустошенія до столицы Гедиминовой. Въ 1328 году они взяли Гродно, замокъ Онкаимъ и приблизились къ Мѣдникамъ; а въ 1336 году произошла славная осада Пилоны или Пуленъ, гдѣ нынѣ мѣстечко Пунѣ на берегу Нѣмана, въ трокскомъ уѣздѣ. Великій магистръ Ѳеодоринъ съ многочисленнымъ войскомъ осадилъ этотъ городъ, въ которомъ укрывались отъ непріятеля 4000 литовцевъ съ женами и дѣтьми. Не смотря на сильные приступы нѣмцевъ и дѣйствія стѣнобитныхъ машинъ, осажденные защищались съ неимовѣрнымъ мужествомъ. Днемъ отражали непріятеля, а ночью исправляли поврежденныя укрѣпленія. Уже глубокій ровъ вокругъ замка наполненъ былъ во многихъ мѣстахъ трупами осаждавшихъ. Но число защитниковъ безпрестанно уменьшалось. Не видя средствъ къ спасенію, и не имѣя надежды дождаться помощи отъ Гедимина, остатки осажденныхъ рѣшились лучше погибнуть, нежели отдаться въ руки нѣмцамъ. Умертвивъ женъ и дѣтей своихъ, бросили тѣла ихъ на огромный костеръ, зажженный

посреди замка, потомъ, умерщвляя другъ друга, бросались въ огонь. Одна старая и сильная женщина отрубила головы сту язычникамъ, и потомъ сама лишила себя жизни. Начальникъ замка князь Мергеръ, витязь исполинскаго роста и одаренный необыкновенной силой, защищался еще мужественно со своею стражей, но, видя истребленіе ея и самъ будучи покрытъ ранами, бросился въ подземелье, убилъ свою жену и потомъ себя. Крестоносцы, овладѣвъ развалинами замка, сравняли его съ землею.

Въ 1337 году крестоносцы построили замокъ Маріенбургъ въ устьѣ Дубиссы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находилось Ромнове (священный огонь и жилище Креве-кревейта). Спустя нѣкоторое время, они выстроили еще два замка: Фридебургъ и Байернъ, на правомъ берегу Нѣмана ниже Маріенбурга. Старый Гедиминъ, предвидя, что существованіе этихъ замковъ можетъ угрожать важной литовской крѣпости Велонѣ, находившейся между Маріенбургомъ и Байерномъ, рѣшился уничтожить всѣ три укрѣпленныя мѣста. Не смотря на преклонныя лѣта, онъ прибылъ съ сильнымъ войскомъ къ берегамъ Нѣмана въ 1338 году; но при осадѣ Байерна убитъ изъ огнестрѣльнаго оружія крестоносцемъ Тилеманомъ Шнупахомъ.

Гедиминъ поставилъ великое княжество на степень одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ того времени. Сказано было выше, что онъ принялъ титулъ короля Литвы и великой части Руси И дѣйствительно Русь составляла преимущественную силу его государства. Собственная Литва занимала оба берега нижней Виліи и нижняго Нѣмана до Юрбурга, а оттуда правый берегъ послѣдняго: то есть часть нынѣшнихъ виленской, ковенской и августовской губерній. Все же остальное пространство составляли области: полоцкая, витебская, кривская, минская, гродненская, волынская, Подоліе и Кіевъ. Кто же изъ людей безпристрастныхъ, не зараженныхъ безотчетнымъ ослѣпленіемъ, могъ бы признать эти области иными, какъ не чисто русскими по населенію, языку, нравамъ и обычаямъ? Это то населеніе, входя часъ отъ часу въ тѣснѣйшія связи съ литовцами, распространилось и по ихъ собственной землѣ, на которой въ безчисленныхъ мѣстахъ имѣло свои жилища и церкви. Оно пользовалось покровительствомъ и благодѣяніями, на равнѣ съ литовцами, одного государя. Преданіе, именуя его

потомкомъ св. Владиміра, еще болѣе скрѣпляло эту связь. Земли, занимаемыя русскими, обширностію своею превосходили въ 10 кратъ пространство собственно литовскихъ, а народонаселеніе русское было безъ сравненія многочисленнѣе литовскаго. Къ тому же послѣдніе, принявъ языкъ, письмена, права и обычаи русскіе, а многіе и православную вѣру, дали рѣшительный перевѣсъ русскому элементу въ государствѣ. Если поименованныя области, по происхожденію жителей, языку, вѣроисповѣданію, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать Литвою, хотя они и принадлежали къ великому княжеству; то съ какою совѣстью, съ какимъ здравымъ смысломъ можно рѣшиться назвать ихъ Польшею? Однакожъ имъ дается это названіе не въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ наше время. Не понимаю, какъ можно навязывать публикѣ насильно дикое мнѣніе, несогласное съ исторіей и здравымъ смысломъ, и заставлять ее вѣрить тому, чему самъ авторъ во глубинѣ души своей не вѣритъ?

Гедиминъ въ началѣ своего царствованія постигъ пагубныя слѣдствія удѣльной системы, и для предупрежденія бѣдственныхъ плодовъ ея ввелъ феодальную. Но предъ смертію своею не устоялъ противъ общаго тогдашняго соблазна и раздѣлилъ государство между сыновьями своими. Онъ сдѣлалъ еще большую погрѣшность, отдавъ Вильно одному изъ меньшихъ сыновей, неспособному Евнутію, и сдѣлавъ его главой государства съ правомъ старшинства надъ братьями. Ольгердъ получилъ княжества: Кривское и Витебское, Кейстутъ—Троки, Гродно и Жмудь, Монтвидъ—Кѣрновъ и Слонимъ, Наримундъ—княжество Пинское, откуда въ 1333 году призванъ былъ для управленія Новымъгородомъ, гдѣ и крестился подъ именемъ Глѣба или Василія. Новое доказательство братства между русскими и литовцами. Любарту отдано княжество Владимірское на Волыни; а Коріяту Новогрудокъ и Волковыскъ.

Для управленія оставленнымъ въ такомъ состояніи государствомъ нужны были руки сильнѣе Евнутіевыхъ и умъ обширнѣе. Это вскорѣ примѣтили Ольгердъ и Кейстутъ, превосходившіе другихъ братьевъ быстротою ума и прославившіеся, еще при жизни отца, громкими военными подвигами. Опасаясь, чтобы Литва, вознесенная мудростію и храбростію ихъ отца, не распалась на части, какъ сосѣдственная Русь, они уговорились низложить неспособнаго Евнутія. Въ 1338 году, Кейстутъ вор-

вавшись ночью въ Вильно, взялъ въ плѣнъ Евнутія и посадилъ его подъ стражу. Вскорѣ прибылъ изъ Крева Ольгердъ, занялъ Вильно, и принялъ титулъ великаго князя. Евнутію отданъ во владѣніе Заславъ Минскій.

Царствованіе Ольгерда составляетъ новую славную эпоху въ литовской исторіи. Онъ нетолько сохранилъ, но и увеличилъ пріобрѣтеніе своего отца, содержалъ въ подчиненности удѣльныхъ князей и громилъ татаръ, которые до тѣхъ поръ распространяли одинъ ужасъ въ восточной Европѣ. Ольгердъ оказывалъ особенное покровительство жителямъ Вильна. Всѣмъ виленскимъ мѣщанамъ, занимавшимся торговлею, безъ различія вѣроисповѣданій, онъ далъ привиллегію, освобождавшую ихъ отъ пошлинъ въ цѣломъ государствѣ. Множество русскихъ купцовъ поселилось тогда въ Вильнѣ. Въ это то время окончательно обстроенъ и заселенъ русскій конецъ города. Въ этомъ мѣстѣ уже лѣтописцы явственно упоминаютъ о постройкѣ русскихъ церквей, при содѣйствіи великихъ княгинь. Обѣ жены Ольгерда, Марія княжна тверская и Юліянія витебская, какъ дочери православной церкви, способствовали всѣми силами къ ея благолѣпію въ Литвѣ. Маріи приписываютъ постройку церквей св. Троицы, св. Духа и пречистой Божіей Матери. Первыя двѣ были деревянныя, послѣдняя каменная и въ послѣдствіи переименованная въ митрополитальную. Юліянія построила пятницкую церковь на развалинахъ капища Рагутиса, литовскаго Бахуса. Насупротивъ этой церкви стояла, на углу переулка, другая церковь Успѣнія св. Николая. На большой улицѣ, противъ нынѣшняго корпуснаго штаба, построена церковь перенесенія мощей св. Николая, гдѣ и теперь находится; а напротивъ ея, на углу Стекляной и Нѣмецкой улицъ, построены были еще двѣ церкви, истребленныя въ послѣдствіи пожаромъ. За Троицкимъ монастыремъ, близъ Острыхъ воротъ стояла маленькая церковь св. Николая, а далѣе за городомъ—церковь и кладбище св. Никодима. Такимъ образомъ на пространствѣ отъ нынѣшней гостинницы Нишковскаго до Острыхъ воротъ находилось 8 русскихъ церквей такихъ, о коихъ сохранились свѣдѣнія въ лѣтописяхъ и преданіяхъ. Это одно можетъ убѣдить въ многочисленности русскаго народонаселенія въ Вильнѣ, и преобладанія православной вѣры.

Несравненно труднѣе было утвердиться въ Вильнѣ римско-

католическому исповѣданію, несмотря на то, что оно имѣло могущественнаго покровителя и защитника въ Петрѣ Гаштолдѣ, пользовавшемся особенною милостію и довѣріемъ Ольгерда. Влюбясь въ плѣнницу свою Анну Бучацкую, родомъ польку, Гаштолдъ хотѣлъ на ней жениться. Плѣнница объявила ему, что выйдетъ за него не иначе, какъ если онъ пріиметъ христіанскую вѣру по обрядамъ римской церкви. Гаштолдъ на все согласился и, крестившись, вызвалъ 14 францишкановъ для устройства костела и богослуженія. Онъ далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится монастырь бонифратровъ, противъ генералъ-губернаторскаго сада. Ненависть литовцевъ къ католицизму, который крестоносцы хотѣли накинуть имъ насиліемъ, была причиною погибели новыхъ проповѣдниковъ. Въ 1345 году, во время отсутствія Ольгерда и Гаштолда, чернь ворвалась въ убѣжище францишкановъ, и схвативъ семерыхъ изъ нихъ повлекла въ мѣстное судилище. Ихъ осудили на смерть и на рынкѣ отрубили имъ головы. Другіе семь, успѣвшіе скрыться, пойманы были на горахъ по берегу Виленки, и безъ всякаго уже суда, сброшены съ такъ называемой Лысой горы въ рѣку. По общемъ водвореніи христіанства, поставлены на горѣ въ память этого событія три креста, кои видны и по нынѣ. Но Даниловичь утверждаетъ, что эти три креста поставлены въ исполненіе права магдебурскаго, предписывающаго ставить кресты при всѣхъ городахъ, которымъ дано это право и которые перешли уже на степень муниципальныхъ христіанскихъ городовъ.

Ольгердъ, по прибытіи въ Вильно, строго наказалъ виновниковъ мятежа и убійства; а Гаштолдъ вызвалъ снова 36 францишкановъ и помѣстилъ ихъ въ собственномъ домѣ на Пескахъ, близъ источника Вингры, гдѣ въ послѣдствіи построенъ костелъ Пресвятой Богородицы. Жители Вильна, ненавидя этихъ пришельцевъ, но не смѣя уже сами напасть на нихъ, употребили хитрость, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ гостей. Пользуясь вторичнымъ отсутствіемъ Ольгерда и узнавъ, что недалеко отъ Вильна находился многочисленный отрядъ татаръ, они тайно дали имъ знать, что во францишканскомъ монастырѣ хранятся несчетныя сокровища, а потому совѣтовали напасть на него, обѣщавъ не препятствовать имъ ограбить его. Получивъ эту вѣсть, татары ночью напали на монастырь, у-

мертвили всѣхъ францишкановъ и самого Гаштолда, постригшагося въ монахи. Тогда жители Вильна, кои были приготовлены и вооружены, узнавъ о истребленіи францишкановъ, напали въ свою очередь на татаръ, частію перебили ихъ, а частію выгнали изъ города. По прибытіи Ольгерда они оправдались передъ нимъ тѣмъ, что нападеніе татаръ произошло нечаянно, а потому граждане, хотя не успѣли спасти монаховъ, но перебили и выгнали наѣздниковъ. По свидѣтельству большей части лѣтописцевъ, Гаштолдъ взятъ въ плѣнъ крестоносцами въ Велонѣ и умерщвленъ въ 1364 году.

Совершенно иначе обходились литовцы съ христіанами православнаго исповѣданія, которые имѣли жилища свои на всемъ пространствѣ литовской земли, а въ столицѣ населяли большую половину города. Хотя въ 1347 году и произошло преслѣдованіе трехъ первыхъ и послѣднихъ мучениковъ православія въ Литвѣ, но народъ литовскій вовсе въ немъ не принималъ участія. Это была интрига жрецовъ, которые, видя съ негодованіемъ, что христіанство проникло уже въ чертоги великаго князя и принимается приближенными къ нему лицами, вытребовали ихъ у Ольгерда и предали смерти. Три придворные чиновника Ольгерда, Круглей, Михлей и Нижило, будучи обращены въ христіанство духовникомъ великой княгини Маріи, іеромонахомъ Несторомъ, приняли крещеніе подъ именемъ Антонія, Іоанна и Евстафія. Сохраненіе постовъ, предписанныхъ церковью, обнаружило тайну ихъ исповѣданія. Они были взяты подъ стражу и осуждены на смерть. На мѣстѣ страдальческой ихъ кончины великая княгиня построила церковь Пресв. Троицы, на которой похоронены и прославленныя тѣлеса ихъ. Ни прежде ни послѣ того, до введенія римско-католической вѣры въ Литвѣ Ягайломъ, православные христіане, нетолько не терпѣли въ ней никакого преслѣдованія, но пользовались совершенною свободою своего исповѣданія, покровительствомъ государей и искреннимъ сочувствіемъ народа.

Ольгердъ и Кейстутъ представляютъ въ исторіи рѣдкій примѣръ дружбы и согласія между двумя братьями. Управляя самовластно въ своихъ удѣлахъ, они дѣйствовали единодушно противъ непріятеля. Въ продолженіи 32 лѣтняго правленія Ольгерда, Литва каждый годъ претерпѣвала нападенія отъ крестоносцевъ. Сѣверо-западная часть ея была безпрестанно опусто-

шаема. Города: Ковно, Гродно, Биссены, Велона, были разоряемы и вновь отстраиваемы. Вильно видѣло два раза непріятеля подъ стѣнами своими, и два раза превращено было ими въ пепелъ. Кейстутъ, отомщая каждый разъ, за нападенія крестоносцевъ, опустошеніемъ Пруссіи, два раза попадался къ нимъ въ плѣнъ и два раза уходилъ отъ нихъ съ необыкновенною ловкостію и искуствомъ. Но при всемъ томъ крестоносцы не получили никакой существенной пользы отъ своихъ нашествій, а понесли только огромныя потери. Только Жмудь и Пруссія, въ концѣ царствованія Ольгерда, представляли ужасный видъ запустѣнія. Тамъ не видно было ни городовъ ни деревень; мѣстами только бродили по лѣсамъ разбѣжавшіеся жители.

За то на востокѣ и на югѣ вліяніе и оружіе Ольгерда пріобрѣли ему большія выгоды. Собравъ многочисленное войско, котораго большую часть составляли русскіе, онъ обратился съ нимъ въ Подолію, которую заняли татары, выгналъ ихъ оттуда, и вслѣдъ за ними проникъ въ Крымъ, истребилъ три татарскія орды, и опустошивъ полуостровъ, возвратился, вѣнчанный славою и обремененный добычею, въ Вильно. Въ это-то время, какъ полагаютъ, онъ привезъ, въ числѣ добычи, взятое въ Корсунѣ изображеніе Божіей Матери, и подарилъ его женѣ своей Маріи. Она отдала его Троицкому монастырю. Вскорѣ построена была деревянная часовня на Острыхъ воротахъ и въ ней помѣщенъ этотъ образъ, извѣстный и понынѣ подъ названіемъ Остробрамской Божіей Матери.

Здѣсь должно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ этого образа, который, какъ все земное, переходилъ чрезъ разныя колеи. Не подвержено никакому сомнѣнію, что образъ этотъ принадлежалъ одной изъ русскихъ церквей. Все пространство отъ ратуши до Острыхъ воротъ, какъ сказано выше, населено было исключительно русскими и носило названіе Русскаго Конца. На этой улицѣ находилось нѣсколько русскихъ церквей и монастыри, когда еще не было слѣдовъ ни одного католическаго костела, между тѣмъ какъ до появленія ихъ на этомъ мѣстѣ, образъ и часовня съ давняго времени существовали. Наконецъ самое обыкновеніе ставить часовни съ образами на городскихъ воротахъ сохранилось только въ Россіи. Часовня, въ которой помѣщенъ образъ, о которомъ говорится, была деревянная. Образъ обращенъ лицемъ за городъ, какъ бы на встрѣчу пpi-

ѣзжающимъ. По той сторонѣ воротъ устроена была узкая деревянная лѣстница, чтобы можно было приблизиться къ образу и ставить при немъ свѣчи и придѣланы деревянныя дверцы для защиты образа въ ненастное время отъ дождя и снѣга. По введеніи уніи, базильяне, захвативъ великое число церквей отъ православныхъ, завладѣли также Троицкимъ монастыремъ и часовнею на Острыхъ воротахъ. Базильяне, не смотря на большіе доходы монастыря, думая только о собственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, вовсе не заботились о томъ, чтобы окружить святыню подобающимъ ей благолѣпіемъ, и оставили въ пренебреженіи часовню. Въ такомъ состояніи она находилась въ 1626 году, когда воздвигнуты были въ сосѣдствѣ съ острыми воротами костелъ св. Терезіи и монастырь кармелитовъ. Базиліяне позволяли безпрепятственно кармелитамъ служить обѣдни передъ иконою и дѣлать въ часовнѣ разныя украшенія.

Въ 1671 г., кармелиты, собравъ значительную сумму изъ добровольныхъ пожертвованій, построили новую деревянную же, но благовидную часовню, украсивъ ее живописью и приличными надписями. Образъ обращенъ былъ уже лицемъ къ городу. Въ 1715 году, во время сильнаго пожара, отъ котораго большая часть города превращена въ пепелъ и развалины, сгорѣла и Острабрамская часовня. Кармелиты успѣли спасти образъ и перенести его въ костелъ. Въ послѣдствіи, собравъ вторично складку отъ множества доброхотныхъ дателей, выстроили каменную часовню въ такомъ видѣ, въ какомъ она находится понынѣ, и помѣстили въ ней снова икону. Базиліяне смотрѣли равнодушно на дѣйствія кармелитовъ, и даже рады были, что другіе заботились о обновленіи и украшеніи святыни, и тѣмъ избавили ихъ отъ издержекъ на эти предметы. Но когда они примѣтили, что число чествующихъ икону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пожертвованія на украшеніе святыни безпрерывно умножаются, а чрезъ то и монастырь обогащается часъ отъ часу болѣе, потребовали отъ кармелитовъ возвращенія иконы Троицкому монастырю, и представили неоспоримыя доказательства, что она искони ему принадлежала. Само собою разумѣется, что кармелиты не хотѣли уступить. Между двумя орденами завязалось тяжебное дѣло, которое, переходя чрезъ разныя инстанціи, представлено было наконецъ на разрѣшеніе папѣ. Не было возможности опровергнуть доказательствъ, представленныхъ

базиліянами. А потому, чтобы удовлетворить требованію кармелитовъ, за которыхъ ходатайство было сильнѣе, а можетъ быть полномѣрнѣе, папа придумалъ положеніе новое и вовсе не относящееся къ дѣлу, на которомъ основалъ свое рѣшеніе. Онъ присудилъ оставить часовню въ обладаніи того монастыря, который находится ближе къ Острымъ воротамъ. На основаніи этого рѣшенія часовня и икона Божіей Матери остается понынѣ при костелѣ св. Терезіи.

Вліяніемъ, которое Ольгердъ пріобрѣлъ на восточную Русь, онъ обязанъ соперничеству между князьями тверскимъ и московскимъ. Покровительствуя тестя своего князя тверскаго, Ольгердъ предпринималъ три похода противъ Димитрія Донскаго. Нападенія крестоносцевъ на Литву принуждали его каждый разъ оставлять своего тестя, котораго непреклонный Димитрій принудилъ наконецъ смириться. Впрочемъ оружіе Ольгерда распространило его власть и вліяніе въ восточной Руси далѣе Гедимина. Кромѣ владѣній предшественника онъ пріобрѣлъ часть княжества смоленскаго, княжества брянское и сѣверское; князья ржевскій и можайскій были введены въ управленіе своими удѣлами его рукою.

По свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, Ольгердъ, по вступленіи въ бракъ съ Юліяніей Александровной, склонясь на просьбу ея, принялъ изъ рукъ православнаго духовника крещеніе подъ именемъ Андрея, а передъ смертію облекся въ схимму подъ именемъ Алексѣя. Всѣ сыновья его исповѣдовали православную вѣру, а нѣкоторые изъ нихъ доказали на дѣлѣ усердіе и благодарность Руси, отъ которой приняли лучи божественнаго просвѣщенія Андрей и Димитрій Ольгердовичи привели многочисленныя дружины на Куликово поле въ помощь русскимъ князьямъ, и своею храбростію много содѣйствовали къ истребленію мамаевыхъ полчищъ.

Польскіе писатели съ ожесточеніемъ отвергаютъ повѣствованіе о крещеніи Ольгерда, а еще болѣе Ягайлы. Впрочемъ и между ними встрѣчаются люди добросовѣстные, которые, повинуясь болѣе внушенію истины нежели страстей, подтверждаютъ сказаніе русскихъ лѣтописцевъ. Ярошевичь говоритъ утвердительно, что всѣ сыновья Ольгерда крещены по обрядамъ восточной церкви. Въ синоптической таблицѣ польской исторіи Виктора Гельтманна (1863) сказано: Ягайло въ сообществѣ

Витовта и братьевъ своихъ прибылъ въ Краковъ 12 февраля 1386 г. перекрещенъ изъ греческаго въ латинское исповѣданіе, 14 того же мѣсяца принимаетъ имя Владислава. Наконецъ, нельзя при этомъ случаѣ не обратить вниманія на то, сколько иногда ничтожный клочекъ можетъ бросить свѣта на событія, затмѣваемыя дѣеписателями по невѣдѣнію или злонамѣренію. По упраздненіи трокскаго доминиканскаго монастыря, извѣстный историкъ литовскій Ѳедоръ Нарбуттъ, нашелъ въ немъ въ описи вещей, принадлежащихъ монастырю, слѣдующее: колоколъ, подаренный княземъ Огинскимъ, въ составъ котораго вошелъ другой малый разбитый колоколъ вѣсомъ въ 645 фунтовъ съ слѣдующею надписью: «Се рабъ Божій, Іаковъ Ондрѣевичь сматерію своею Уліаною Александрова.... В. К. Я. дали семо сей колоколъ улять въ церковъ... св... Парас....;» внизу: 6887 (годъ вступленія на престолъ Ягайлы). Спрашивается, какого великаго князя, сына Юліяніи, должно разумѣть по смыслу этой надписи? Въ это время дѣйствительно вступилъ на престолъ великаго княжества сынъ Юліяніи Ягайло; но это языческое его имя; принятое же при крещеніи въ Краковѣ—Владиславъ. Откуда же взялось имя Іакова? Не возможно вывести изъ того инаго заключенія, какъ согласное съ сказаніемъ русскихъ лѣтописцевъ, что онъ дѣйствительно крещенъ прежде въ православную вѣру подъ именемъ Іакова.

Ольгердъ оставилъ отъ двухъ женъ двѣнадцать сыновей; Кейстутъ имѣлъ шестерыхъ. При столь многочисленномъ потомствѣ можно было опасаться, что Литва распадется на множество мелкихъ владѣній; но счастливыя событія предупредили это раздробленіе. Сильнѣйшіе владѣтели взяли верхъ надъ слабѣйшими и заставили ихъ повиноваться.

По смерти Ольгерда, по принятому обыкновенію въ Литвѣ, престолъ его принадлежалъ Кейстуту, какъ старшему въ родѣ. Такъ точно происходило и въ Россіи, гдѣ княжили такія же скандинавскія династіи. Но Кейстутъ, уважая распоряженія Ольгерда, уступилъ Вильно съ великокняжескимъ титуломъ любимому его сыну Ягайлѣ, и даже помогъ ему выгнать Евнутія, домогавшагося этого званія.

Миръ и согласіе господствовалю не долго между дядею и племянникомъ. При дворѣ Ягайлы находился одинъ мужикъ, по имени Войдыло. Онъ сперва смотрѣлъ за печеніемъ хлѣба; по-

томъ исправлялъ должность постельничьяго Ягайлы и подавалъ ему питье. Вскорѣ онъ подольстился своему князю до такой степени, что, получая отъ него милость за милостію, пріобрѣлъ въ управленіе Лиду. Наконецъ Ягайло отдалъ ему въ супружество родную сестру свою Марію Ольгердовну, вдову гродненскаго старосты, князя Давида. Войдылло, предвидя, что столь неравное супружество будетъ противно Кейстуту, рѣшился поссорить его съ Ягайлою, чтобы изъ ихъ ссоры извлечь для себя выгоды. Онъ уговорилъ Ягайлу заключить тайный союзъ съ крестоносцами, который уничтожилъ бы перемиріе, заключенное съ обоими князьями на 10 лѣтъ. Договоръ этотъ заключенъ былъ въ Ригѣ, 27 февраля 1380 года, и возобновленъ 1-го іюня. Ягайло обязался не защищать своего дядю отъ нападенія крестоносцевъ, которые охотно согласились на такой договоръ, надѣясь захватить подъ власть свою цѣлую Жмудь. Рыцарь Куно фонъ Либенштейнъ, бывшій воспріемникомъ при св. крещеніи одной изъ дочерей Кейстута, увѣдомилъ его о происках Ягайлы и о заключенномъ договорѣ. Витовтъ, сынъ Кейстута, будучи связанъ съ Ягайлою тѣснѣйшею дружбою, удерживалъ нѣсколько времени отца отъ непріязненныхъ дѣйствій. Но когда Ягайло послалъ съ союзными крестоносцами и свое войско къ Полоцку, чтобы выгнать оттуда Андрея Кейстутовича и посадить на его мѣсто брата своего Свидригайлу, Кейстутъ рѣшился наказать его за вѣроломство. Онъ ввелъ хитростію 900 вооруженныхъ жмудиновъ въ Вильно, и при содѣйствіи ихъ, сдѣлавъ нечаянное нападеніе на трокскую заставу, овладѣлъ городомъ и замками; Ягайло, его мать, нѣсколько сыновей Ольгерда и Войдылло взяты въ плѣнъ. Въ замкѣ найденъ былъ договоръ Ягайлы съ крестоносцами: свидѣтельство коварнаго его поступка съ дядею. Не имѣя возможности оправдаться, Ягайло сложилъ всю вину на Войдыллу, котораго Кейстутъ приказалъ повѣсить на Лысой горѣ. Съ Ягайлою дядя обошелся кротко, но отнялъ у него Вильно и главное управленіе Литвою, а отдалъ ему только Крево и Витебскъ, первоначальныя владѣнія его отца. Ягайло не думалъ довольствоваться этимъ удѣломъ и въ тайнѣ изобрѣталъ средства къ отомщенію. Въ 1383 году, во время похода Кейстута противъ Корибута Ольгердовича, князя сѣверскаго, Ягайло напалъ на Вильно, защищаемое слабымъ гарнизономъ подъ начальствомъ

Витовта. При помощи благопріятствовавшихъ ему жителей и городничаго Гавнула или Гамилона, онъ овладѣлъ городомъ, Витовтъ спасся бѣгствомъ въ Гродно, а Ягайло съ помощію крестоносцевъ взялъ Троки. Кейстутъ, узнавъ о томъ, тотчасъ возвратился, и собравъ подкрѣпленіе на Жмуди, встрѣтилъ племянника между Вильномъ и Троками. Оба войска стояли въ виду одно другаго. Желая будто избѣгнуть кровопролитія, Ягайло предложилъ миръ. Заманивъ въ свой станъ Кейстута и Витовта, онъ отправился съ ними въ Вильно, гдѣ обоихъ объявилъ военно-плѣнными. Кейстутъ отосланъ былъ въ Крево, заключенъ въ подземельѣ, а въ пятый день своего заключенія, по приказанію Ягайлы удавленъ. Тѣло его, по языческому обычаю, сожжено въ долинѣ Свенторога Это былъ послѣдній языческій князь въ Литвѣ. Витовтъ отправленъ былъ подъ сильной стражей въ Крево, гдѣ его безъ сомнѣнія ожидала участь отца; но жена его Анна, которой позволено было посѣщать мужа, переодѣвши его въ платьѣ одной изъ служанокъ своихъ, облегчила ему способъ уйдти изъ Крева. Онъ обратился подъ покровительство крестоносцевъ.

Съ тѣхъ поръ началась ожесточенная борьба между Витовтомъ и Ягайлою, продолжавшаяся 8 лѣтъ. Витовтъ нѣсколько разъ уходилъ къ крестоносцамъ и опустошалъ съ ними Литву Ягайло, опасаясь болѣе коварства крестоносцевъ, нежели Витовта, примирился съ нимъ, отдалъ ему Гродно, Брестъ, Слонимъ, Волковыскъ и другіе города; но Витовтъ недовольствовался этимъ, соединился снова съ крестоносцами, два раза осаждалъ столицу Ягайлы, превратилъ городъ и нижній замокъ въ пепелъ и наконецъ, въ 1391 году, принудилъ Ягайлу отдать ему Вильно съ титуломъ великаго князя. Въ продолженіи этого времени Ягайло, вступивъ въ брачный союзъ съ Ядвигою, дочерью Людовика Венгерскаго, получилъ польскую корону, а потому не противился требованію Витовта. Впрочемъ, эти событія входятъ уже въ предѣлы втораго періода.

Оглянемся теперь на нѣсколько времени назадъ, чтобы сдѣлать бѣглый обзоръ успѣхамъ въ Литвѣ русскаго элемента, который началъ съ тѣхъ поръ вѣковую борьбу съ католицизмомъ, обнаружившимъ, съ самаго появленія своего въ великомъ княжествѣ, свое отличительное свойство—нетерпимость. Мы видѣли, что съ востока и юга русскіе безпрепятственно пересе-

лялись въ Литву и вносили въ нее свой языкъ, вѣроисповѣданіе, нравы и обычаи. Такимъ же образомъ литовцы переходили въ русскія области, селились въ нихъ, принимали крещеніе и сливались съ русскими въ одинъ народъ. Если случалось, что литовскіе князья вели съ русскими войны, то это ни мало не препятствовало сближенію двухъ поколѣній и неослабило дружелюбныхъ ихъ сношеній. Это было слѣдствіе духа тогдашняго времени. И между русскими князьями, кои соединены были даже узами родства, иногда самаго близкаго, происходили междоусобныя и опустошительныя войны, но они не производили ненависти между жителями ихъ владѣній, кои всегда составляли одинъ русскій народъ. За то нерѣдко случалось, что литовцы, видя русскихъ въ опасности, спѣшили имъ на помощь, какъ братья, и служили имъ ревностно и вѣрно. Мы видѣли старосту гродненскаго, Давида, устремившагося два раза на помощь псковитянамъ противъ ливонскихъ рыцарей. Андрей и Дмитрій Ольгердовичи содѣйствовали съ такою славою пораженію Мамая на Куликовомъ полѣ. Наконецъ, во время нападенія Тохтамыша, Дмитрій Донской поручилъ защиту Москвы литовскому витязю Остею. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ далеко углубилось русское населеніе внутрь собственной Литвы, довольно взглянуть на число церквей православныхъ, сооруженныхъ въ отдаленнѣйшихъ концахъ ея. Не говорю объ ятвяго-русской области, гдѣ еще со времени Ярослава половина жителей была русскаго происхожденія и вѣроисповѣданія и гдѣ, въ послѣдствіи, при покровительствѣ государей и безпрерывномъ переселеніи выходцевъ, русская народность пріобрѣла значительный перевѣсъ предъ литовскою. Не говорю о числѣ церквей въ Вильнѣ, въ которомъ было ихъ болѣе 30, а большую половину жителей составляли русскіе, такъ что еще въ позднѣйшія времена, не смотря на вѣковое ихъ преслѣдованіе католиками, извѣстный своею ненавистію ко всему русскому, Стебельскій, называетъ этотъ городъ *гнѣздилищемъ Фотіевой ереси*. Взглянемъ на остальное пространство литовской земли и исчислимъ тѣ церкви, коихъ названія сохранились въ лѣтописяхъ. Въ Новыхъ Трокахъ существовали долго монастырь Благовѣщенскій и двѣ приходскія церкви. Кромѣ того находились даже по прекращеніи линіи Ягайловъ, монастыри: Іеввейскій, въ трокскомъ уѣздѣ; Кронскій, въ трокскомъ

уѣздѣ;—Кейдансній, въ мѣстечкѣ Кейданахъ; Сурдекскій, въ вилкомирскомъ уѣздѣ; Міорскій, на границахъ новоалександровскаго и вилкомирскаго уѣздовъ; наконецъ Подъ-дубисскій-почти на концѣ Жмуди, въ нынѣшнемъ шавельскомъ уѣздѣ. А сколько могло находиться такихъ, о которыхъ не упоминаютъ лѣтописи? Само собою разумѣется, что церкви не могли существовать безъ прихожанъ. А потому можно судить, какъ далеко русское населеніе распространилось въ Литвѣ, и какъ близко было сліяніе обоихъ поколѣній въ одинъ народъ. Скажемъ въ этомъ мѣстѣ словами польскаго лѣтописца (Jaroszewicz, Obraz Litwy T. II, str. 7). «Еслибъ такое теченіе дѣлъ продлилось еще нѣкоторое время, то Литва, присвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, частію и русское законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе съ духовною русской церкви властію, и вступая часъ отъ часу въ тѣснѣйшія сношенія съ цѣлой Русью, посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей,—Литва, говорю, перемѣнила бы современемъ свою литовско-языческую въ христіанско-русскую народность.» Этому-то естественному, непринужденному соединенію двухъ поколѣній положилъ главное препятствіе и умедлилъ его на нѣсколько вѣковъ Ягайло, вовлекшій Литву въ противный ей союзъ съ Польшею, какъ то увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

(Изъ «Виленскаго Вѣстника»)

(Окончаніе впредь).

XIII.

ПО ПОВОДУ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ МОСКОВСКОЙ ПРЕССЫ.

Московская пресса говорила очень много (чуть ли не больше, чѣмъ сколько слѣдовало говорить) о нашихъ дѣлахъ,— объ отношеніяхъ здѣшней администраціи къ польскому вопросу, о преобладаніи въ нашихъ странахъ польскаго элемента надъ русскимъ, о необходимости подавленія перваго послѣднимъ и проч. и проч. Въ этомъ пестромъ говорѣ, въ этой шумной и обильной корреспонденціи, такъ перемѣшаны истины съ парадоксами и увлеченіями, такъ много заявлено натяжныхъ выводовъ изъ сомнительныхъ явленій современной жизни, такъ много неточностей и преувеличеній, неизбѣжныхъ при отдаленности разсматриваемаго предмета,—что настоитъ вопіющая потребность разсортировать, наконецъ, эти разнородные матеріалы и, пріобщивъ *къ свѣдѣнію и даже исполненію* все полезное и необходимое, предать забвенію все экзальтированное, полу-вѣрное, а особенно фальшивое. И мы, какъ люди, больше и яснѣе нѣкоторыхъ видящіе дѣло, давно собирались установить правильный взглядъ на настоящее югозападнаго края Россіи и поискать надежныхъ гарантій къ обезпеченію его отъ повторенія недавнихъ, грустныхъ сценъ въ будущемъ. Ближайшимъ поводомъ къ появленію настоящей замѣтки послужило письмо какого-то господина изъ Каменца-подольскаго [1]), отъ 6 декабря 1863 года.

Мы оставляемъ пока въ сторонѣ это, небогатое содержаніемъ, письмо и обратимъ вниманіе на побужденіе къ нему и подобныхъ имъ, на отношенія здѣшней администраціи къ полякамъ—

1) День, 1864 г., № 4.

и, на оборотъ, на средства къ установленію отношеній болѣе нормальныхъ и полезныхъ для обрусѣнія нашего, хотя искони русскаго, но довольно-ополяченнаго края.

Идея администраціи слишкомъ широка и отвлеченна. Она объемлетъ собою длинную цѣпь разныхъ личностей—отъ волостнаго старшины, до начальника края. Разсуждая объ отношеніяхъ администраціи къ явленіямъ современной жизни, нужно вѣрно и точно обозначать сперва извѣстныя явленія, потомъ отношенія къ нимъ такихъ или другихъ недѣлимыхъ изъ административнаго круга, всячески избѣгая обобщенія фактовъ, усвоенія администраціи вообще ошибокъ и злоупотребленій становаго, мироваго посредника или кого либо другого,—или что тоже—избѣгая заключенія отъ части къ цѣлому. Подводить подъ одинъ уровень недѣлимыхъ администраціи различныхъ убѣжденій и симпатій, съ различными степенями развитія, патріотизма, національности, власти, было бы болѣе чѣмъ нелогично. Корреспонденція московской прессы, не всегда свободна отъ этого недостатка. Подмѣчая ненормальныя явленія жизни и не умѣя, иногда найдти ближайшія причины ихъ, она сваливаетъ всю вину на администрацію вообще. Напроказничалъ становой, даже волостной писарь,—виновата администрація; выкинулъ одинъ-другой панъ революціонную продѣлку, обсчиталъ, прижалъ тѣхъ или другихъ крестьянъ,—опять громы и молніи на всю администрацію. По нашему мнѣнію, всѣ эти нареканія слишкомъ общи, неразборчивы и напрасны, особенно въ примѣненіи ихъ къ дѣйствіямъ высшихъ администраторовъ. Въ главѣ администраціи края у насъ поставляются избранники націи, на убѣжденія, патріотизмъ, мудрость и добросовѣстность которыхъ правительство вполнѣ можетъ положиться. Толпа не имѣетъ возможности понимать и цѣнить какъ слѣдуетъ ихъ дѣйствія, видѣть подлинныя причины ихъ, а особенно—предвидѣть результаты противуположныхъ дѣйствій. Оттого она скользитъ по поверхности явленій и не умѣя отличить исполнителя отъ распорядителя (нерѣдко—добро отъ зла) вмѣняетъ грѣхъ перваго послѣднему, или вообще администраціи. Мы не уклонимся здѣсь отъ обычнаго возраженія: «виноватъ старшій,» и даже назовемъ его рутиннымъ, страннымъ, не смотря на его популярность—теоретическую и практическую. Зло по большей части прячется такъ хитро, выбираетъ такія мѣста, времена и при-

емы для своего проявленія, что «старшій» нерѣдко узнаетъ объ немъ послѣдній, что для узнанія его необходимо всевѣдѣніе, для обузданія—всемогущество, для предотвращенія—совокупныя усилія и бдительность всей административной корпораціи и всѣхъ частныхъ лицъ. Логично ли обвинять попечителя, директора, если студентъ, гимназистъ убѣжалъ въ банду, напроказничалъ ночью въ безчестномъ домѣ и проч.? Логично ли винить всю администрацію, если становой, или волостной писарь-полякъ подличаетъ предъ властью, и въ тоже время передаетъ секреты, распоряженія и намѣренія правительства врагамъ порядка и Россіи? Что виноватъ господинъ, если слуга украдетъ ночью его имущество, и бѣжитъ съ нимъ изъ дома? Какъ часто самыя благія намѣренія, самыя раціональныя мѣры «старшихъ» парализуются, разрушаются неловкостью, продажностію, или прямой измѣною низшихъ?... Эти аномаліи еще болѣе усложняются, если «старшій» судитъ о честности и благонамѣренности другихъ по себѣ, если опытные и ловкіе грѣховодники систематически будутъ прятать отъ него концы въ воду, искажать факты и причины ихъ, если къ отвращенію «старшаго» отъ крутыхъ мѣръ, не всегда и не вездѣ одобряемыхъ логикою и согласныхъ съ личными убѣжденіями, присоединится новость положенія, недостатокъ той опытности, того изученія среды, которое пріобрѣтается только временемъ и которое не дается вдругъ никакому таланту, никакому усердію. Очутившись нечаянно въ темную полночь, въ лѣсу незнакомомъ, мы сперва (какъ бы зорки мы ни были) ничего не различаемъ, стоимъ на одномъ мѣстѣ, или подвигаемся впередъ ощупью, падаемъ, получаемъ ушибы; но потомъ, свыкнувшись постепенно съ темнотою, мы какъ бы получаемъ новую способность—видѣть во мракѣ, находить въ немъ хоть слабые атомы свѣта, достаточнаго если не для полнаго освѣщенія близкихъ и дальнихъ предметовъ, то по крайней мѣрѣ для указанія тропинки, для минованія опасностей, для различія большихъ деревъ отъ малыхъ, рытвинъ отъ плоскостей и проч.

Что-то похожее случилось и въ нашемъ краѣ. Мы не такіе оптимисты, чтобы безусловно восторгаться непогрѣшимостію нашихъ общественныхъ дѣятелей, чтобы видѣть въ ихъ дѣятельности nec plus ultra совершенства безкорыстія, патріо-

тизма и благоразумія. Мы лучше другихъ знаемъ, что, какъ и почему у насъ дѣлается, яснѣе другихъ сознаемъ качество и количество промаховъ, продажностей, злоупотребленій, революціонныхъ продѣлокъ, тамъ и здѣсь ослабляющихъ вліяніе русскаго правительства, тормозящихъ полное обрусѣніе здѣшняго края, подавленіе въ немъ пришлаго и враждебнаго намъ элемента, сѣющихъ вокругъ насъ сѣмена грядущихъ смутъ, нестроеній и усобицъ. Но мы яснѣе другихъ видимъ и подлинныя причины всѣхъ этихъ аномалій, яснѣе другихъ сознаемъ и то, что усвоять ихъ всей администраціи, особенно высшей, было бы болѣе чѣмъ несправедливо. Если бы мы захотѣли выступить изъ роли публициста и очутиться въ роли полицейскихъ сыщиковъ, мы бы указали и доказали различныя революціонныя замашки разныхъ пановъ, продѣлки и недобросовѣстность разныхъ чиновъ, потворство первымъ послѣдними; мы могли бы подмѣтить исповѣдниковъ польскаго катихизиса въ мировыхъ съѣздахъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, особенно въ гражданскихъ палатахъ, — какъ мѣстахъ, которыя предназначены для усвоенія или отчужденія разныхъ собственностей; мы моглибъ указать на тѣсноту народа русскаго, кое-гдѣ сѣтующаго даже на свою вольность, вопреки намѣреніямъ и мѣрамъ правительства, непринесшую съ собою того счастія, довольства и независимости, какихъ вправѣ были ожидать отъ свободы крестьянъ и обязательнаго выкупа всѣ друзья человѣчества; мы могли бы назвать село, въ которомъ не отведено крестьянамъ пастбищныхъ мѣстъ, а земли, въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, удобныя перемѣнены на неудобныя, въ которыхъ запрещенъ вывозъ изъ лѣса дерева на отопленіе и другія хозяйственныя потребности, и даже водопой скота изъ рѣкъ и прудовъ, принадлежащихъ помѣщику-католику. «To wszystko moie,—ia wam nic nie dam, niech wam car daie,» отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ на просьбы крестьянъ распространители «золотыхъ грамотъ»!..

Чтожъ это значитъ, что, при всѣхъ усиліяхъ высшей администраціи, при всемъ ея патріотизмѣ и благонамѣренности, эти явленія продолжаютъ свое существованіе? Это значитъ то, что латино-польская пропаганда не прекратилась, а только лишь

видоизмѣнилась; что, вслѣдствіе несостоятельности внѣшняго революціоннаго движенія, она принялась за то, чѣмъ начала,— оружіе физическое перемѣнила на нравственное, что, не успѣвъ привлечь на свою сторону народъ ласками и обманомъ, она хочетъ достигнуть этой цѣли, и въ тоже время пробудить неудовольствіе въ немъ и недовѣріе къ русскому правительству, стѣсненіемъ средствъ къ народному довольству и счастію и сваливаньемъ на это правительство вины различныхъ лишеній народа и что, наконецъ, нѣкоторые изъ русскихъ даже чиновниковъ оказались болѣе или менѣе неспособными къ борьбѣ съ безчисленными хитростями латинопольской пропаганды. Постараемся уяснить это послѣднее обстоятельство, насколько позволяютъ предѣлы настоящей замѣтки и щекотливость этого предмета.

Какъ ни ловко, какъ ни дружно и неусыпно дѣйствуетъ въ своихъ видахъ враждебная нашей вѣрѣ и народности партія, она понесла бы пораженіе на всѣхъ пунктахъ, если бы встрѣтила совокупную, энергичную реакцію со стороны всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, всѣхъ органовъ нашей прессы,— реакцію, подобную той, какою встрѣтилъ ее нашъ народъ православный, наше христолюбивое, царелюбивое, русское воинство. Но, вѣроятно, древнему афоризму: «причиною нашихъ несчастій—мы сами»—суждено быть аксіомою во всѣхъ случаяхъ человѣческой жизни, не исключая и того, о которомъ теперь идетъ рѣчь наша. Въ теченіи полвѣка постоянно устремленное на одинъ и тотъ же предметъ вниманіе, неутомимое изученіе сердца русскаго вообще и чиновничьяго въ частности, сдѣлало польскихъ миссіонеровъ такими практическими психологами, такими достойными сподвижниками Лойолы, для которыхъ мало невозможнаго, которые отыщутъ тропинку во всякую почти душу и борьба съ которыми требуетъ особенной зоркости, самоотверженія, а главное непоколебимой и всецѣлой преданности интересамъ русской вѣры и народности, совокупнаго противодѣйствія всѣхъ патріотовъ русскихъ—сверху до низу. Если взять во вниманіе то, что польскою миссіею занимаются всѣ, кто только имѣетъ католическую душу въ польскомъ тѣлѣ, всѣ—отъ малаго до стараго, отъ женщины до мужчины, отъ перваго до послѣдняго; то трудности нравственной борьбы нашей съ ними еще усложняются, а шансы на побѣду

уменьшаются. При такихъ средствахъ къ веденію пропаганды, при такомъ количествѣ польскихъ пропагандистовъ, борьба съ ними требуетъ особенной осторожности, энергіи и самопожертвованія. Всякъ изъ насъ имѣетъ болѣе или менѣе видныя слабости. Эти слабости съ безпримѣрною зоркостью подмѣчаются и съ необыкновеннымъ искусствомъ употребляются въ дѣло польскими пропагандистами. Кто богатъ тщеславіемъ, того окурятъ ѳиміамомъ лести, низкопоклоничества, угодничества, превозносятъ до небесъ его умъ, его сердце, его доблести, его физіономію—и въ глаза, и предъ такими людьми, которые непремѣнно передадутъ этотъ панегирикъ по принадлежности; къ нему относятся на словахъ и на бумагѣ съ такой титуляціею, такимъ самоуниженіемъ, которыя свойственны только людямъ, обратившимъ фразы: do nóg padam, całuję nóżki, въ поговорки народныя, низости польскаго катихизиса—въ догматическія убѣжденія. Тщеславный чиновникъ таетъ отъ этой лести и низостей, да и знакомство съ паномъ ничуть не унижаетъ его самолюбія. Панъ—ни плебей, ни чиновникъ; онъ, такъ сказать, человѣкъ nullius; съ нимъ можно быть короткимъ, не роняя своей чиновности, можно подать ему всю руку, тогда какъ съ чиновниками нужно наблюдать извѣстныя степени чинопочитанія, условливаемыя ихъ чинами: одному поклониться низко, другому сдѣлать лбомъ едва уловимое движеніе; одному протянуть всю руку, другому показать одинъ–два–три пальца, къ рукѣ иного сдѣлать только прикосновеніе, а иному и этого не дѣлать. Кто страдаетъ скукой въ своемъ захолустьѣ отъ недостатка образованнаго круга, свѣтскихъ развлеченій, того, послѣ болѣй или менѣе долгихъ усилій, ухаживаній, затянутъ, наконецъ, будто случайно, въ какое либо общество, гдѣ, по заранѣй условленному плану, соберется все, что есть въ околоткѣ очаровательнаго, краснорѣчиваго, ловкаго; тутъ окружатъ дорогаго гостя самою нѣжной и заботливой предупредительностью, изысканнымъ гостепріимствомъ; танцы, карты, смотря по вкусу гостя, къ его услугамъ; въ первомъ случаѣ гость непремѣнно выиграетъ, въ послѣднемъ его насквозь пронижетъ перекрестный огонь и черныхъ какъ полночь, и голубыхъ какъ небо, словно гладящихъ по сердцу, польскихъ глазокъ; гость будетъ выбираемъ во всякую фигуру мазурки, не останется безъ движенія ни на минуту. А сколько онъ наслушается во время

танцевъ самыхъ симпатичныхъ, по звуку, комплиментовъ, нѣжностей, самыхъ восхитительныхъ полунамековъ, сколько почувствуетъ самыхъ незастѣнчивыхъ рукопожатій, какъ плотно прижмется къ нему, какъ предательски-наивно склонитъ свою кудрявую головку на плечо его въ опасной полькѣ, въ страстномъ вальсѣ, бѣсъ искуситель—во образѣ рѣзвой какъ котенокъ, опасной какъ Калипса, предательской какъ Іуда—польки! Вотъ подали ужинъ; хозяинъ, хозяйка, ихъ дѣти и гости сосредоточили все свое вниманіе на drogim moskalu (мы не говоримъ о полякахъ-чиновникахъ); упрашиваньямъ, подливаньямъ нѣтъ конца и счета; подумаешь, что гостя хотятъ напитать на цѣлую жизнь. Вотъ, послѣ ловкаго намека насчетъ ничтожности въ дѣлѣ личныхъ отношеній такихъ пустяковъ, каковы разномыслія политическія, либо, послѣ искуснаго панегирика великодушію, мудрости и гуманности русскаго Монарха, послѣ задушевныхъ, повидимому, жалобъ на агитаторовъ польской революціи, разорившей, погубившей страну, проклятій на rząd narodowy, съ его łotrami (разбойниками)—жандармами-вѣшателями, послѣ изумленія силѣ и величію Россіи, храбрости ея войска (если гость будетъ военный), послѣ горькой ироніи надъ безсиліемъ враговъ Россіи вообще и ничтожествомъ лѣсныхъ героевъ польскихъ въ частности,—идетъ въ ходъ прадѣдовскій медъ и дѣдовскій маслачъ; kochajmy się не умолкаетъ ни на минуту, у гостя губы распухли отъ поцѣлуевъ, ребра трещатъ отъ дружескихъ объятій, голова кружится отъ древнихъ нектарей..... Стоитъ только разъ стать на крутой, скользкой покатости, чтобы понестись внизъ съ неудержимой быстротою.... Установляются знакомства, приглашенія сыплются со всѣхъ сторонъ; отказаться отъ нихъ уже невѣжливо, визиты, балы, обѣды, пикники, охота, сюрпризы слѣдуютъ непрерывной вереницею. Держись, русскій, крѣпче за умъ и сердце, иначе ты очутишься въ роли Телемака безъ Ментора!... Ну-какъ устоять противъ такихъ искушеній, какъ не повѣрить такимъ задушевностямъ!... Какъ донести на такихъ милыхъ, радушныхъ сосѣдей, погубить такихъ очаровательныхъ сосѣдокъ!... Какъ уважить просьбу какого нибудь мужика, осмѣлившагося жаловаться на обижающаго, притѣсняющаго его ясневельможнаго!... Едвали нужно и говорить о томъ, что если опытные пропагандисты имѣютъ дѣло съ человѣкомъ молодымъ,

холостымъ, военнымъ, великорусскимъ [1]),—тѣмъ надежды на успѣхъ пропаганды вѣрнѣй и несомнѣннѣе. Кто страдаетъ корыстолюбіемъ, тотъ самая легкая добыча пропаганды. Панъ отразу не посмѣетъ явиться къ новому чиновнику съ предложеніемъ матеріальныхъ услугъ, а заберетъ предварительно чрезъ фактора-еврея справки на счетъ безкорыстія чиновника и является къ нему не съ деньгами, а разными произведеніями сельскаго хозяйства, какъ бы, въ видѣ обычной вѣжливости, приносимыми на первоначальное обзаведеніе. Если чиновникъ будетъ человѣкъ семейный, шансы на успѣхъ соблазна удвояются, утроятся. Не приметъ мужъ, такъ приметъ жена, мать. Узнавъ, что мужа соблазнить подаркомъ трудновато, пропаганда является съ нимъ къ женѣ, разумѣется, во время отсутствія мужа, и такъ ловко, чрезъ хитраго повѣреннаго, или въ запискѣ, объяснитъ ничтожность, естественность подарка, что даже какъ-то неловко оскорбить вѣжливаго сосѣда грубостію отказа. И сатана подступилъ къ Евѣ, во время отсутствія Адама.... А если это приношеніе дѣлается по случаю какихъ нибудь особыхъ событій семейныхъ (наприм., имянинъ, крещенія дитяти, свадьбы и проч.), или праздниковъ христіанскихъ (наприм., Воскресенія и Рождества Христова, Новаго года), то приношеніе дѣлается еще естественнѣй и пріемъ его еще безукоризненнѣе. Едва ли нужно и говорить, къ чему ведутъ эти одолженія и къ чему обязываютъ одолженнаго. Купленный человѣкъ дѣлаетъ уже не то, что велитъ дѣлать долгъ и честь, а что укажетъ купившій.

Но, кромѣ этихъ трехъ слабостей, сбивающихъ человѣка

---

[1]) Военный юноша, по своему роду службы, изолированный больше гражданскаго чиновника, легче поддается искушенію—воспользоваться случаемъ къ развлеченію и заняться игрой въ любовь. У холостаго великоросса, встрѣчавшаго на родинѣ одно прямодушное обращеніе, скорѣе пойдетъ кругомъ голова отъ мнимой задушевности поляковъ и нѣжности полекъ,—чѣмъ голова туземца, очень ясно сознающаго ту степень сердечности, какая управляетъ этими ухаживаньями. Впрочемъ, мы этимъ нисколько не отвергаемъ пользы въ здѣшнемъ краѣ дѣятелей-великорусскихъ, и даже, хотѣли бы, чтобъ ихъ было здѣсь не „десять“, а тысячи; а только имѣли въ виду сдѣлать имъ нужное предостереженіе на счетъ ожидающихъ ихъ здѣсь, со стороны латино-польской пропаганды, искушеній и опасностей.

съ пути чести и долга, есть много страстишекъ побочныхъ, смѣшанныхъ, много особыхъ положеній въ частной и общественной жизни, изъ которыхъ умѣетъ сдѣлать нужное употребленіе польская пропаганда. Если же никакія положительныя средства не ведутъ къ цѣли, если чиновникъ остается нѣмъ и глухъ ко всѣмъ приманкамъ пропаганды, она хватается за средства отрицательныя,—окружаетъ чиновника шпіонами, искусно сбиваетъ его съ прямаго пути, заставляетъ сдѣлать ложный шагъ, приводитъ его въ разладъ съ народомъ, пишетъ фальшивые доносы, употребляетъ друзей своихъ въ метрополіи орудіемъ погибели добросовѣстнаго слуги Царя и отечества, и нерѣдко достигаетъ своей цѣли. Короче: такъ ли—или иначе, только лишь латинопольская пропаганда располагаетъ такими огромными средствами къ парализованію или искаженію мѣръ правительства, съ такою ловкостью, единодушіемъ и неутомимостью направляетъ эти средства къ осуществленію своихъ намѣреній, что настоитъ неотложная необходимость противопоставить имъ всю силу власти и права, всѣ средства войны оборонительной, чтобъ отнять у этихъ враговъ домашнихъ—однажды навсегда—возможность повести съ нами еще разъ войну наступательную. Польская партія такъ много, такъ дерзко расчитываетъ на свою ловкость и силу въ дѣлѣ пропаганды, что осмѣливается не только думать, но даже говорить: «хоть бы вы прислали къ намъ изъ самой Москвы, самаго *заядлаго* (zajadłego—злаго, упорнаго [1]). патріота русскаго, мы въ три мѣсяца сдѣлаемъ его другомъ Польши и сотрудникомъ въ исполненіи нашихъ намѣреній.» Грѣшно намъ будетъ и стыдно, если мы не докажемъ на дѣлѣ, что это ложъ!

Чтожъ намъ дѣлать, что бы намъ не было грѣшно и стыдно, въ комъ и въ чемъ искать помощи и силы не только для войны оборонительной съ окружающей насъ пропагандой, но и наступательной? (Говоримъ наступательной, потому, что безъ послѣдней, мы вѣчно будемъ вести первую, пока такъ или иначе, раньше-позже, не будемъ побѣждены). Разныхъ средствъ для одолѣнія польской силы въ здѣшнемъ краѣ было предложено разными органами нашей прессы весьма много; но всѣ онѣ—или полумѣры, или намеки, быть можетъ, случайно по-

[1]) Польскому слову zajadły нѣтъ равносильнаго въ русскомъ лексиконѣ термина.

павшіе на истину, но не съумѣвшіе поставить ее какъ нужно, указывавшіе на положенія безъ основаній и выводовъ. Что бы найдти средства къ тому самыя надежныя и радикальныя, мы должны рѣшить какъ можно послѣдовательнѣй и основательнѣе вопросъ: въ чемъ заключается сила польская въ этомъ краѣ? Безъ узнанія этого секрета, мы можемъ, пожалуй, вѣчно разыгрывать роль филистимлянъ въ борьбѣ съ Самсономъ.

Пропаганда польская, какъ мы видѣли, наноситъ намъ раны довольно глубокія и частыя, но все-таки она есть оружіе, пріемъ битвы, а не рука, не самая сила, есть явленіе, а не причина явленія, есть фактъ, опирающійся на прочныхъ основаніяхъ. Не имѣй пропаганда подъ собою незыблемой почвы, крѣпкихъ точекъ опоры, она была бы похожа на оружіе, висящее на стѣнѣ, лежащее въ оружейномъ магазинѣ. Гдѣжъ эта почва, эта точка опоры? Ее нужно искать на почвѣ исторической. Югозападный край Россіи былъ чисто-русскимъ, православнымъ, не только подъ управленіемъ князей изъ дома Рюрикова, но и подъ владычествомъ князей литовскихъ. Но когда онъ вступилъ въ федеративный союзъ съ Королевствомъ Польскимъ, или республикой (незнаемъ какъ и звать его или ее), этотъ союзъ весьма скоро обратился въ тиранію латино-польскаго, пришлаго элемента надъ кореннымъ православно-русскимъ. Путемъ насилій политическихъ и измѣнъ религіозныхъ *землями русскими, вопреки яснымъ условіямъ свободнаго договора, овладѣли поляки, либо ренегаты-православія*; право юридическое обратилось въ самоправство шляхетское, власть административная очутилась въ рукахъ однихъ поляковъ. Земли туземцевъ, бѣжавшихъ куда глаза глядятъ отъ гнета русской вѣры и народности *добрыми* союзниками, равно какъ и земли вольнаго козачества и всѣхъ, кто послабѣй и беззащитнѣе, были отчуждаемы отъ законныхъ собственниковъ и, разными декретами королевскими, или прямо насиліемъ [1]), усвояемы разнымъ вліятельнымъ панамъ. Такимъ образомъ цѣлыя

[1]) Бывало и такъ, что мелкій землевладѣлецъ отлучится на нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ изъ своего имѣнія и не находитъ его тамъ, гдѣ оно было. Примѣты географическія не существуютъ: на мѣстѣ пруда—холмъ, лѣса—поле, села—лѣсъ и проч. Это, видите, facecya, (продѣлка, шутка) крупнаго пана, желавшаго изба-

староства, огромныя полосы русской земли, на сотни верстъ, отъ рѣки до рѣки, отъ города до города. обратились въ почву, на которой, въ теченіи вѣковъ, лился потъ и кровь русскаго человѣка, превращеннаго въ польскаго хлопа тѣми людьми, которые проповѣдывали równość, niepodległość, вступили въ союзъ съ русскими, «какъ равный съ равнымъ» и *международнымъ актомъ обязались не пріобрѣтать земель русскихъ, ни куплей, ни мѣной, ни дарственной записью, ни женитьбой, ни завѣщаніемъ.»* Наши предки, должно быть, весьма хорошо знали натуру своихъ союзниковъ, еще лучше знали цѣнность земли, ея значеніе въ гражданственномъ отношеніи, когда хотѣли оградить ея неприкосновенность такими крѣпкими, ясными и подробными условіями федераціи. Но что значитъ законъ и право предъ жадностью и самоправствомъ людей, у которыхъ самъ король немного различался отъ невольника въ золотыхъ цѣпяхъ!... Короче: *земли русскія обратились въ земли польскія совершенно беззаконно,—путемъ самоволія, измѣны и насилія.*

О нравственномъ насиліи, тяготѣвшемъ надъ русскимъ православнымъ людомъ въ эпоху подчиненія его Рѣчи-посполитой, и говорить нечего. *Союзники* такъ расхозяйничались въ землѣ чужой, что на долю ея хозяевъ осталось одно терпѣніе, безнадежные стоны и вопли и нѣмое исполненіе воли властей польскихъ, или мученичество. Это зло такъ вѣлось въ организмъ здѣшняго края, что даже теперь, при накопленіи такихъ и столькихъ вразумляющихъ фактовъ, намъ какъ будто представляется оно зломъ естественнымъ, неизбѣжнымъ, или даже вовсе имъ непредставляется.

Но всегда ли такъ должно быть? Избави Богъ! Мы не хуже предковъ понимаемъ цѣнность земли, лучше ихъ видимъ и предвидимъ тѣ права, которыя она дастъ и можетъ дать своимъ обладателямъ. Мы лучше ихъ знаемъ, что земля есть грунтъ, фундаментъ націи, мать ея довольства, кормилица ея

виться отъ ничтожнаго или непріятнаго сосѣда. Если пану захочется сдѣлать этотъ метаморфозъ зимою, то сугробы снѣга еще болѣе пособятъ шутливому либо жадному пану къ видоизмѣненію мѣстности. Мелкій землевладѣлецъ жалуется, но ему ли выиграть тяжбу съ ясневельможнымъ на судѣ польскомъ! Это факты.

дѣтей, уголокъ земнаго шара, отведенный для ея обитателей, надѣленный въ ея собственность Самимъ Творцемъ вселенной. Если случился временный захватъ этихъ земель враждебной силою, то это еще не даетъ права—ни естественнаго, ни историческаго на вѣчное владѣніе ими,—онѣ все таки не перестаютъ быть достояніемъ націи. Найдете ли вы цѣлыя области *французскія*, *италіянскія*, *прусскія* [1]) и проч., въ которыхъ земли были бы не французскія, не италіянскія, не прусскія и проч.? У насъ только явился этотъ странный status in statu; эти *чужія* земли на землѣ *русской*. Мы терпѣли досселѣ эту нелогичность по своему великодушію, своей нестяжательности, по уваженію къ земской, хотя бы то незакрѣпленной никакимъ актомъ, никакимъ правомъ, давности. У насъ достало бы великодушія и безкорыстія—терпѣть эту аномалію и далѣе, если бы люди, которымъ дѣлалось это благодѣяніе, умѣли цѣнить его какъ слѣдуетъ, не сдѣлали задачею своей жизни желанія вредить намъ, еслибъ у насъ было какое нибудь осно аніе для надежды на дружбу, или хоть на прекращеніе вражды нашихъ коварныхъ и злыхъ сосѣдей. Но 1812, 30, 48, и 63 годы, но отвергнутые опыты нашего незлобія и великодушія—должны бы, кажется, окончательно убѣдить насъ въ призрачности этой надежды, въ нелогичности дальнѣйшаго великодушія. Мы уже не смѣемъ вѣрить искренности разныхъ адресовъ, присягъ. Мы знаемъ изъ исторіи Польши, сколько разъ отецъ святой разрѣшалъ поляковъ отъ разныхъ клятвъ. Мы видимъ, что эти краснорѣчивые адресы, эти страшныя клятвы—не болѣе сильныхъ звуковъ, которые издаетъ инструментъ, когда къ нему сдѣлаетъ прикосновеніе могучая рука искуснаго артиста,—не болѣе исполненія одной изъ заповѣдей польскаго катихизиса, небрезгающаго даже измѣною католицизму, когда она оказывается полезною для польско-католической про-

---

[1]) Мы здѣсь различаемъ земли, искони принадлежащія націи отъ территорій, приросшихъ къ извѣстнымъ націямъ, вслѣдствіе событій историческихъ,—каковы, напр. Венгрія въ Австріи, Алжиръ въ Франціи, Финляндія и Польша въ Россіи и проч. Такія территоріи не имѣютъ ничего общаго съ землями западныхъ и югозападныхъ губерній Россіи,—съ землями, чисто, искони—русскими.

паганды. Мы получили достаточное количество уроковъ прошедшаго, чтобы насъ безнаказанно можно было обманывать въ будущемъ, чтобы мы могли сдѣлать надлежащіе выводы и заключенія изъ посылокъ историческихъ. Мы—выразимся яснѣе—убѣждены всѣмъ, что есть для насъ святаго, въ той аксіомѣ, что, пока *земли русскія будутъ въ рукахъ поляковъ, пока исповѣдники польскаго катихизиса будутъ вліять на нашу администрацію, мы будемъ подвергаться періодическимъ опасностямъ возстанія съ одной и обузданія его съ другой стороны,*—мы не будемъ имѣть возможности развить окончательно проэктируемыя, прогрессивныя, политико-экономическія учрежденія; онѣ только дадутъ средства врагамъ нашимъ окрѣпнуть отъ недавнихъ пораженій и стѣсненій и собраться съ силами для новой борьбы съ нами, выждавъ для этого благопріятнѣйшія настоящихъ комбинаціи политическія. Мы убѣждены всѣмъ прошедшимъ и настоящимъ, что пока земли наши будутъ въ чужихъ рукахъ, наши права на владѣніе западнымъ краемъ Россіи будутъ только крѣпки de jure, non de facto, онѣ не будутъ имѣть подъ собою почвы, будутъ висѣть на воздухѣ; мы будемъ только титулярными или формальными обладателями края; на сторонѣ пришлецовъ либо ренегатовъ будетъ сила естественная—моральная и матеріальная; наша территорія будетъ усѣяна непріятельскими укрѣпленіями, изъ которыхъ, при всякой нашей оплошности, или развлеченіи, будутъ дѣлаемы различныя вылазки, мы будемъ опутаны сѣтями пропаганды, въ нитяхъ которой, проведенныхъ отъ одного гнѣзда польскаго до другого, мы будемъ биться словно мухи въ нитяхъ паутинныхъ.

Изъ этихъ посылокъ и наблюденій, путемъ неизбѣжной последовательности, выводится слѣдующее заключеніе: мы должны желать, чтобы поляки, живущіе на нашей территоріи, или слились съ нами душой и тѣломъ (а не адресами только и присягами) въ одинъ народъ, или навсегда избавили насъ, для обоюднаго спокойствія, отъ своего сосѣдства, а земли свои, для очищенія исторической совѣсти, добровольно уступили (путемъ чиншевыхъ продажъ) кореннымъ, древнимъ ихъ владѣльцамъ. Такъ только можно предотвратить поводы къ новымъ столкновеніямъ съ нами поляковъ и удовлетворить логической послѣдовательности и праву юридическому и историко-національному. Едвали

нужно и говорить о томъ, что поляки, въ теченіи полвѣка четыре раза покушавшіеся на погибель нашу, дали намъ право— прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ и что нѣтъ на земномъ шарѣ націи, которая, въ подобныхъ нашимъ обстоятельствамъ, не воспользовалась бы этими правами [1]).

Рядомъ съ этой необходимостью стоитъ другая, не менѣе неотложная,—это *поголовное удаленіе отъ юрисдикціи и администраціи всѣхъ исповѣдниковъ польскаго катихизиса*, аттестація которыхъ аппробована, миссія раскрыта, на усердіе которыхъ къ интерессамъ русской вѣры и народности мы никакъ положиться не можемъ. Мы не думаемъ этою мѣрой обидѣть невинныхъ. Мы не одарены всевѣденіемъ, чтобъ узнать мысли и намѣренія всѣхъ польскихъ патріотовъ, различить враговъ отъ друзей, но намъ кажется, что наши враги— всѣ, у кого только есть католическая душа (повторяемъ невольно) въ польскомъ тѣлѣ, что въ ихъ ненависти къ намъ есть только различныя степени, различные пріемы для выраженія симпатіи къ польскому дѣлу, болѣе или менѣе удачная маскировка предъ нами подлинныхъ ощущеній,—что, *въ случаѣ удаленія отъ администраціи поляковъ-католиковъ, вполнѣ—напрасно—обиженныхъ не будетъ*. Мы не боимся возраженій: гдѣ взять чиновниковъ? Если только будетъ сдѣлано открытое приглашеніе на службу русскихъ православныхъ, ихъ явятся тысячи. Значительнымъ подспорьемъ при организаціи новыхъ общественныхъ дѣятелей могутъ послужить люди, получившіе среднее, особенно высшее образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, на патріотизмъ, консерватизмъ, симпатіи и правила которыхъ мы вполнѣ можемъ положиться. По своему развитію умственному, по своимъ правиламъ и трудолюбію, они обѣщаютъ самыхъ разумныхъ, усердныхъ и благонамѣренныхъ дѣятелей. Они скоро свыкнутся со всякой спеціальностью, скоро побѣдятъ трудности новой для нихъ дѣя-

[1]) Если мы вслѣдствіе новыхъ условій нашей гражданственности, незапрещаемъ владѣть участками земли русской иновѣрцамъ, даже евреямъ, то, конечно, неиначе, какъ подъ условіемъ вѣрноподданничества русскому Монарху. Да—иновѣрцы другихъ расъ и не думаютъ заниматься у насъ, подобно полякамъ-католикамъ, пропагандой-ни политической, ни религіозной. Впрочемъ народъ начинаетъ кое-гдѣ роптать на то, что евреи взяли въ аренды большія полосы земли и начинаютъ по немногу тѣснить крестьянъ.

тельности. Мы торжественно называемъ намеки подольскаго корреспондента Дня на «чиновниковъ семинаристовъ и малороссовъ» ни на чемъ неоснованными предразсудками и извиняемъ его потому только, что онъ, кажется, недавній гость здѣшняго края, небольшой знатокъ и любитель «семинаристовъ.» Мы не вполнѣ сочувствуемъ и тѣмъ эмиграціямъ чиновниковъ изъ сѣверо-восточной Россіи въ юго-западную, на счетъ которой такъ много у насъ заявлено толковъ и желаній. Мы думаемъ, что для успѣшной борьбы съ туземною пропагандой мало того, чтобъ быть русскимъ, понимать формалистику дѣлопроизводства,—тутъ нужны больше всего прочаго опытность, знаніе края, изученіе стратегическихъ пріемовъ нашего непріятеля, быта народнаго, знаніе психологіи шляхетской; а истинно-русскій-православный [1]), вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, вездѣ одинаково-русскій-православный, какой бы ни принадлежалъ онъ части Россіи. Если и попадаются здѣсь такіе чиновники—хамелеоны, какихъ намѣтимъ и надъ какими истощалъ свое остроуміе подольскій корреспондентъ Дня; если и виднѣется «истома и вялость въ ихъ физіономіяхъ, разговорѣ, дѣлахъ, если они говорятъ и думаютъ по польски» и проч. и проч.; то это отъ того, что ихъ мало, что имъ (по большей части) нѣтъ ходу, что огромное большинство польской интеллигенціи и силы, ловкость и неусыпность пропаганды, одолѣли ихъ, заставляютъ ихъ скучать, или асимилироваться. Среда, въ которой мы живемъ, не можетъ неотразиться на нашей жизни. Конечно подобныя явленія были бы немыслимы, еслибы вовсе небыло служителей польскому дѣлу на землѣ руссокй.—И какъ скромны пріемы корреспондента Дня къ обрусѣнію здѣшняго края! Какъ лестны и категоричны приговоры его здѣшнимъ дѣятелямъ—всѣмъ безъ исключенія! «Ради Христа, пусть прідетъ (отъ чегожъ не прідетъ?) сюда изъ В(в)еликой Россіи хотя десятка два хорошихъ (?) людей. Здѣшніе дѣятели (всѣ безъ исключенія, конечно) никуда негодятся,» вопіетъ корреспондентъ. Покорно благодаримъ за репутацію, а все таки не можемъ не улыбнуться, воображая себѣ 20 пильгримовъ, «идущихъ» изъ Великороссіи съ несомнѣнною надеждою обрусить

[1]) Лишь бы онъ не принадлежалъ къ небольшой партіи хохломановъ. Впрочемъ милости просимъ и дѣятелей русскихъ!... Дѣла много а дѣлателей мало!...

весь здѣшній край. Но корреспондентъ Дня такъ испугался количества и силы двадцати велико-русскихъ миссіонеровъ, что, чрезъ нѣсколько строкъ, сокращаетъ число ихъ на половину и думаетъ, что довольно 10 русскихъ, чтобы переверпуть здѣсь—что называется—все вверхъ дномъ, чтобъ одолѣть—ни болѣе, ни менѣе—какъ всю силу латинопольской пропаганды, совершенно обрусить край югозападный. Vana ira, sine viribus, отвѣтимъ мы латинскимъ афоризмомъ на забавное требованіе корреспондента Дня! Ваши десять такъ здѣсь затеряются, какъ десять сельдовъ въ Черномъ морѣ. Ваши десять въ десять дней сдѣлаетъ полуполяками туземная пропаганда, если только найдетъ ихъ опасными себѣ соперниками и удостоитъ ихъ своего прикосновенія; ваши десять въ 10 лѣтъ не пріучатся владѣть тѣмъ оружіемъ, которымъ будетъ поражать ихъ латинопольская пропаганда. Пока у этой пропаганды не будетъ отнята сила матеріальная и нравственная, тысячи бойцевъ—самыхъ сильныхъ и энергичныхъ падутъ въ неравномъ бою. Если десятки польскихъ эмигрантовъ, на чужой почвѣ, безъ вѣрныхъ средствъ къ скитальнической жизни, безъ связи и протекцій, съумѣли вооружить противъ насъ чуть не всю Европу; то что сдѣлаютъ десятки-сотни вашихъ, неопытныхъ миссіонеровъ, съ милльонами враговъ дѣльныхъ, хитрыхъ, непримиримыхъ, неугомонныхъ, единодушныхъ, закаленыхъ въ борьбѣ нравственной и физической, небрезгающихъ никакими средствами къ нанесенію намъ вреда, скорьби, тревогъ и обезсиленія,—пока эти враги стоятъ твердою ногою на почвѣ своей, принимаютъ болѣе чѣмъ половинное участіе въ управѣ руской! Да, одно средство къ защитѣ здѣшняго края отъ вѣчныхъ повтореній современныхъ событій: *превращеніе земель польскихъ въ земли русскія и удаленіе отъ администраціи двигателей латинопольской пропаганды*. Пока эта мѣра неосуществится, что бы вы ни дѣлали, какъ бы ни ласкали, какъ бы ни давили здѣсь польскій элементъ, онъ *никогда-никогда* подавленъ быть не можетъ; ласка только его усилитъ, возбудитъ надежды, дерзость,—гнетъ заставитъ притихнуть на время, спрятаться въ себя,—а край все таки будетъ оставаться не русскимъ. На какомъ основаніи назовемъ мы русскою землею ту страну, гдѣ земли—польскія, управа, интеллигенція—тоже почти польскія?...

Кіевлянинъ.

IV.

ЗАМѢТКА,

ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ АТЛАСА НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ЗАПАДНО-РУССКАГО КРАЯ ПО ВѢРОИСПОВѢДАНІЯМЪ.

Въ замѣткѣ »Московскихъ Вѣдомостей« по поводу изданія этого атласа, между прочимъ, сказано: »изъ всѣхъ мѣръ и патріотическихъ дѣйствій, вызываемыхъ положеніемъ вещей въ нашемъ западномъ краѣ, наименѣе можетъ подлежать какому либо недоразумѣнію то, что клонится къ поддержанію православныхъ храмовъ и православнаго духовенства. Дѣло здѣсь такъ само по себѣ ясно и такъ настоятельно, что всякое адвокатство въ его пользу моглобы только ослабить его. Неукоснительныя пособія требуются здѣсь во имя православной церкви, во имя русской народности, во имя русскаго государства, наконецъ во имя столькихъ милліоновъ бѣднаго, темнаго, загнаннаго люда, оставшагося между костеломъ и церковію. Религіозная мысль и политическая мудрость, нравственное чувство и чувство народное, говорятъ здѣсь за одно и соединяютъ въ этомъ направленіи всѣ общественные интересы«.

Все это, конечно, справедливо, какъ нельзя болѣе. Справедливо и то, что всякое адвокатство въ пользу дѣла, о которомъ здѣсь рѣчь, было-бы теперь излишнимъ. Но не въ виду адвокатства, а съ другою цѣлію, скажемъ еще два—три слова о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находились православные храмы въ западномъ краѣ до послѣднихъ годовъ.

Бѣдность эта идетъ отъ временъ уніи; съ возсоединеніемъ послѣдней, храмы въ западномъ краѣ стали принимать лучшій видъ, хотя такое улучшеніе шло медленно до послѣднихъ годовъ. Отъ чего же такъ? Оттого, прежде всего, что костелы

и ксендзы, забывъ провозглашенное нѣкогда братство съ уніятскими храмами и священниками, отняли у послѣднихъ прихожанъ изъ высшихъ классовъ, предоставивъ имъ однихъ крестьянъ, столько извѣстныхъ въ западномъ краѣ поразительною и всеобщею бѣдностію, съ самыхъ давнихъ поръ Отнимали также ксендзы у названныхъ братьевъ унитовъ десятины, *аннуаты*, земли, угодья, даже иногда чудотворныя иконы, чудотворныя мѣста, что одинаково убожило и священниковъ унитскихъ, и ихъ храмы. Но эта причина бѣдности храмовъ неисключительна. Вѣдь стали же они поправляться *хоть нѣсколько* съ возсоединеніемъ унитовъ къ православію, между тѣмъ они продолжали имѣть прихожанами тѣхъ же бѣдныхъ крестьянъ, оставаться (пока) съ тѣми же землями, угодьями и т. п. Не сами ли унитскіе священники были виновниками обѣднѣнія своихъ храмовъ, наслѣдованнаго послѣдними и по переходѣ ихъ въ православіе? Кажется, должно согласиться съ этимъ, не имѣя, впрочемъ, надобности дѣлать особеннаго укора за это бывшему унитскому духовенству.

Извѣстно, что, по обычаямъ, господствовавшимъ въ послѣднее время уніи, *почти всѣ вещныя приношенія (офферты) на храмъ поступали большею частію въ собственность пароха или приходскаго священника*. Приношенія эти составляли, напр., полотно, ленъ масло и проч. Въ собственность же пароховъ поступала большею частію и плата за разные предметы церковные, употребляемые при требахъ, какъ-то: хоругви, значки, сукно, также позвонное и проч. На церковь шли только: плата за свѣчи при похоронахъ и кружечный сборъ, также куски воска, лампы съ налитымъ свѣчнымъ саломъ, масломъ, привѣски къ образамъ или же предметы, прямо и нарочито жертвуемые на хоругвь, ризу и проч. Статья доходовъ, оставленныхъ за храмами, была такимъ образомъ несравненно менѣе части, взятой парохами на себя, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ съ требъ, т. е. съ платы за нихъ. Этого мало: рѣдко какой парохъ не считалъ своимъ правомъ при случаѣ воспользоваться еще прямѣе собственностію храма; напр. брать въ домъ церковныя свѣчи и жечь у себя какъ столовыя. Были, говорятъ, очень нерѣдкіе факты и сбыта парохами сколько нибудь цѣнныхъ вещей церковныхъ въ свою пользу, обмѣна, заклада, продажи церковныхъ земель, угодій, съ уничтоженіемъ

описей, документовъ. Такимъ же образомъ вклады, аннуаты, назначаемые не только въ пользу причта, но и въ пособіе храмамъ, очень часто обращаемы были первымъ исключительно въ свою пользу. Понятно, что слѣдствіемъ всего этого было обнищеніе храмовъ. Но какъ могли допустить это парохи? Какъ позволили они себѣ, такъ сказать, обирать свои храмы? По нашему мнѣнію это *главнымъ образомъ* можетъ быть объяснено тѣмъ смутнымъ сознаніемъ, предчувствіемъ унитскихъ священниковъ, что для уніи и унитскихъ храмовъ нѣтъ будущности, что рано или поздно они должны были прекратить свое существованіе въ качествѣ храмовъ унитскихъ и превратиться въ костелы или православные храмы. А при такомъ представленіи о своихъ храмахъ могло ли у священниковъ унитскихъ стать охоты на то, чтобы заботиться о своихъ храмахъ? Не слишкомъ ли силенъ былъ тутъ соблазнъ къ тому, чтобы хоть себѣ обезпечить кое-что насчетъ храма тѣмъ болѣе, что съ неувѣренностію въ будущности храма соединялась неувѣренность въ собственной будущности, въ своемъ положеніи? Одни базильянскіе храмы, какъ монастырскіе, такъ каѳедральные и приходскіе, отличались еще относительнымъ богатствомъ и благолѣпіемъ: это объясняется тѣмъ сильнымъ значеніемъ, какое въ уніи усвоилъ было себѣ этотъ орденъ, который притомъ всегда жилъ съ надеждами на лучшую будущность, и эта лучшая будущность состояла для него именно въ приближеніи уніи къ латинству, въ слитіи съ нимъ. Что же унитскія братства? Почему они допускали свои храмы нищать, позволяли парохамъ разубоживать ихъ? Братства эти также, какъ и парохи, теряли увѣренность въ будущности своихъ унитскихъ храмовъ и самой уніи. Потому усердіе къ послѣднимъ неизбѣжно должно было ослабѣвать въ братчикахъ. А болѣе ловкіе и вліятельные изъ нихъ, пожалуй, не прочъ были, подобно парохамъ, живиться насчетъ храма, т. е. средствъ, собираемыхъ братчиками на храмъ. У насъ подъ руками акты одного унитскаго братства второй половины прошедшаго и начала текущаго столѣтія, представляющіе исторію этого братства въ такомъ положеніи: избранный старшій братчикъ, во время отправленія своей должности, успѣваетъ опорожнить скринку братскую, призывается потомъ къ отчету, не даетъ его, низвергается и замѣняется другимъ выборнымъ, который повторяетъ туже исто-

рію и т. далѣе. И такъ было отъ чего обѣднѣть унитскимъ храмамъ, и съ этою-то бѣдностію наслѣдовало ихъ православіе по возсоединеніи уніи въ 1839 году.

Конечно, причины обѣднѣнія этихъ храмовъ не могли вдругъ исчезнуть и теперь, не могли поэтому вдругъ поправиться отъ прежней бѣдности храмы въ западномъ краѣ и послѣ 1839 г. Надобно признаться даже, что было не мало храмовъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, очутились, на первыхъ порахъ послѣ возсоединенія, еще въ большей бѣдности, чѣмъ прежде. Даже за какіе нибудь пятнадцать и нѣсколько болѣе лѣтъ предъ симъ, намъ случалось видѣть въ западномъ краѣ сельскіе храмы, о которыхъ свѣжее и достовѣрное преданіе говорило, что въ прежнее время въ уніи они были богаче, имѣли лучшій видъ. Видѣли мы еще въ ту пору храмы, скринка которыхъ заключала около десяти злотыхъ всей суммы, и въ тоже время была въ нихъ одна ветхая священническая риза, передѣланная изъ двухъ, трехъ унитскихъ *орнатовъ*, а иконы поражали своею запущенностію,—въ которыхъ наконецъ все носило печать подобной нищеты, а въ воскресные и праздничные дни невсегда можно было увидѣть въ храмѣ 10—15 человѣкъ. Еще слово объ иконахъ и вообще живописи. Въ унитскихъ храмахъ, по образцу костеловъ, статуйныя иконы стали было вытѣснять живописныя. Когда, съ наступленіемъ православія, нужно было дѣлать иконостасы, возсоединенные священники поставлены были въ крайнее затрудненіе: негдѣ было найти живописцевъ. Жиды, умѣющіе ловить каждый случай для заработка, являлись иногда съ услугами и тутъ—и тамъ извѣстенъ былъ случай, что иконостасъ расписывалъ жидъ. Съ другой стороны, живопись, остававшаяся въ православныхъ храмахъ отъ временъ уніи, отличалась иногда необычайною странностію. Случалось, что фантазія пароха, въ видахъ назиданія, выставляла на показъ въ храмовыхъ иконахъ или лучше картинахъ самыя грязныя сцены изъ жизни простонародья, изъ погулянокъ въ корчмахъ. Случалось, что и какой либо причудливый панъ, фундаторъ унитской церкви, вносилъ свои вкусы въ росписку ея, гдѣ поэтому можно было видѣть такія вещи, какъ драку пѣтуховъ, аиста, схватывающаго лягушку или рыбу, и чуть не сцены изъ охоты, это, вѣроятно, для того,

чтобы пану имѣть нѣкоторое развлеченіе въ церкви, когда онъ заблагоразсудитъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ.

Но если не вдругъ, не разомъ, то современемъ возстановленіе православія должно было принесть съ собою и улучшеніе храмовъ, наслѣдованныхъ имъ отъ уніи. Улучшеніе это должно было совершиться прямо и естественно, въ силу новыхъ порядковъ, наставшихъ съ православіемъ. Нѣкоторыя изъ доходныхъ статей, забираемыя прежде парохами, должны были теперь идти на храмы, какъ—то: плата за звоны, хоругви, сукно на гробъ, также большая часть оффертъ. Нужно было регулярно записывать церковные доходы во вновь заведенныя, приходо-расходныя книги, при участіи, какъ бы подъ контролемъ, новозаведенныхъ церковныхъ старостъ. Нѣсколько тяжело было возсоединеннымъ священникамъ разставаться съ стариною, старыми доходами, также какъ и дѣлиться оставшимися за ними доходами съ новыми членами причта. Неудивительно, что не всегда и не вездѣ разставались они съ стариною. Введеніе жалованья давало болѣе возможности, налагало болѣе обязанности, устраняться отъ части старыхъ доходовъ, отчисляемыхъ, по новому порядку, на храмъ. Но въ тоже время должно сказать, что вліяніе жалованья, равно какъ и другихъ обезпеченій (постройкой домовъ, обработкой земли), на благосостояніе священниковъ ослаблялось рядомъ такихъ обстоятельствъ, какъ медленное выполненіе послѣднихъ двухъ мѣръ, объявленное запрещеніе брать плату за извѣстныя требы, таинства, раздѣлъ уменьшенныхъ этого рода доходовъ съ причтомъ, отрѣзка въ пользу его части церк. земли и т. п.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, то несомнѣнно, что въ силу новыхъ порядковъ кошельковая сумма возсоединенныхъ храмовъ начала сама собою восходить отъ злотыхъ къ рублямъ. Удерживавшіе еще свое названіе старобратчики нерѣдко почти съ удивленіемъ замѣчали, что въ скринкѣ или коробкѣ церковной находится уже до 15 или 20 рублей, т. е. до 100 и болѣе злотыхъ, вмѣсто прежнихъ 20—30 злотыхъ. Это могло отчасти мирить ихъ и съ новымъ учрежденіемъ церковныхъ старостъ, казавшимся имъ на первыхъ порахъ обиднымъ, стѣснявшимъ ихъ братское значеніе. Увеличеніе кошельковой суммы стало еще замѣтнѣе съ развитіемъ въ возсоединенныхъ храмахъ свѣчнаго дохода. Священники старались пріучить прихо-

жанъ покупать маленькія свѣчечки и ставить предъ иконами, при чемъ помогали имъ кое гдѣ захожіе рабочіе изъ Великороссіи, дававшіе собою примѣръ этого обычая, также русскіе солдатики, во время стоянокъ своихъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ они уже не чуждались ходить въ мѣстные храмы, какъ уже православные, съ богослуженіемъ по чину прав. церкви. Свѣчной доходъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не всегда показывался весь; кое что отчислялось и къ кошельковой суммѣ, хотя это возможно было для не очень многихъ храмовъ, тогда какъ въ другихъ почти не бывало и свѣчнаго дохода. Наконецъ, послѣ объявленнаго запрещенія священникамъ брать плату за совершеніе требъ и таинствъ, введено было во многихъ церквахъ плата при этихъ случаяхъ въ пользу церкви. Бралась плата напр. за крестики, которые введено было давать по крещеніи, за маленькія свѣчи при крещеніи, погребеніи, за вѣнцы, при вѣнчаніи и т. под. Хотя всѣ эти платы доставляли лишь копѣечный доходъ, но въ сложности и онѣ увеличивали сумму церк. кошелька, не возбуждая при томъ ропота прихожанъ, потому что отдавалось на ихъ волю напр. взять или невзять крестикъ, свѣчу. Теперь, само собою понятно, что увеличеніе церк. кошелька, увеличеніе средствъ храма, должно было сопровождаться лучшимъ благолѣпіемъ его, что также производило пріятное впечатлѣніе на возсоединенныхъ прихожанъ, и еще болѣе располагало ихъ въ пользу православія и новыхъ порядковъ, пришедшихъ съ нимъ.

Между тѣмъ съ первыхъ же годовъ по возсоединеніи уніи стали появляться пожертвованія возсоединеннымъ храмамъ книгами, ризами, церк. утварью. Пожертвованія шли отъ правительства, также отъ церквей и частныхъ лицъ изъ Великороссіи. Они тоже производили благопріятное впечатлѣніе на священниковъ и прихожанъ, внушая высокое понятіе о благолѣпіи православныхъ русскихъ храмовъ, и потому то не разъ случалось, что пожертвованные чаша, евангеліе, икона, по своему благолѣпію и цѣнности, составляли пріобрѣтеніе, немыслимое и для богатѣйшей изъ возсоединенныхъ церквей. Въ доказательство такого вліянія пожертвованій, припомнимъ одинъ случай изъ начала 50-тыхъ годовъ. Въ Несвижѣ, заштатномъ городѣ минской губерніи, была въ ту пору убогая церковь, единственная въ этомъ городѣ, богатомъ громадными католи-

ческими монастырями. Устроена была эта церковь изъ какого то частнаго, деревяннаго, небольшаго и старенькаго дома, въ довольно глухомъ и закрытомъ мѣстѣ. Въ эту-то церковь пожертвована была офицерами какого-то гвардейскаго полка, проходившаго чрезъ городъ, икона архангела Михаила превосходной живописи, въ дорогомъ окладѣ. Молодой и ревностный священникъ этой церкви И. Я. М. говорилъ тогда намъ, что икона эта, сіяющая какъ перлъ въ его церкви, каждый разъ облегчаетъ горечь его, порождаемую убожествомъ общаго вида этой церкви, что самимъ прихожанамъ его она какъ будто внушаетъ большее уваженіе къ своей церкви, слишкомъ заслоняемой великолѣпными костелами, соблазняющими нѣкоторыхъ изъ нихъ, что наконецъ подобныя жертвы русскихъ людей служатъ залогомъ лучшаго будущаго для православія и православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ.

И это лучшее будущее, благодареніе Богу, становится уже настоящимъ. Въ послѣдніе годы православные храмы въ западномъ краѣ быстро стали поправляться, обновляться, строиться вновь, и въ лучшемъ видѣ. Главнѣйшимъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ явилось само правительство. По отношеніи къ зап. краю это было естественно. Конечно и мѣстное епархіальное начальство, насколько это извѣстно, при всякой возможности, не упускало заботиться о поддержаніи, улучшеніи прав. храмовъ, дѣйствуя въ особенности на приходское духовенство, которому довелось то тамъ, то здѣсь достигать этой цѣли, при помощи тѣхъ общихъ средствъ, на какія указано выше, также особенныхъ, нарочныхъ пожертвованій прихожанъ и своихъ собственныхъ. Были примѣры (надо отдать справедливость всѣмъ) участія въ дѣлѣ обновленія или построенія храма и помѣщиковъ—католиковъ, участія, вызваннаго личными сношеніями съ ними, вліяніями на нихъ лицъ нашей церковной или гражданской администраціи. Можетъ быть эти сношенія и вліянія иногда не чужды были и нѣкоторой принудительности: по крайней мѣрѣ на это разжаловался было когда-то одинъ изъ пановъ—строителей прав. церкви [1]). Но не надо забывать, что это было въ пору господства крѣпостнаго права, когда паны обращали въ свою собственность всѣ рабочіе дни, часто и праздничные, сво-

---

[1]) Графъ Маріанъ Чапскій, въ газетѣ „День".

ихъ *подданныхъ* (poddanych), часто и самые пожитки ихъ, и так. обр., на счетъ кровавыхъ трудовъ православнаго народа, богатѣли сами, богатили своихъ ксендзовъ и свои костелы. Не было ли въ ту пору справедливостію *обязать* помѣщика-католика, даже противъ воли его, дать что нибудь и на духовныя нужды этого народа, на его храмы? Съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній, помѣщики-католики не обязываются, конечно, къ пожертвованіямъ на православные храмы, хотя подобное распоряженіе не стояло бы въ противурѣчіи съ обычаями, господствующими въ самыхъ либеральныхъ странахъ (церковный налогъ въ Англіи). А если бы такія пожертвованія дѣлались добровольно, то они принимались бы тамъ съ большею благодарностію, потому что въ весьма многихъ случаяхъ они были бы со стороны католическихъ помѣщиковъ лишь отвѣтомъ на голосъ предковъ ихъ, о которомъ они легко могли бы узнать изъ хранящихся въ прав. храмахъ, архивахъ записей о фундушахъ, вкладахъ, надписяхъ на книгахъ, пожертвованныхъ нѣкогда предками ихъ въ эти же православные храмы [1]). Но, повторимъ, попечительное правительство наше, не налегая на пановъ-католиковъ, приняло на себя дѣло поддержанія православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ. Дѣйствіе его открылось особенно съ 1859 г. Вотъ что говорится объ этомъ въ той же замѣткѣ Московскихъ Вѣдомостей: « Сначала было отпущено отъ государственнаго казначейства пятьсотъ тысячъ на этотъ предметъ; но когда правительство ознакомилось ближе съ состояніемъ церквей въ западномъ краѣ, когда раскрылись всѣ ихъ нужды, сумма эта оказалась крайне недостаточною, и отпущенъ былъ еще милліонъ. Къ этому присоединились щедрыя

---

[1]) Польско-католическое дворянство думало основать свое право на господство въ западномъ краѣ на исторіи, говорящей, что край этотъ былъ нѣкогда подъ властію Польши. Чтоже-если бы, пользуясь такимъ примѣненіемъ исторіи, православное духовенство этого края указало ему на рядъ историческихъ актовъ, гдѣ дѣды и прадѣды нынѣшнихъ польско-католическихъ фамилій изрѣкаютъ имъ свое неблагословеніе, отрѣшаютъ даже отъ наслѣдства если они отступятъ отъ православія, отступятся отъ прав. храмовъ, перестанутъ быть патронами, ктиторами ихъ?.....

пожертвованія августѣйшихъ лицъ царствующаго дома и благотворителей русскаго общества »Слава Богу, въ нашей администраціи нашлось лицо, которое повело это дѣло не только съ высокою добросовѣстностію, но и съ горячимъ усердіемъ и энергіей личнаго дѣла. На отпущенныя суммы, начиная съ 1859 г. по настоящее время, осмотрѣно свыше восьмисотъ церквей, возобновлено и построено четыреста, изъ нихъ уже болѣе половины сдано въ духовное вѣдомство. Такого результата можно было достигнуть лишь съ помощію величайшей бережливости и заботливости, съ какими не всегда дѣлаются казенныя дѣла. При осмотрѣ церквей, при оцѣнкѣ стоимости строительныхъ матеріаловъ, задѣльной платы и т. п., всегда приглашались прихожане, и ни одинъ актъ, ни одна расцѣнка, какъ намъ сообщаютъ, не составлялась иначе, какъ по ихъ приговорамъ, и часто сами прихожане принимали на себя работы по устройству собственныхъ храмовъ. Одною изъ причинъ успѣха было отсутствіе формальностей и—главное—отсутствіе *прижимокъ* при выдачѣ суммъ по условіямъ. За этимъ неусыпно наблюдали на мѣстахъ довѣренныя отъ главнаго руководителя лица, выбранныя изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, достаточно знакомыхъ съ строительною частію, благонамѣренныхъ и усердныхъ. Если что нужно прибавлять къ этимъ словамъ о подвигѣ завѣдывающаго устройствомъ православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ, такъ это свидѣтельство глубокой признательности, какую подвигъ этотъ, какъ намъ извѣстно, вызываетъ въ тамошнемъ духовенствѣ и населеніи православномъ, желаніе, чтобы прекрасно идущее дѣло устройства храмовъ продолжало выполняться съ тѣмъ же характеромъ, обезпечивающимъ наилучшій успѣхъ этого дѣла, стоящаго на первомъ мѣстѣ, въ ряду дѣятелей возрожденія западнаго края, совершающагося въ эту счастливѣйшую для него эпоху.

Дѣло устройства православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ послужило поводомъ къ другому прекрасному дѣлу—изданію *Атласа народонаселенія западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ*, составленнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ этихъ храмовъ П. Н. Батюшкова. «Для возможно полнаго успѣха столь обширнаго, важнаго предпріятія (устройства правосл. церквей въ зап. краѣ) и для удобнѣйшаго распредѣленія народонаселенія по

приходамъ, при выборѣ пунктовъ къ постройкѣ новыхъ сельскихъ церквей, потребовались, говоритъ издатель, мѣстныя статистическія изслѣдованія, которыя, будучи провѣрены съ оффиціальными документами центральныхъ вѣдомствъ, дозволили представить наглядно, въ издаваемомъ нынѣ атласѣ, разселеніе мѣстныхъ обывателей западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ и исчисленіе ихъ по племенамъ.»

Самое составленіе картъ атласа принадлежитъ генеральнаго штаба подполковнику Ритиху, руководствовавшемуся при этомъ: свѣдѣніями епархіальныхъ начальствъ, департамента духовныхъ дѣлъ и центрально-статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, Императорской академіи наукъ, матеріалами для географіи и статистики Бобровскаго и Аѳанасьева, матеріалами для исторіи и статистики лютеранскихъ церквей Буша, статьями о племенномъ составѣ и вѣроисповѣданіяхъ Лебедкина, этнографической картой Кепена и картой римско-католическихъ церквей въ Россіи Гирштовта. Атласъ составленъ въ громадныхъ размѣрахъ и состоитъ изъ десяти картъ. Девять картъ для девяти губерній западнаго края (витебской, могилевской, минской, ковенской, виленской, гродненской, кіевской, волынской, подольской) и одна общая для всѣхъ девяти губерній. Каждая изъ девяти губернскихъ картъ состоитъ изъ двухъ нераздѣльныхъ частей, служащихъ обоюдною повѣркою: хромолитографическаго изображенія данной мѣстности, соотвѣтственно процентному содержанію каждаго исповѣданія и подробнаго, на поляхъ карты, показанія числа жителей обоего пола, по каждому приходу отдѣльно. Отмѣчены хромолитографически населенія: православное, латинское, протестанское, также магометанское и обозначены города и селенія, гдѣ живутъ евреи. Старообрядцы, какъ одноплеменные съ общею массою православныхъ, не обозначены особою краскою, но только, для большей точности въ исчисленіи населенія, и они помѣщены на поляхъ карты въ особой статистической таблицѣ. Приходы на поляхъ карты представлены по благочиніямъ. Въ самой картѣ отмѣчены благочинія городское и сельское, церкви приходскія и приписныя, часовни и селенія. На картахъ трехъ бѣлорусскихъ губерній, отмѣчены тоже мѣстности, гдѣ, по распоряженію и на суммы правительства, устроиваются церкви; на картахъ губерній литовско-русскихъ отмѣчены и тѣ приходы,

гдѣ сохранились древнія, церковныя православныя братства. Такихъ братствъ въ виленской губерніи показано свыше 50, а въ гродненской свыше 150. Братства, существующія во многихъ мѣстностяхъ другихъ западно-русскихъ губерній, не отмѣчены на атласѣ, говоритъ издатель, за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній о нихъ. Уроженцы этихъ губерній, конечно, могли бы присовокупить, что если бы пришлось собирать такія свѣдѣнія въ ихъ губерніяхъ, то они нашлись бы при большей части церквей. Нашлись бы покрайней мѣрѣ живыя, свѣжія преданія о братствахъ, названіе братчиковъ, остатки братскихъ порядковъ, обычаевъ, къ ослабленію которыхъ, надо признаться, способствовало иногда само возстановленное въ 1839 г. православіе, а именно—новымъ своимъ учрежденіемъ церковныхъ старостъ. Десятая карта атласа, изображающая всѣ 9 губерній въ совокупности, представляетъ, при другихъ особенностяхъ, уже только одиночныя группы населенія по исповѣданіямъ и пункты, лежащіе на рубежѣ отдѣловъ одного вѣроисповѣданія отъ другаго. На поляхъ этой карты сведены всѣ статистическія таблицы девяти губернскихъ картъ въ одну общую, въ коей сопоставлены между собою итоги всего населенія, исчислено процентное отношеніе туземцевъ русскаго происхожденія къ иновѣрцамъ, живущимъ на землѣ русской, выставлена градація по племенамъ и исповѣданіямъ и обозначены границы сплошнаго населенія по народностямъ и нарѣчіямъ. Общій выводъ изъ статистической таблицы десятой карты слѣдующій:

Всѣхъ жителей въ девяти западныхъ губерніяхъ числится: 10.659,712 душъ обоего пола. Изъ этого числа исповѣдуютъ православную вѣру 62, 56%, римско-католическую 24, 7 , іудейскую 11, 07%, старообрядческую 0, 98%, протестантскую 0.62%, магометанскую 0,06%. Племенная градація представляется въ слѣд. видѣ: русскихъ 64, 73%, евреевъ 11. 07%, поляковъ 8. 86%, литовцевъ 8. 53%, жмуди 4,29%, латышей 1,75%, молдаванъ 0,39%, нѣмцевъ 0,32%, и татаръ 0,06%. Такимъ образомъ на каждые 1000 православныхъ приходится разноплеменныхъ: 390 римско католиковъ, 174 іудеевъ, 16 старообрядцевъ, 10 протестантовъ и 1 магометанинъ, и на каждые 1000 душъ русскихъ—171 евреевъ,

137 поляковъ, 131 литовцевъ, 66 жмуди, 27 латышей, 6 молдаванъ и 1 татаринъ.

Сплошное православное населеніе занимаетъ почти всю Бѣлоруссію, значительную часть Литвы и Украйну; римско-католическое — всю ковенскую губернію, западную часть витебской, виленской и гродненской губерній; затѣмъ, въ остальныхъ губерніяхъ, оно расположено незначительными группами по мѣстности, населенной сплошнымъ православнымъ народомъ. Подробное разграниченіе мѣстностей по племенамъ не входило въ задачу атласа; при томъ племенныя границы, стушевываясь, и не могутъ быть опредѣлены точными линіями. Въ общихъ же чертахъ, народонаселеніе края распредѣлено по племенамъ слѣд. образомъ: русскіе живутъ на востокъ отъ черты, идущей по инфляндскимъ уѣздамъ витебской губерніи на Ново-Александровскъ, Козяны, Ошмяны, Радунь, Гродно, Бѣлостокъ и Дрогичинъ. На западъ отъ этой черты: а) литовцы занимаютъ западную часть виленской и восточную ковенской губерніи; б) жмудь—западную часть ковенской губерніи и в) латыши западную половину витебской и сѣверныя границы ковенской губерній. Поляки и евреи разбросаны по всему пространству западнаго края. Нѣмцы живутъ по городамъ и въ отдѣльныхъ колоніяхъ въ губерніяхъ: витебской, ковенской, гродненской, кіевской, подольской и волынской. Молдаване, въ пограничныхъ съ Бессарабіею уѣздахъ подольской губерніи, а татары незначительными поселками въ ковенской, виленской, минской, гродненской и волынской губерніяхъ.—Свое предисловіе къ атласу издатель заключаетъ слѣдующими словами: »составленный не по гадательнымъ, голословнымъ предрѣшеніямъ, извращающимъ только истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространяемыхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, не смотря на отпечатокъ на немъ, оставленный иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ неотъемлемую, органическую часть русскаго государства«.

Освѣщая эту непреложную истину, ярко очерчивая истинный народно-вѣроисповѣдный характеръ западнаго края, атласъ съ полнымъ правомъ носитъ свой эпиграфъ: veritas salusque publica. Только на правдѣ и могутъ созидаться общественная

безопасность, общественное благо. Невѣдома, непонята или забыта была эта великая и вмѣстѣ простая мысль въ ту пору, когда полагались основы исторической связи Польши съ западно-русскимъ краемъ. Въ основахъ этихъ была ложь, возобновлявшаяся въ разныхъ видахъ, въ разныхъ актахъ этой связи и доведенная до изумительныхъ размѣровъ великими дѣлателями всякой лжи—іезуитами. Неисчислимыя бѣдствія принесла эта ложь въ прошедшемъ какъ для западно-русскаго края, такъ и для Польши, въ особенности же для Польши. Приноситъ она страшныя бѣдствія и теперь, но уже почти исключительно для той стороны, которая осталась вѣрною своей исторической лжи,—стороны польско-католической. Бѣдствія матеріальныя, внѣшнія здѣсь еще второстепенны. Гибельнѣе, убійственнѣе дѣйствіе нравственное: это-то несчастное омраченіе польско-католическаго смысла, искаженіе народнаго духа, какое мы видимъ въ людяхъ, величающихъ себя лучшими представителями этого смысла, духа, представителями націи. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, уродливѣе той фальши, съ которою напр. Духинскій и К° увѣряютъ, что поляковъ, какъ націи, считается около 22 милліоновъ, полагая въ числѣ этихъ милліоновъ даже жителей губерній смоленской, черниговской, полтавской и едва не всей Малороссіи? Люди, способные задаваться такою фальшью, не дѣлаются ли чрезъ это способными естественнымъ и логическимъ путемъ доходить до сочиненія фальшивыхъ актовъ, грамотъ, всякаго рода клеветъ и обмановъ, а при неудачѣ ихъ, въ порывѣ безумія и отчаянія, и до тайныхъ убійствъ? И къ сожалѣнію эта фальшь такъ называемой высшей интеллигенціи польской искажала и искажаетъ воззрѣнія людей, могущихъ дѣйствительно назваться лучшими представителями ея, людей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разсудительныхъ. Такъ напр. еще недавно покойный Грабовскій, возражая (въ газетѣ »День«) противъ малочисленности польско-католическаго населенія въ западномъ краѣ нашемъ, спрашивалъ съ сильною увѣренностію: « развѣ насъ было столько прежде, чѣмъ Екатерина II отняла у насъ 900 унитскихъ церквей и прежде, чѣмъ императоръ Николай совершенно уничтожилъ унію»? Въ кругу своихъ воззрѣній, польскій мыслитель не можетъ понять значенія у насъ правительственнаго участія въ рѣшеніи такихъ нравственно-общественныхъ вопросовъ, какъ вопросъ ре-

лигіозный, вопросъ уніи. За то, каково то изумленіе, съ которымъ теперь польскіе мыслители, публицисты, патріоты и ихъ сторонники смотрятъ на совершающееся духовно-общественное возрожденіе западнаго края и то участіе, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ, въ видѣ частнаго и личнаго дѣятеля, царствующій Домъ и за нимъ русское общество? Благодаря этому участію, благодаря пожертвованіямъ Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника и всѣхъ членовъ царствующаго Дома, и за нимъ русскаго общества, покрыты нужды болѣе двухъ тысячь церквей западнаго края, сельскія школы снабжены учебными пособіями, а причтъ книгами духовнаго содержанія, такъ что около 40,000 книгъ для этой цѣли отправлено въ этотъ край. »Понятно съ какимъ чувствомъ принимаются въ бѣдномъ западномъ краѣ духовенствомъ и прихожанами всѣ эти пожертвованія и вклады отъ русскихъ людей, во главѣ которыхъ и за одно съ ними, какъ русскіе люди и дѣти православной церкви, находятся Государь Императоръ, снабдившій 50 церквей Богослужебными книгами, и Государыня Императрица, принимающая особенное участіе въ этомъ дѣлѣ и надѣлившая всѣмъ по одной церкви въ каждомъ уѣздѣ трехъ губерній витебской, могилевской и минской«. Понятны тѣ чувства умиленія, торжества, съ какими скромное братство въ западномъ краѣ получаетъ даръ отъ Государя наслѣдника, какъ напр. новогрудское братство св. Николая, получившее отъ Августѣйшаго Первенца Царева къ дню своего открытія братскую икону святителя Николая. Люди, не способные проникать въ тайникъ русской жизни и наслѣдовавшіе отъ дѣдовъ и прадѣдовъ фальшивость смысла, сужденія,—люди эти, при видѣ всѣхъ подобныхъ фактовъ, не скажутъ ли еще, что самые факты эти—призракъ, внѣшность, формальность, фальшь? Если такъ, то они осуждаютъ себя на одну ложь; нѣтъ для нихъ истины; они рабы лжи, и это духовное рабство ведетъ за собою всякое другое. Они, вмѣстѣ съ учителями своими, забыли, что только *истина*, по слову Евангелія, можетъ *свободить* людей, даровать имъ истинную свободу человѣческую. Но по духу христіанскаго братства, черты котораго въ настоящую пору живо выступаютъ въ возраждающейся жизни западнорусскаго края, по духу этого братства на насъ лежитъ долгъ разсѣвать туманъ съ глазъ заблудшихъ братій, хоть теперь и

враговъ нашихъ, и расчищать имъ путь къ достиженію истины, а съ нею и лучшей доли, общаго блага. Потому-то такое дѣло, какъ дѣло завѣдывающаго устройствомъ православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ и издателя атласа его, есть лучшій подвигъ хр. братства не для той только родной стороны, для которой онъ предпринятъ, но и для другой стороны, противной. Чтобы предпринять такой подвигъ, нужно было чувствовать въ себѣ, въ глубинѣ души, неотразимую силу такого девиза, какъ: veritas salusque publica!

РЕЛИГІОЗНЫЙ ФАНАТИЗМЪ КСЕНДЗА.

Въ настоящее время, богатое шляхетскими изувѣрствами и ксендзовскими неистовствами, всякому, не только читающему газеты, но и простолюдину извѣстно, что рьяные неразборчивые въ средствахъ послѣдователи лойоловской системы-ксендзы проявили самое лихорадочное участіе въ настоящемъ польскомъ мятежѣ безчисленными фактами своего фанатизма. Слѣдуетъ ли тутъ цитировать разныя газеты и журналы? Послѣ того, что заявлено на эту тему въ нашей прессѣ, что дѣлается предъ глазами нашими, мы думаемъ, что это былъ бы трудъ излишній. Но, неговоря о многочисленности революціонныхъ ксендзовскихъ подвиговъ, не говоря о томъ, какое негодованіе и отвращеніе возбудили эти мрачныя дѣянія—даже въ простолюдинахъ,[1]—мы не можемъ не сказать, что, въ связи съ извѣстными всему міру ксендзовскими неистовствами, получаетъ довольно опредѣленный смыслъ и религіозный фанатизмъ нашего ксендза. Факты, которыми самъ ксендзъ У—го костела З. открылъ свой фанатизмъ, представляютъ въ полномъ свѣтѣ ту печальную истину, что и наши ксендзы страждутъ общимъ ксендзовскимъ недугомъ,

[1]) Даже въ простолюдинахъ изъ р. католиковъ.

что они далеко ушли по пути iезуитизма и созрѣли до того совершенства, что готовы заправлять веревками и висѣлицами, если бы только окружающая ихъ среда... Но пусть дѣло говоритъ само за себя. Мы только передадимъ его точно и добросовѣстно.

Года три тому назадъ, изъ с. Р... переселилась въ К. р. католичка М. К., по случаю выхода въ замужество за православнаго обывателя с. К. Въ скоромъ времени послѣ своей новой осѣдлости, мы замѣтили въ католичкѣ женщину добрую и набожную. Отдаленная мѣстомъ жительства отъ своихъ костеловъ, она стала часто и усердно посѣщать православный храмъ села К., особенно въ великiе праздники и высокоторжественные дни, добрая католичка поставляла какъ бы своимъ непремѣннымъ долгомъ придти въ правос. церковь на богослуженiе. Торжественность, простота и духовность правос. богослуженiя, понятность и ясность его языка такъ благотворно подѣйствовали на простую душу набожной католички, что она, восхищаясь православнымъ богослуженiемъ, превозносила его, среди своихъ новыхъ сосѣдей селянъ, самыми высокими неподдѣльными похвалами. »Какъ прекрасно ваше nabożeństwo«, часто повторяла, »всякое почти слово, произносимое въ церкви священникомъ, можно понимать, а у насъ pan Bóg wie co kszyczy ten ksiądz«!.,. Но, посѣщая долго православную приходскую церковь, католичка вдругъ рѣзко оставила ее. Всѣмъ селянамъ бросилось въ глаза то явленiе, что К. отчуждилась ихъ церкви и засѣла безвыходно въ своемъ домѣ. Такой крутой поворотъ въ сельской жизни католички К. вызвалъ много толковъ, комментарiевъ у недальновидныхъ селянъ: каждый изъяснялъ его какъ зналъ и хотѣлъ; наконецъ было порѣшено на томъ, что вѣроятно польское возстанiе отразилось на душѣ католички и вызвало нерасположенность ея къ церкви. Это предположенiе на половину только было справедливо. Намъ случилось встрѣтить католичку въ одномъ домѣ. По грустному выраженiю ея лица, можно было замѣтить, что ея душу грызетъ какое-то тайное, тяжелое и долгое горе. Видя католичку грустною, измученною, задумчивою, мы невольно спросили ее о причинѣ ея перемѣны.

Что это вы, какъ мы слышали, перестали посѣщать православную церковь? Что съ вами?

»Ахъ, у меня на душѣ тяжкое горе! Нашъ ксендзъ отнялъ у меня мою радость, поразилъ меня такимъ публичнымъ безчестіемъ, такъ грубо оскорбилъ меня, что я сама себѣ нерада, что лучше бы мнѣ, кажется, умереть, чѣмъ жить на свѣтѣ.

Какъ же это такъ? Въ чемъ собственно ваше горе?

»Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, а именно въ половинѣ прошедшей зимы, я была приглашена прежними своими сосѣдями и пріятелями изъ села Р. воспринимать ихъ дитя. Когда я пріѣхала въ с. Р., тамъ уже былъ ксендзъ. Пока мы собрались, пока явились всѣ гости въ домъ помѣщика В., гдѣ предстояло крещеніе воспринимаемаго мною дитяти, ксендзъ, какъ обнаружилось изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, собиралъ отъ помѣщика свѣдѣнія о своихъ прихожанахъ (бѣдной шляхтѣ, живущей въ с. Р.) и о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они состоятъ къ мѣстному православ. храму и его духовенству. Къ несчастію нашему, продолжала католичка, ксендзъ узналъ, что моя пріятельница М., которая, помимо меня, была избрана, какъ на зло, другою кумою (во второй парѣ воспріемниковъ), крестила свое дитя, по причинѣ его болѣзни, у православнаго священника и что я-то сама вышла въ замужество за православнаго. Довольно было для ксендза однихъ этихъ свѣдѣній, чтобы возмутится душей и вымѣстить на насъ весь свой гнѣвъ! Какъ только ксендзъ вошелъ къ намъ въ ту комнату, въ которой положено было крестить принесенное нами дитя, по глазамъ его, по выраженію лица его, видно было, что онъ взволнованъ и раздраженъ чѣмъ-то. Въ самомъ дѣлѣ, онъ до того кипѣлъ злостью, что еще до крещенія дитяти, какъ только увидѣлъ М., тотъ часъ началъ поносить и порицать ее, съ каждымъ словомъ приходя въ болѣе сильное волненіе и раздраженіе.

»Какъ это ты, М., могла рѣшиться крестить свое дитя у русскаго попа«?

Иначе нельзя было; того требовала крайняя болѣзнь дитяти, я опасалась, чтобы дитя не умерло некрещеннымъ.

»Почему же не крестила его бабка? Развѣ ты не знаешь, что русскій попъ схизматикъ? Лучше было бы, чтобы дитя умерло вовсе некрещеннымъ, чѣмъ отдать крестить его схизматику попу (Sic!). Вотъ до какой слѣпоты, до какого безумія

доводитъ ксендзовскій фанатизмъ! Нужно быть полнымъ невѣждой, нужно вовсе незнать догматики богословской, нужно быть полуумнымъ, чтобы отпороть подобную ересь въ уши нѣсколькихъ христіанъ, конечно, иначе думавшихъ о православномъ крещеніи!. Какъ прикажете думать о школьномъ образованіи ксендза фанатика, обнаружившаго такое грубое незнаніе самыхъ популярныхъ истинъ христіанства! А еще кричатъ, что ксендзы образованные люди! Но, пока, оставимъ всякія заключенія, на которыя наводитъ фанатизмъ либо невѣжество ксендза; а лучше послѣдуемъ далѣе за разсказомъ католички К

»Мнѣ стало чрезвычайно жаль М., когда ее такъ напрасно и такъ дерзко обличилъ ксендзъ. Я вступилась за нее и обратилась къ ксендзу съ просьбою о прекращеніи ругательствъ: »ojcze dobrodzieju! proszę darować ten raz M. Тутъ я, какъ выразилась простодушная католичка, »*напытала хлопотъ*«. Пламенный потокъ заядлаго ксендзовскаго краснорѣчія обратился на меня«.

»И ты стоишь за русскимъ попомъ! Да! ты, кажись, вышла замужъ за схизматика?

»Что-же тутъ худаго и удивительнаго? Развѣ русскій—мусулманинъ? Онъ такой-же христіанинъ, какъ и я.

»Молчи! молчи! такъ говоритъ въ тебѣ самъ *проклятый духъ!* (Sic!) Вѣроятно ты ходишь и въ русскую церковь, когда уже вышла за русскаго?!

»По чистой правдѣ—такъ! Развѣ въ русской церкви служатъ иному Богу!? Тамъ прославляется тотъ же Pan Jezus, таже Matka Boska, какъ и у насъ; русское набоженство и понимать не трудно!

»Ахъ, ты проклятая! Твоимъ языкомъ вертитъ самъ проклятый духъ! (przeklęty duch!) Лучше бы ты пошла помолиться въ хлевъ, лучше бы стала на молитву подъ płotém (заборомъ), чѣмъ имѣешь ходить въ русскую *схизматицкую* церковь! [1])

»Хлѣвъ хлѣвомъ, а церковь все таки kościoł Pana Boga!

»Вотъ какъ русскіе тебя испортили и совратили! Если ты на столько упряма, то не можешь присутствовать и при-

---

[1]) Мы знаемъ ксендзовъ, богохульно называвшихъ православную церковь псарнею! Ред.

крещеніи дитяти. Ты недостойна już kumować! Поди, поди вонъ, niegodziwa! (Sic!).

»Мнѣ стало тогда невыразимо больно, тяжело, стыдно, у меня едва достало силъ поскорѣе выдти изъ дома! Съ тѣхъ поръ на душѣ у меня словно гнетущій камень!..

Съ крайнимъ прискорбіемъ мы слушали этотъ грустный эпизодъ изъ ксендзовской жизни. Оскорбленная, поруганная и униженная ксендзомъ З. г. К. говорила о немъ съ отчаяннымъ ожесточеніемъ и негодованіемъ.. Сколько мы ни старались доказать ничтожность ксендзовскаго проклятія, сколько ни старались установить потрясенную въ ея очахъ ксендзомъ честь и правоту православ. церкви, но, кажется, напрасно! Деморализованная ксендзомъ католичка, какъ мы слышали, остается и доселѣ въ томъ же отчаянномъ состояніи. Она перестала ходить и въ православ. церковь; но не посѣщаетъ и своего костела; а довольствуется отчитываніемъ litanji дома, основываясь на томъ, эластичномъ для полухристіанъ догматѣ, что Pan Bóg wszędzie!

Не говоря о томъ на сколько благоразумна пастырская педагогика ксендза, низринувшая овцу своего стада въ пропасть ожесточенія и индифферентизма; проходя молчаніемъ многіе вопросы, возбуждаемые невѣжественно фанатическимъ отношеніемъ ксендза З. къ православ. церкви и ея служителю, мы невольно останавливаемся на одной мысли, ярче всего выдающейся въ заявленномъ надавно фактѣ. За что это З. поставляетъ православный храмъ, въ которомъ возвѣщаются глаголы живота вѣчнаго, совершаются Христовы Таинства по преданію и примѣру св. Апостоловъ, а не такъ, какъ бываетъ это въ костелахъ, за что это онъ поставляетъ этотъ храмъ, Домъ Божій—*ниже хлѣва, ниже плетня*?.... За что это кощунство, почтённый патеръ?.. Не за то ли, что въ прав. храмѣ не воетъ и не реветъ органъ, возбуждающій въ паняхъ и паненкахъ скорѣе желаніе понестись въ вихорь полекъ и мазурокъ, чѣмъ молитвенное настроеніе духа? Не за то-ли, что въ православ. храмахъ не видно цѣлыхъ рядовъ скамѣекъ, на которыхъ послѣ herbaty преспокойно полудремлютъ panowie, когда идетъ nabożeństwo?.. Не за то-ли, что въ православ. храмѣ никогда не возглашались и не возгласятся революціонныя рекламы, а напротивъ тамъ всегда внушалась и возвѣщалась любовь

даже къ врагамъ нашимъ, каковы, въ настоящее время, ренегаты паны, а съ ними и отецъ З. съ братіею своею?... Но почему-бы вы, патеръ, не поносили и не хулили православныхъ храмовъ, а знайте однажды навсегда, что они не доходили и не дойдутъ никогда до того ужаснаго состоянія, до котораго ваша братія довели свои костелы, превращенные теперь.... вы и сами знаете во что

Еще одно словцо! За что это вы, О. З., такъ унизили православ. священника, крестившаго католическое, *умирающее* дитя, по желанію родителей? На какомъ основаніи вы поставили его ниже простой бабы въ дѣлѣ совершенія таинства, по какой логикѣ вы приписали ему названіе схизматика? Подумайте лучше и умнѣе, кто схизматикъ, онъ или вы? Какъ вамъ кажется?... Далѣе: на какомъ основаніи крещеніе дитяти по православному вы поставили ниже и хуже всякаго, если можно такъ выразиться, некрещенія; пусть бы лучше умерло дитя, сказали вы, вовсе некрещеннымъ, чѣмъ крестить его *схизматику попу*? Опомнитесь, ради Христа, въ своемъ ли вы были умѣ, когда изрыгали эту хулу на Духа Святаго? Откуда у васъ такая ненависть къ православ. священнику, примѣрному безукоризненностію по жизни старцу? Откуда она и за что? Не за то-ли, что православ. священникъ не проповѣдуетъ подобно вамъ бунта и рѣзни? Не за то-ли, что онъ не имѣетъ дѣла съ бандитами, не вооружается револьверами, не обращаетъ церкви въ складъ оружія, въ фабрику боевыхъ припасовъ?... Можетъ быть, по вашему мнѣнію, лучше было бы умереть дитяти некрещеннымъ на томъ основаніи, что оно могло-бы удостоиться огненнаго крещеніи въ огненномъ чистилищѣ и все таки потомъ войдти въ царство небесное! Но подумайте, каково было-бы дитяти въ этомъ чистилищѣ?! По чьей милости оно испытывало-бы жгучесть огня чистилищнаго? Не лучше ли ему теперь, когда оно умерло окрещеннымъ, хоть по обряду православ. церкви, такъ или иначе избѣгло мукъ вашего чистилища? Не потому ли вы такъ много расчитываете на благотворность чистилища, что надѣетесь сами испытать его сладость? А вамъ не миновать его, если вы не перемѣните вашей догматики и практики. Но пока судъ-да-дѣло, пока чистилище прочиститъ и прояснитъ ваши духовныя очи, скажите на милость Божію, неужели они до того смежены, до того покрыты пеленой фа-

натизма, что вы и доселѣ не видите правоты и святости православ. русской церкви, прославляемой нетлѣнными останками святыхъ? Ясное дѣло, что, если въ русской церкви были и есть святые, чудодѣйствующіе, то это церковь Христова, охраняемая и оживотворяемая Духомъ Святымъ. Хулить ее незначитъ ли хулить и Духъ Божій? Потрудитесь же, патеръ, припомнить, гдѣ и какъ отпустится хула на Духа Божія?.. Едвали послѣ этой хулы поможетъ вамъ и ваше чистилище!

Наконецъ, хотя бы по чувству благодарности, какимъ вы обязаны русской землѣ и русской державѣ за свою комфортабельную жизнь, хотя бы по этому чувству, какимъ отличаются и жиды и язычники, вы бы относились, а особенно предъ глазами простыхъ людей, къ русской церкви, если непочтительно, покрайней мѣрѣ осторожно, безъ ереси. У васъ вы »катаетесь, по пословицѣ, какъ сыръ въ маслѣ«, живете бариномъ, носитесь на заводскихъ лошадяхъ въ заграничныхъ экипажахъ и за всю свою роскошь, платите намъ хулою и поношеніемъ нашей господствующей церкви! Право, стыдно и совѣстно за васъ, патеръ З.! Если у васъ уже такъ мало естественнаго чувства благодарности; то чтоже осталось въ сокровищницѣ вашей души и жизни? За то у васъ осталось много жиру, отъ котораго.. продолжать далѣе незачѣмъ: вѣроятно, догадаетесь сами. Послать бы васъ, хоть на время, въ *гуманную* Англію, тамъ бы поучили васъ уму разуму, если бы вы отнеслись къ англиканской кирхѣ и ея пастырю такъ лестно, какъ это вы сдѣлали на счетъ православнаго храма и священства С. Р., предъ людьми, которые, при всей религіозной своей невѣжественности, не мало подивились вашей хулѣ на православ. церковь! Англичане закидали бы васъ грязью и побили бы камнями.

Можно бы еще и еще, если не вразумлять, то вопрошать васъ, о. З., но что пользы? Если нашъ чистосердечный голосъ и долетитъ до вашего нѣжнаго слуха, услаждаемаго и изощряемаго гармоніей костельнаго органа, то не ожесточите сердца своего, но лучше, павъ на колѣни, съ преклоненною главой и сокрушеннымъ духомъ, вмѣстѣ съ нами, помолитесь прилежно Отцу свѣтовъ, да дастъ вамъ, по Апостолу, просвѣщенія очеса и сердца, которыми вы иначе смотрѣли бы и на наши храмы, и таинства Христовы, и на правос. священниковъ, не занимающихся ни поношеніемъ костеловъ, ни порицаніемъ и

униженіемъ вашей братіи, хотя у нихъ открываются къ тому постоянно случаи и побужденія.

Г. У...нь. Православный священникъ.
1863 г. 16 декабря.

ПРИМѢЧАНІЕ. Богохульныя слова ксендза З.., противъ православной церкви, не новость. Ксендзы повсемѣстно отзываются о ней предъ своими прихожанами съ подобною ненавистью и порицаніемъ, и этотъ фанатизмъ ихъ, перешедшій въ твердое убѣжденіе каждаго р. католика, основывается на догматическомъ ученіи р. церкви нетолько среднихъ вѣковъ, но и настоящаго времени. Ученіе это проповѣдуется р. богословами не только въ церковныхъ ихъ поученіяхъ къ народу и въ частныхъ случаяхъ сношенія съ нимъ ксендзовъ, но и съ каѳедръ учебныхъ заведеній, даже университетскихъ. Недавно, въ прошломъ году, (5) 17 іюня, воспитанникъ римской академіи, докторъ богословія, ксендзъ Іосифъ Черлюнчакевичъ, профессоръ богословія въ львовскомъ университетѣ, на лекціи, въ аудиторіи этого университета, въ присутствіи множества студентовъ православныхъ и уніатовъ, коснувшись ученія православной церкви, вотъ какой сдѣлалъ о ней фанатическій отзывъ: »Schismatici sunt filii diaboli; ecclesia schismaticorum synagoga est diabolorum; in Eucharistia schismaticorum ipse sedet diabolus«. (Схизматики сыны дьявола, церковь схизматицкая есть синагога (собраніе) дьяволовъ; въ схизматицкой евхаристіи находится самъ дьяволъ«).

Если многоученый докторъ богословія дерзнулъ возвѣщать такое богохульное ученіе о нашей церкви съ университетской каѳедры слушателямъ почти вполнѣ развитымъ, то что удивительно, если какой нибудь полуобразованный польскій ксендзъ подобныя внушенія о православіи дѣлаетъ большею частію невѣжественной шляхтѣ, въ особенности женщинамъ.

Впрочемъ изрыганіе такой хулы не обошлось даромъ для доктора Черлюнчакевича. Студенты православные и унитскіе изъ русиновъ, оскорбленные въ лицѣ своей церкви, съ громкимъ ропотомъ оставили аудиторію и поступокъ ксендза предали гласности, напечатавъ его ученіе въ 45 № Львовскаго »Слова«.

Редакторъ »Слова«, г. Дѣдицкій, напечаталъ вышесказанныя слова доктора съ такимъ примѣчаніемъ: »Опять неслы-

ханныя рѣчи раздаются въ львовскомъ университетѣ съ каѳедры догматическаго богословія. Извѣстный докторъ римскій, выдающій себя за вѣрнѣйшаго возвѣстника догматовъ Рима, произноситъ во услышаніе православныхъ христіанъ, русскихъ слушателей II-го года богословскаго курса, неслыханныя, вышесказанныя клеветы на схизматиковъ, подъ которыми, конечно, понимаетъ не кого иного, какъ только всѣхъ христіанъ восточной церкви и между прочими и единокровныхъ намъ братьевъ, живущихъ числомъ до 180,000 на Буковинѣ, а 12.000,000 за границею. По мнѣнію русскихъ законоучителей и греко-унитскихъ докторовъ богословія, въ этомъ послѣднемъ ученіи его заключается самая богопротивная ересь, такъ какъ, по нашей догматикѣ, утвержденной папою, въ случаѣ необходимости, дозволяется уніятамъ исповѣдываться и причащаться св. тайнамъ у православныхъ. Выходитъ, что догматику преподаетъ въ Львовѣ воспитанникъ Рима, настоящій... Богъ ему прости.«

По словамъ той же газеты (»Слово« № 56) ученіе это о »дьявольскомъ происхожденіи и дьявольскихъ синагогахъ« было поводомъ къ тому, что православный черневецкій архимандритъ о. *Бенделя* спрашивалъ въ палатѣ пословъ у министра юстиціи: дѣлаются ли подобныя оскорбленія православію съ вѣдома правительства, или слѣдуетъ профессора, произнесшаго такую хулу на восточную церковь съ университетской каѳедры, предать суду въ видахъ государственнаго интересса? Въ оправданіе такой фанатической выходки, докторъ Черлюнчанкевичъ пояснялъ, что богохульныя слова, сказанныя имъ противъ восточной церкви, на лекціи въ университетѣ, буквально будто бы заимствованны изъ догматики аббата Петра Перроне, назначенной папою въ руководство для р. католическихъ университетовъ. »Не читали мы«, замѣчаетъ г. редакторъ »Слова«, этой іезуитской догматики, однакожъ если бы и дѣйствительно въ ней такъ было сказано, то вину таковаго оскорбленія православныхъ надлежало бы приписать еще высшимъ сферамъ. Но все-же таки, если вольно такъ учить въ Римѣ, то еще не слѣдуетъ, чтобы это годилось въ Австріи, гдѣ закономъ признаны права и свобода вѣры православныхъ ея подданныхъ.«

А вотъ, кстати, говоря о фанатизмѣ р. католическихъ ксендзовъ, мы приведемъ здѣсь въ подлинникѣ и въ русскомъ

переводѣ рѣчь ксендза Шевалье, послучаю бракосочетанія княжны Сапежанки съ русскимъ полковникомъ Чорбо. Каждое слово этой рѣчи дышетъ фанатизмомъ, грубымъ невѣжествомъ и, вообще, вышесказаннымъ ученіемъ римской церкви о церкви православной.

РѢЧЬ, СКАЗАННАЯ ВЪ ПОРѢЧЬИ

ксендзомъ Шевалье, мѣстнымъ пробощемъ (настоятелемъ) 1837 г. января 28, по случаю бракосочетанія княжны Сапѣжанки съ русскимъ полковникомъ Чорбо.

(Подлинникъ.)

Szanowne zgromadzenie! Quoique ja widzę was wszystkich dobry humor, kontentnych, wesołych, no ja niechcę znać raison tego wszystkiego mais en reuange, ja wam chcę dać poznać przyczynę mego smutku, bo wy widzicie że wasz stary pasterz płacze, i ma wielki rason płaczu, bo on traci jedną swoią owieczkę ze swojéj owczarni i traci wiecznie, nie mówię na ciało, ale traci i na jéj duszy.

Powiedź mnie moja respectable księżniczka dlaczego dałaś swoje słowo panu Czorbie, czy nie wiedziałaś że on drugiéj od księżnicki religion, a jeżeli znała, to dla czegoż zrobiła jemu preference, czy on lepszy od pana Romualda Leduchowskiego i drugich wielu, pewno epolet pana Czorby ebluisował całą głowę księżniczki i ebluisował tak że zrobił renonce od swego Boga,

(Переводъ.)

Почтеннѣйшее собраніе! Хотя я вижу васъ всѣхъ въ хорошемъ расположеніи духа, довольныхъ, веселыхъ, но я не хочу знать тому причины; напротивъ я хочу вамъ объяснить причину моей скорби, ибо вы видите, что вашъ старый пастырь плачетъ и имѣетъ важную причину плакать: онъ теряетъ вѣчно одну овцу изъ своего стада,—не только тѣломъ, но и ея душу.

Скажи мнѣ, моя почтенная княжна, для чего тыдала слово г. Чорбѣ? Развѣ ты незнала, что онъ иной вѣры, а если знала, то зачѣмъ ему сдѣлала предпочтеніе? Чѣмъ онъ лучше г. Ромуальда Ледуховскаго или многихъ другихъ, навѣрно эполетъ г. Чорбы вскружилъ голову княжны и прельстилъ такъ, что отреклась отъ своего Бога; отъ своей религіи; отъ своего отца

od swojéj religion, od swego oyca i matki, od swojéj całéj familii i wszystkich przyjaciół.

Pardon princesse matka, ty największe fote zrobiła; ty powinna była od młodzieństwa twojéj córki inspirować wszystkie sentimen, a principalmen od religion, powinnaś była, jak jeden dobry ogrodnik wszystko plantować, a plantować fundamentalemen, co że było dobrze plantowano na sercu i duszy twojéj córki, to pan Czorba nie tak silnie to wszystko mógł deressignować à la fois.

Teraz pytam się ja po co tu przyszła szanowna para? Zapewna odpowiecie po drugie fond benediction, a czemuż nie daliście mnie preference pierwszemu uczynić fond benediction, w katolickim kościele? Może ja byłbym szczęśliwym moim sermon cały wasz plan massakrować i duszę już zgubioną zwrócić do nieba. Mais teraz mautard po obiedzie, i od piekła aucun redomption, to ja już rozumiem, a jak djabeł zabrał duszę, to ja umywam ręce.

Respectable księżniczka sacrifier tu ją person contre pan Czorba passe, mais sacrifier twoję duszę i duszy wszystkich twoich dzieci za jednego p. Czorbę —to już większe nad mój rozum

и матери, отъ всего своего рода и всѣхъ друзей.

Прости княгиня мать, ты здѣсь найболѣе виновата, ты должна была отъ младенчества своей дочери внушать всѣ чувства, въ особенности чувство религіи, ты должна была какъ добрый садовникъ насаждать и насаждать фундаментально, и ежеди было бы насаждено хорошо въ сердце и душѣ твоей дочери, то г. Чорба, не могъ бы такъ легко заставить ее съ разу рѣшиться.

Теперь спрашиваю зачѣмъ пришли сюда почтеннѣйшая пара? Вѣрно отвѣтите мнѣ,—повторичный актъ благословенія, а почему же не сдѣлали мнѣ предпочтенія первому совершить актъ благословенія въ католическомъ костелѣ? Можетъ быть я былъ бы такъ счастливъ, что моимъ поученіемъ уничтожилъ бы весь вашъ планъ и душу уже погибшую возвратилъ небу. Но теперь послѣ обѣда горчица, и отъ ада никакого спасенія: это я ужъ понимаю, а какъ дьяволъ взялъ душу, то я умываю руки.

Почтенная княжна, пожертвовать свою особу за г. Чорба, еще допустимъ, но пожертвовать твою душу и души твоихъ дѣтей за одного г. Чорба, это ужъ выше моего понятія и я

detalując to ja umieram od zgryzoty.

Pierwszy w moim życiu trafił się taki przypadek, daj Bóg żeby był i ostatni. Przyszłaś ty szanowna para po confirmation tego, co już moskiewski pop powiedział *это хорошо вашъ*, a ja tego niemogę pojąć, bo nieuciekałem od swego Boga, od swego kościoła, od swoiéj religion.

Nie mogę maledikować was, bo religia katolicka niepozwala, to ja robię po prawidłach chrześcijanskich: wam życzę wszystko dobrze, szczęśliwie i wszystko zdrowie, i pamiętajcie, że przez divorce możno wszystko poprawić, i ja będę serdecznie spiewać do Ducha świętego, by wam takie sentymenta inspirował.

обсудивъ это умираю отъ горести.

Первый въ моей жизни такой случай, дай Богъ, чтобъ онъ былъ и послѣдній. Пришла ты почтенная пара за утвержденіемъ того, что уже московскій попъ сказалъ *это хорошо вашъ*, а я этого не могу понять, ибо не бѣгалъ отъ своего Бога, отъ, своей церкви, отъ своей религіи.

Не могу проклинать васъ, ибо католическая религія запрещаетъ, то я по долгу христіанскому желаю вамъ всякаго блага; счастія, здоровья, и помните, что все это можно поправить чрезъ *разводъ* и для того я буду отъ всего сердца пѣть Духу св., чтобы внушилъ вамъ эти чувства.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ВѢСТНИКА [1]).

Въ № 331 газеты »Голосъ«, мы прочли довольно курьезное письмо изъ Брацлава какого-то, повидимому, ляхомана, негодующаго на корреспондента той-же газеты, за его взглядъ на ношеніе у насъ польскихъ національныхъ костюмовъ и соединенныхъ съ ними стремленій, о которыхъ послѣдній высказалъ нѣсколько скромныхъ и правдивыхъ словъ въ № 297-мъ той же газеты, подъ рубрикою »изъ Подоліа«.

Отдавая должное чувству самосохраненія автора, гладко и наглядно маскирующаго дѣла, мы совершенно не намѣрены входить съ нимъ въ полемику, но не можемъ не заявить на

---

[1]) Этотъ отзывъ полученъ при письмѣ къ редакціи Вѣстника.

Ред.

эту тему своихъ воззрѣній, неменѣе автора намъ близкую по своему характеру. — Унасъ не Польша; намъ тяжело дышать воздухомъ, зараженнымъ революціей, вѣющей оттуда; намъ непріятно видѣть, наконецъ, наряды, напоминающіе собою польскія затѣи и вызывающіе въ памяти нашей грабежи, истязанія, убійства и проч. Не ужели этихъ причинъ недостаточно, чтобы видѣть въ чамаркахъ проблески революціонныхъ продѣлокъ?

Въ иной разъ и мы, можетъ быть, не обратили бы вниманія на того, кто и въ какомъ нарядѣ щеголяетъ на улицѣ, или вѣнчается въ церкви. Въ иной разъ и мы готовы были бы все приписывать, пожалуй, »варшавской модѣ, сообразной индивидуальнымъ вкусамъ«, но, въ настоящее, смутное время, когда подъ этими чамарками, зачастую бьется сердце, полное желчи ко всему истинно русскому, преданному своему законному Государю и отечеству, кому не покажется и страннымъ, и дикимъ, и возмутительнымъ — видѣть и потомъ прочесть, что какой-то православный субъектъ, по совращенію ли въ полонизмъ, или по другимъ жалкимъ причинамъ, представился подъ вѣнецъ въ чамаркѣ? Чамарка, признаться, не по сердцу русскому и малорусскому люду, а тѣмъ болѣе храму православному не въ угоду; ибо, какъ намъ помнится, Самъ Спаситель (въ притчѣ) приглашеннаго на брачную вечеру, но явившагося не въ одеждѣ брачной, лишилъ участія въ торжествѣ. Удивляемся, какъ еще служителю православнаго алтаря, душевно ненавидящему все то, что не благообразно и не по чину православной церкви, не достало твердости и въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру Спасителя.

Мы не станемъ говорить о томъ, что чувство самосохраненія, слишкомъ развитое въ авторѣ—защитникѣ чемарокъ, заставило его сказать нѣсколько словъ, далекихъ, впрочемъ, отъ слова правды, въ свою защиту, но, чтобъ онъ говорилъ это еще и по долгу совѣсти рѣшительно—не вѣримъ. Совѣсть, если она чиста, скорѣе приведетъ къ сознанію своей вины, допущенной вслѣдствіе временнаго заблужденія или недостатка силы мышленія: но метафизировать и, ничего не говоря о дѣлѣ, маршировать имъ, платить колкостями за слово правды и строчить чуть-чуть не брань, несообразно съ понятіемъ о совѣсти. Къ чему, напримѣръ, утверждать, что автору письма (въ № 297

Голосъ) не достало силы поразмыслить и увѣриться, что ношеніе чамарки можетъ имѣть политическое значеніе только въ Варшавѣ, но ничуть не въ Брацлавѣ, гдѣ оно слѣдствіе подражанія модѣ, сообразно индивидуальнымъ выгодамъ«? Кому, въ настоящее время, изъ маломальски мыслящихъ и свѣдущихъ людей, этимъ можно отвести глаза? Развѣ различнаго рода и вида манифестаціи, каковы: отпѣваніе общественныхъ панихидъ о такъ называемыхъ варшавскихъ мученикахъ—мятежникахъ и крамольникахъ, не имѣли тогоже значенія въ Немировскомъ, Ладыжинскомъ и другихъ нашей губерніи костелахъ, какое въ Варшавѣ? Развѣ вооруженныя шайки подъ Погребищами, Гребенками (кіевской губ.), Мирополемъ, Радзивилловомъ (волынской губ.) и др. не имѣли той же политической цѣли, въ нашемъ юго-западномъ краѣ, какое въ губерніи варшавской? Развѣ изъ подражанія варшавской модѣ и сообразно инивидуальнымъ выгодамъ повѣшенъ въ лѣсу смотритель ротмистровской почтовой станціи? И ношеніе чамарки, конфедератки, траурной одежды и другихъ вывѣсокъ и сигналовъ возстанія, или сочувствія ему развѣ способны были тревожить только жителей Варшавы, но нигдѣ болѣе, какъ наприм., въ Брацлавѣ, Винницѣ, Гайсинѣ и вообще въ мѣстностяхъ нашего края, гдѣ такъ еще живучь и въ настоящее время польскій духъ, какъ и въ прошедшее? Скажутъ, пожалуй, сторонники чамарокъ и всего прочаго, что и Мисевичъ вслѣдствіе моды готовилъ ядъ для отравы русскихъ въ м. Немировѣ. Если самому корресподенту, порицающему православныхъ щеголей въ чамаркахъ, не хватило, по мнѣнію автора, силы размышленія: то чтоже сказать ему, затѣявшему объяснять революціонные символы какою-то модою? Нѣтъ, на основаніи опыта и здраваго смысла (которымъ, при случаѣ, совѣтуемъ руководствоваться и защитникамъ чамарокъ), мы смѣло можемъ и должны заявить: что ношеніе чамарокъ, равно какъ и другихъ польскихъ національныхъ нарядовъ православными, въ высшей степени уродливо и предосудительно.

Далѣе, защитникъ чамарокъ, желая привлечь на свою сторону большинство жителей Брацлава и возбудить въ нихъ непріязнь къ корреспонденту, также, какъ видно, мѣстному жителю, прибѣгнулъ къ новоизобрѣтенной имъ риторической фигурѣ: задаетъ себѣ ложную тэму, и, усвоивъ съ деликатностью носителей чамаръ и свитъ корреспонденту эпитетъ клѣветника

»на жителей бѣднаго города, искони преданнаго Престолу и отечеству,« самъ же послѣ и опровергаетъ эту тэму. Мы согласны также, что есть и чиновники католики, преданные своему дѣлу (?) и болѣе думающіе о службѣ и долгѣ, чѣмъ о лѣсной карьерѣ; но чужая душа потемки. Есть, какъ говоритъ малороссійская пословица, между ними »люди и людища, а волка, какъ ни ласкай, а онъ все таки смотритъ въ лѣсъ«. Есть лица и непосвященныя, быть можетъ, въ тайны замысловъ революціонныхъ, для которыхъ ношеніе польскихъ нарядовъ есть средство понравиться траурнымъ патріоткамъ; есть даже и такія лица, которыя просто, по безсознательному подражанію большинству, увлекаются примѣромъ другихъ; но есть, наконецъ, и такія, на которыхъ подозрѣніе въ участіи въ революціонныхъ затѣяхъ оправдывается дѣйствительностію, какъ напр., въ г. Браилавѣ, Жилинскій и Добровольскій, а въ г. Гайсинѣ Штурмъ, у котораго найдено припасенное имъ оружіе и длинный списокъ компрометирующій многихъ чиновниковъ и дворянъ католиковъ. Быть можетъ, коммисія и время откроютъ еще и болѣе намъ фактовъ, пока еще скрытыхъ отъ недремлющихъ властей. Во всякомъ случаѣ, ношеніе варшавскихъ модъ, даетъ намъ право, въ настоящее время, сомнѣваться въ патріотичности чувствъ подобныхъ личностей, на основаніи того психическаго закона, что любовь и преданность наша выражаются внѣшними примѣтами, а ношеніе костюма, общаго врагамъ Августѣйшаго Монарха и Его правительства, есть явленія, говорящія не въ пользу этихъ чувствъ. Поэтому, если автору письма хотѣлось оправдать православнаго жениха, явившагося подъ вѣнецъ въ чамаркѣ, (см. кор. Гол. изъ Подоліи № 297) то лучше было сказать въ своемъ письмѣ: что женихъ, хотя и представился къ вѣнцу въ чамаркѣ, но единственно (положимъ) изъ угожденія роднымъ своей невѣсты католикамъ, между тѣмъ время сдѣлаетъ свое дѣло: сердце остынетъ, благоразуміе возьметъ верхъ надъ увлеченіемъ сердца и чамарка пойдетъ на чердакъ.

Что польскій элементъ въ нашемъ краѣ еще преобладаетъ надъ русскимъ, на это скажемъ такъ: помѣщики здѣсь всѣ почти католики—поляки, ихъ уполномоченные, управляющіе, лѣсничіе, экономы, счетчики и прочая, такъ называемая высшая прислуга, тоже, и такіе же католики, а иногда и совратившіеся въ католицизмъ православные (иначе православному почти невоз-

можно получить мѣсто), затѣмъ мировые посредники, до недавняго времени, были большею частію изъ помѣщиковъ поляковъ, волостные писаря тоже чуть не наполовину католики; волостные старшины, хоть избраны крестьянами, но подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ и вслѣдстіе ходатайствъ помѣщиковъ,—избраны большею частію или изъ бывшихъ въ дворовой прислугѣ, или изъ облагодѣтельствованныхъ панами и благодарныхъ имъ крестьянъ. Наконецъ чиновниковъ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ большая половина католиковъ, которыхъ семейства и дѣти живутъ и дѣйствуютъ въ духѣ совершенно польскомъ; да и сами-то чиновники говорятъ по русски только съ чиновниками православно-русской расы, и то, если эти послѣдніе выше ихъ по должности. Это все факты, нетребующіе ни какихъ подтвержденій. Отсюда очевидно, что насторонѣ поляковъ значеніе землевладѣльцевъ, богатство, административныя и родственныя связи, а на сторонѣ православнаго народа только численность, бѣдность и неподдѣльная вѣрность и преданность Престолу.

Наконецъ и догадка корреспондента, порицателя чамарокъ, о пропагандѣ смышленыхъ ксендзовъ оправдывается положительно. За что, напримѣръ, ксендзъ м. Ладыжина Томицкій высланъ въ сѣверовосточныя губерніи Россіи, а законоучитель немировской гимназіи ксендзъ Ключевскій содержится подъ арестомъ? Развѣ для догадки, не довольно и этихъ основаній?

Можетъ быть и послѣ этого защитникъ чамарокъ вздумаетъ и нашъ голосъ, основанный на фактахъ, »положа руку на сердце, назвать голосомъ нечеловѣческимъ«? Какъ угодно! Но мы бы совѣтовали этой рукой крѣпко прижать сердце, чтобъ изъ него не выходило чувство недостойное русскаго, а другой закрыть глаза предъ безпристрастной публикой, чтобы невидѣть совершившихся и совершающихся фактовъ.

Священ. Θеофилъ *Булаловскій.*

29 декабря 1863 г.

СУДЬБА ОДНОГО СЕЛЬСКАГО УЧИЛИЩА.

Попечительное правительство наше обратило особенное, самое дѣятельное вниманіе на воспитаніе и образованіе народа,

какъ на предметъ первой важности и необходимости. Оно ввѣрило это священное дѣло духовенству, какъ людямъ, которые его не испортятъ и которые, по своимъ обязанностямъ, имѣютъ больше, чѣмъ кто-либо, вліянія на народъ, и потому должны имѣть преимущество въ этомъ дѣлѣ предъ всѣми другими. И духовенство съ искреннимъ усердіемъ и любовію, нерѣдко соединенною съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ, занялось просвѣщеніемъ столь многочисленнаго класса людей, блуждавшаго во тьмѣ невѣжества и суевѣрій. Священная обязанность при этомъ лежитъ на начальникахъ, поставленныхъ быть руководителями и попечителями народнаго образованія, чтобъ они своею дѣятельностію, знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ споспѣшествовали его успѣхамъ; но всегда ли это оправдывается на дѣлѣ?.... Раскажу о моихъ занятіяхъ въ одномъ сельскомъ училищѣ.

По окончаніи курса ученія моего въ духовной семинаріи въ 1861 году, я съ сентября мѣсяца того же года, началъ заниматься въ Дей—скомъ сельскомъ училищѣ, въ которомъ былъ наставникомъ мой отецъ священникъ З—й. Принятая мною обязанность была мнѣ по сердцу: скажу безъ самохвальства, что я занимался съ дѣтьми съ любовію. Одно возбуждало во мнѣ непріятныя чувства, что мальчики нерегулярно ходили въ училище, а нѣкоторые только въ немъ числились. Желая пріучить ихъ къ надлежащему порядку, я, при каждомъ удобномъ случаѣ, объяснялъ имъ значеніе и пользу грамотности, доказывалъ, что она есть дѣло богоугодное и святое, а потому необходимое для человѣка; но что отъ него можно ожидать успѣха только при постоянномъ упражненіи и безпромежуточномъ хожденіи въ классъ; что предпочтеніе домашнихъ занятій ученію, безъ крайней нужды, дѣлаетъ ихъ неблагодарными къ правительству, пекущемуся о развитіи народа. Но когда мальчики впослѣдствіи начали жаловаться на своихъ родителей, что они служатъ причиною опущенія ими классовъ,—и что нѣкоторые изъ мальчиковъ иногда посредствомъ только бѣгства являются въ училище; тогда я просилъ своего отца, чтобъ онъ, кромѣ пастырскихъ мѣръ необходимыхъ въ этомъ случаѣ, для лучшаго успѣха, извѣстилъ окружнаго начальника и просилъ бы или лично, или письменно его начальническаго содѣйствія. Мой отецъ счелъ за лучшее лично просить его; и для

этого, явившись къ окружному начальнику, объяснилъ ему свое дѣло и просилъ его начальническаго участія. Но окружной начальникъ вдругъ рѣшилъ затрудненіе: «удивляюсь, сказалъ онъ, что вы хлопочете объ этомъ; неужели вамъ не извѣстно, что мы отживаемъ теперь на своей должности?... Да кромѣ того, воспитаніе есть дѣло произвольное: никто не имѣетъ права принуждать и насиловать.» При такомъ рѣшительномъ и рѣзкомъ отвѣтѣ окружнаго начальника, оставалось лучшее средство для сельскаго наставника, безъ дальнѣйшихъ непріятностей, бѣжать во свояси.

Не пройду молчаніемъ, что и я, при случаѣ, напоминалъ объ этомъ безпорядкѣ въ училищѣ штатному смотрителю, какъ ближайшему блюстителю сельскихъ училищъ, желая по крайней мѣрѣ знать его мнѣніе, но онъ отвѣтилъ что-то неопредѣленное, или, какъ говорится, ни да, ни нѣтъ.

Увидѣвши такой взглядъ на народное образованіе и такую степень участія мѣстнаго начальства въ этомъ святомъ дѣлѣ, я не упадалъ духомъ и не ослабѣвалъ въ занятіяхъ съ моими воспитанниками, оставленными безъ всякаго вниманія и попеченія мѣстнымъ начальствомъ. Мнѣ и самому крѣпко хотѣлось, чтобы кто либо изъ начальниковъ повѣрилъ мои занятія и успѣхи учениковъ до будущаго испытанія, чтобы я впору могъ увидѣть и исправить какіе либо недостатки въ моихъ педагогическихъ пріемахъ; но никто изъ нихъ не былъ въ училищѣ даже мимоѣздомъ. Правда, волостной голова (это тоже начальникъ училища) посѣщалъ его два раза, но незнаю почему онъ никогда не любопытствовалъ обратить вниманіе на успѣхи учениковъ, хотя, по предписанію прежде бывшаго окружнаго начальника Л. И. Р—ка, отъ 23 сентября 1854 года, старшинамъ вмѣнено въ обязанность наблюдать за занятіями *наставниковъ* и преподаваніемъ ими учебныхъ предметовъ. Вотъ отрывокъ этого курьознаго предписанія: «При чемъ обязываю волостныхъ головъ *наблюдать за занятіями наставниковъ въ училищахъ*, и если будетъ замѣчено непосѣщеніе ими училищъ въ должное время *или самое преподаваніе предметовъ ученикамъ неудовлетворительнымъ* (?)—въ тоже время доносить мнѣ.» [1]) а при этомъ, весьма натурально

---

[1]) Любопытно было бы знать, какъ это могутъ волостные,

они могли бы повѣрять и успѣхи учениковъ. И не смотря на то, что эти ревизоры училищъ большею частiю люди темные, но нѣкоторые изъ нихъ хоть по инстинкту знаютъ, что имъ слишкомъ ужъ много предоставлено чести и власти въ отношенiи сельскихъ наставниковъ. Боже мой! кто только—не начальникъ этихъ жалкихъ педагоговъ!...

Учебный годъ уже приходилъ къ концу и мои питомцы, не смотря на промежуточное посѣщенiе классовъ, особенно съ открытiемъ полевыхъ работъ, успѣли приготовиться къ экзамену повторенiемъ пройденныхъ уроковъ: всѣ они знали необходимыя для христiанина молитвы; почти всѣ прошли священную исторiю и катихизисъ, многiе часословъ, псалтырь и первую часть ариѳметики; а нѣкоторые кидали на счетахъ и понимали значенiе пѣсней, дѣйствiй и возгласовъ божественной литургiи.

Наконецъ сельскiй староста 13 iюня извѣстилъ о прiѣздѣ на другой день окружнаго начальника, для производства ученикамъ экзамена. Къ несчастiю мой отецъ сильно проболѣлъ нѣсколько мѣсяцовъ и не могъ еще присутствовать на экзаменѣ; поэтому онъ приготовилъ окружному начальнику отзывъ о состоянiи своего здоровья равно и о томъ, что сдачу экзамена поручаетъ мнѣ, прибавивъ, что я и въ теченiи всего учебнаго года занимался съ учениками. Къ четыремъ часамъ по полудни, въ день назначенный для испытанiя, заслышался звонокъ, который былъ сигналомъ приближенiя окружнаго начальника. Волостные и сельскiе урядники, а также собранные родители и родственники учащихся примѣтно засуетились, приготовляясь къ достойной встрѣчѣ своего начальника. Скоро явился въ училище и самъ окружной начальникъ И. Г. Х—кiй, вмѣстѣ съ штатнымъ смотрителемъ И. Н. Ч—ой. Послѣ молитвы, прочитанной ученикомъ, всѣ они поклонились своему начальству, а послѣднее поздоровалось и со мной. Я донесъ окружному начальнику о болѣзни моего отца и вручилъ ему его отзывъ. Только что онъ прочиталъ его и началъ разсматривать чистописанiе мальчиковъ, въ училище явился мировой посредникъ И. И. Т—ко, живущiй по сосѣдству отъ училища, съ своими гостями—почетнымъ смотрителемъ П. В. Л—мъ и еще съ

большею частiю неграмотные, готовы повѣрять удовлетворительность или неудовлетворительность метода обученiя? Ред.

какимъ то образованнымъ человѣкомъ; открылось испытаніе мальчикамъ. Окружной начальникъ вызывалъ каждаго изъ нихъ къ столику *и самъ спрашивалъ* по всѣмъ предметамъ ими пройденнымъ *въ разбивку*; испытывалъ учениковъ въ чтеніи на русскомъ языкѣ и въ письмѣ на доскѣ. Когда онъ началъ диктовать имъ цифры изъ учебника, для ариѳметическихъ примѣровъ, то я просилъ позволенія, вмѣсто примѣровъ, предложить ученикамъ для рѣшенія задачи, заимствованныя изъ быта земледѣльческаго, и мальчики высказали себя понимающими дѣло. Вообще всѣ они отвѣчали безъ всякой сбивчивости, смѣло, съ правильнымъ произношеніемъ и приличной выдержкой. За такіе успѣхи учениковъ окружной начальникъ наградилъ десятерыхъ изъ нихъ книгами, похвальными листами и шапками; почетный смотритель подарилъ всѣхъ тремя рублями; прочіе свидѣтели экзамена выражали, что они также весьма довольны успѣхами учениковъ. Правда, окружной начальникъ въ продолженіи экзамена нѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе, что мало въ училищѣ учениковъ. Учениковъ числилось 26, а на экзаменѣ, по случаю открытія полевыхъ работъ, было только 15, [1]) прибавляя, что, по положенію объ училищахъ, если нѣтъ 25 учениковъ, то училище должно быть закрыто. Какъ было бы къ мѣсту и къ случаю окружному начальнику, вмѣсто этого безполезнаго сожалѣнія и резонерства, сдѣлать обращеніе къ присутствовавшимъ здѣсь родителямъ и родственникамъ учениковъ, разъяснить имъ пользу образованія, сказать, что они будутъ преступны предъ Богомъ и своими дѣтьми, если въ настоящее время оставятъ ихъ въ такомъ невѣжествѣ, въ какомъ пребываютъ сами; что они должны посылать дѣтей своихъ въ училище и не отвлекать ихъ безъ нужды въ учебное время отъ ученическихъ обязанностей. Но простолюдинъ напрасно только потерялъ въ училищѣ цѣлый день дорогаго для него времени, не услышавъ отъ своего начальника ни одного относящагося къ нему слова! Въ заключеніе экзамена окружной начальникъ изъявилъ мнѣ благодарность за усердныя и успѣшныя занятія съ учениками.

---

[1]) А между тѣмъ, тотъ же г. окружной отказался пріохотить учениковъ къ посѣщенію классовъ. Даже на экзаменѣ не сказалъ объ этомъ ни слова. Ред.

Въ августѣ мѣсяцѣ получена отъ окружнаго начальника заведенная при каждомъ приходскомъ училищѣ, такъ называемая посѣтительная книга, въ которой помѣщаются отзывы посѣтителей о состояніи училища. Вотъ буквальная аттестація, какую далъ объ описанномъ мною экзаменѣ окружной начальникъ съ подписью и штатнаго смотрителя: «1862 года іюня 14 дня. Въ Д—мъ приходскомъ сельскомъ училищѣ на экзаменѣ было только 15 учениковъ. Изъ нихъ четыре, предназначенные къ выпуску, по случаю окончанія курса ученія, оказали успѣхи далеко неудовлетворительные, въ особенности въ писаніи подъ диктовку на доскѣ и въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачь, а прочіе 9 или 10 мальчиковъ рѣшительно остаются при первыхъ началахъ грамотности Конечно неуспѣхъ учениковъ я отношу къ тому, что наставникъ, священникъ З—кій долгое время находился да и нынѣ находится въ тяжкой болѣзни, но все же слѣдовало бы, получая за право наставника жалованье, пригласить на мѣсто свое кого либо изъ церковно-служителей, и тогда государственные крестьяне, видя каждодневныя занятія въ училищѣ, вѣроятно охотно бы помѣщали въ оное своихъ дѣтей; вообще я не могу скрыть предъ начальствомъ, что училище и по количеству учениковъ, и по успѣхамъ ихъ находится въ плохомъ состояніи.» Спустя нѣсколько времени по полученіи этой аттестаціи отъ окружнаго начальника, послѣдовало предписаніе на основаніи распоряженія Палаты Государственныхъ Имуществъ, чтобы мой отецъ сдалъ училище подъ вѣдѣніе другаго священника.

Предоставляю право читающей публикѣ судить о степени добросовѣстности такихъ дѣйствій и такого отзыва гг. окружнаго начальника и штатнаго смотрителя объ успѣхахъ учениковъ, при сличеніи съ изложенными фактами Но можно ли такъ рѣзко идти въ разводъ съ самымъ дѣломъ, не стыдясь ни почетныхъ свидѣтелей экзамена, ни совѣсти? Неужели по взгляду гг. окружнаго начальника и штатнаго смотрителя недоучившійся церковнослужитель могъ съ большимъ успѣхомъ заниматься въ училищѣ, чѣмъ окончившій съ честью свое воспитаніе въ среднемъ учебномъ заведеніи съ успѣхомъ, можетъ быть, въ сравненіи съ развитіемъ его не признанныхъ судей, далеко лучшимъ!.. Не говоря о неграмотности самой аттестаціи г. окружнаго начальника, она даже безъ-ариѳметична: по нашему счету, ес-

ли 15 мальчиковъ было на экзаменѣ и изъ нихъ 4 назначалось къ выпуску, то еще должно остаться 11; а по его счету 9 или 10; если эта грубая ошибка произошла отъ незнанія г. окружнымъ начальникомъ втораго ариѳметическаго дѣйствія, вычитанія: то какъ же онъ могъ цѣнить успѣхи находящихся подъ его начальствомъ училищъ?... Если же онъ написалъ по невниманію и небрежности или съ злымъ умысломъ уменьшить количество учениковъ, то онъ измѣнилъ своему долгу и совѣсти. Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца настоящаго года, проходя мимо нашего сельскаго училища, я увидѣлъ, что люди выносили изъ него шкафъ, скамьи и всѣ училищныя принадлежности; при видѣ этого я съ нетерпѣніемъ спросилъ о причинѣ этой дѣятельности. Они отвѣчали, что всѣ эти вещи будутъ перевезены въ мѣстечко К–ку. До сего времени не изгладилось во мнѣ то непріятное чувство, которое взволновало мою душу, при полученіи такого печальнаго извѣстія! Да и какъ можно не сожалѣть о томъ, что наше сельское общество, въ утратѣ училища, лишалось способовъ къ образованію своихъ дѣтей. За какое же преступленіе общество наше понесло такой чувствительный уронъ? За то, что на лѣтнемъ испытаніи въ наличности только 15 учениковъ. Но были–ль противъ этого предприняты мѣстнымъ начальствомъ какія либо мѣры? Неужели народъ высказалъ положительное упорство и явное нежеланіе учить грамотѣ своихъ дѣтей? Неужели въ способностяхъ и успѣхахъ, находившихся въ училищѣ учениковъ, не было задатковъ для развитія въ будущемъ. Неужели училищные начальники не замѣтили столь очевидныхъ успѣховъ нашего училища, что нѣкоторые изъ получившихъ въ немъ образованіе козачьихъ дѣтей впослѣдствіи сдѣлались лучшими въ семъ хозяевами; другіе заняли разныя должности, приличныя своему званію, а иные съ знаніемъ дѣла могутъ исполнять причетническія обязанности!

Дай Богъ, чтобы приведенный мною примѣръ равнодушія нѣкоторыхъ къ развитію народному былъ исключительный! Но что, если подобные примѣры нерѣдки, да только остаются неизвѣстными и сокрытыми. Не нужно ли послѣ этого для успѣшнаго и болѣе правильнаго хода народнаго образованія оградить права наставника, озаботиться, чтобы онъ не былъ жертвою несправедливости, самовластія, видовъ своекорыстія, а иногда и

сословной непріязни со стороны училищныхъ начальниковъ?

Учитель полтавскаго духовнаго уѣзднаго училища Петръ Затворницкій. [1]).

4 ноября 1863 года.

Примѣчаніе. Эта замѣтка прислана въ редакцію Вѣстника при слѣдующемъ письмѣ:

»Имѣю честь извѣстить уважаемую мною редакцію Вѣстника юго-западной и западной Россіи, что, будучи наставникомъ сельскихъ училищъ, я дозналь опытомъ весьма замѣтное несочувствіе народному образованію мѣстныхъ училищныхъ начальниковъ, ихъ крайнюю несправедливость въ оцѣнкѣ успѣховъ сельскихъ училищъ и ихъ непомѣрное самовластіе надъ бѣдными наставниками училищъ и самыми училищами. Чтобы подобное зло, препятствующее народному развитію, не оставалось не наказаннымъ, я рѣшаюсь предать гласности хоть одинъ въ этомъ родѣ случай«.

ИЗЪ МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Знаете ли вы, любезные читатели, о чемъ я хочу заикнуться сегодня? Я хочу доложить вамъ о значеніи, какое имѣетъ въ западно-русскомъ краѣ *унито-нѣмецкій элементъ*...

---

[1]) Мы удерживались нѣкоторое время съ помѣщеніемъ этой, весьма поучительной замѣтки на страницахъ Вѣстника потому, что она казалась намъ почти баснословною, но теперь, убѣдившись въ фактической ея вѣрности—отъ начала до конца и подмѣтивъ довольно похвальныхъ явленій вокругъ себя, мы съ удовольствіемъ исполняемъ порученіе г. Затворницкаго. Его замѣтка краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всѣхъ теорій проэктовъ говоритъ о томъ, откуда угрожаетъ опасность народному развитію. что и кто не нравится нѣкоторымъ при этомъ развитіи, кто долженъ быть безконтрольнымъ двигателемъ и направителемъ народнаго образованія, какой долженъ быть его характеръ и направленіе. Ред.

На всемъ пространствѣ западной Россіи немало разбросано по разнымъ служебнымъ должностямъ ех–унитовъ и господъ нѣмецкой породы. Многіе изъ нихъ давно рѣшили вопросъ о своей народности и честно проходятъ поприще, *въ не же призвани суть*, а многіе, на перекоръ добросовѣстности и здравой логикѣ, — *сущіе* враги нашего отечества, хотя нерѣдко, нужно сказать, съ самою безцвѣтною фирмою своей религіи и національности....

О послѣднихъ–то и поведу я рѣчь свою.

Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстна исторія іезуитскаго хитросплетенія или уніи, извѣстно также, что многіе ех–униты такъ странно воспитаны, что, глядя на нихъ, невольно спросишь: православные ли они, католики–ли, жиды–ли?.. Чтожъ они такое? Бѣлорусскіе мужички такихъ господъ окрестили словцомъ: *»вуниты«*.

Эти вуниты люди *практическіе*, не видящіе ничего далѣе *своихъ личныхъ интересовъ и цѣлей*. По образу жизни они католики, по религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ они или *паны* или полнѣйшіе космополиты.... Нечего правительству и обществу вѣрить вунитамъ. Эти господа не остановятся ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Интриговать благороднѣйшую личность, которая стоитъ имъ по дорогѣ— явленіе обыкновенное. За деньги сдѣлать всякое беззаконіе— это, кажется, ихъ девизъ. Вуниты, значась по формуляру православными, смѣлѣе дѣйствуютъ на пользу поляковъ, отъ которыхъ они, въ свою очередь, получаютъ вещественныя или невещественныя благодарности. Вуниты, имѣя у себя протекторовъ (не рѣдко *родичей*) въ средѣ свѣтскихъ или духовныхъ властей, невыносимы своею спѣсью и подлостью. Имъ все нипочемъ. Они знаютъ, что у нихъ есть бабушки, которыя умѣютъ ворожить.... Съ русскими вуниты говорятъ по русски и не прочь ругнуть подъ часъ поляковъ, смотря по обстоятельствамъ; съ поляками вуниты чистѣйшіе поляки... Загляните въ ихъ душу, и вы невольно скажете, что вуниты переходящее племя въ числѣ обитателей западно–русскаго края.

На этихъ вунитовъ нужно смотрѣть *въ оба*, чтобы не дать маху. Польскій катихизисъ, должно полагать, былъ въ программѣ ихъ воспитанія. . . . .

Нѣмецкій элементъ западной Руси заключается главнымъ

образомъ не въ тѣхъ *гошподахъ*, которые по-нѣмецки пьютъ пиво и курятъ сигары. Между такими господами весьма много хорошихъ людей. Не о нихъ моя рѣчь. Я говорю о той нѣмчурѣ, которая, усѣвшись всякими правдами и неправдами по *всякихъ* мѣстахъ, бездѣйствуетъ и до того развила свое животное чувство самосохраненія, что вся ея дѣятельность направлена лишь къ тому, какъ бы *ладить съ людьми* и устроивать все такъ, чтобы и *козы были сыты и сѣно цѣло*, понимая эту пословицу въ особенномъ смыслѣ.... Эта нѣмчура твердитъ въ своей душѣ, а не рѣдко и въ польскомъ обществѣ, пословицу: ibi bene — ubi patria. Попадись подъ начальство этимъ *убипатристамъ* русская молодежь, желающая служить такъ служить, а не картавить... пропала такая молодежь. А если эти господа замѣтятъ, что молодежь понимаетъ ихъ натуру и видитъ ихъ прорѣхи,... то несдобровать вамъ, миссіонеры православно-русской народности! Васъ вымажутъ сажею предъ вашимъ начальствомъ, улучивъ къ тому удобныя минуты, въ васъ будутъ метать камни, прячась за спины личностей, стоящихъ около начальства.

Положительно можно сказать, что унито-нѣмецкій элементъ это тормозъ православно-русской народности въ западно-русскомъ краѣ. Но утѣшимъ себя мыслію, что для нашего края настала новая эпоха, что *вуниты* и *нѣмчура* будутъ понимаемы въ собственномъ смыслѣ и по немногу будутъ отодвигаться съ перваго плана картинъ на послѣдній [1]).

Ортодоксъ.

г. Минскъ, мин губ.
2 декабря 1863 года.

---

[1]) Мы вполнѣ увѣрены, что замѣтка минскаго корреспондента имѣетъ свой смыслъ и свой мѣстный интересъ, а потому, не имѣя основанія отказать ей въ пріютѣ на страницахъ Вѣстника, мы все таки не можемъ не сказать, что, для большей ея силы и достовѣрности, намъ хотѣлось бы видѣть въ ней болѣе фактической доказательности и индивидуальности. Ред.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

Скажите, какъ назвать тотъ нравственный поступокъ,
Какъ если кто-нибудь сойдетъ съ ума,
И послѣ глупостей, проказъ и дерзкихъ шутокъ
Начнется съ нимъ такая кутерма,
Что онъ, избитый весь и весь окровавленный,
Затѣетъ лбомъ пробить толстѣйшую стѣну,—
А всѣ друзья его, задоромъ восхищенны,
Стоятъ и уськаютъ его:«а ну! а ну!
«Смѣлѣе бейся лбомъ! сражайся, что есть мочи,
«Покуда трѣснетъ лобъ, покуда лопнутъ очи!«
И сумасшедшій, внявъ совѣту такому,
Такъ хватитъ головой о каменну стѣну,
Что и протянетъ ноги.....
Тогда друзья его, произнося судъ строгій,
Начнутъ вину всю на стѣну слагать,
И все событіе такъ будутъ объяснять:
«Хотя мы не могли *герою* помогать,
«Но мы ему всегда *симпатизировали*,
«И не скрывали,
«Что мы ему успѣха въ битвѣ всѣ желали;
«Не мы причиною,—стѣна виновна въ томъ,
«Что онъ не могъ пробить ее могучимъ лбомъ;
«Но, впрочемъ, онъ достоинъ уваженья
«Сочувствія,любви и даже удивленья?!!......
. . . .
Поймете-ль наконецъ, несчастные ляхи,
Какъ всѣ пріятели злодѣйствуютъ надъ вами
Своимъ *сочувствіемъ* и нѣжными словами?-..
Иль... каменну стѣну вы, за свои грѣхи,
Во чтобъ то ни было, разбить рѣшились лбами?!...

И. К.

* * *

Весь убогая, грязь, за болотомъ
Лѣсъ чернѣетъ—огроменъ и дикъ,

Ниву скудную—кровью и потомъ
Утучнилъ бѣлорусскій мужикъ..

Удрученъ иноземной неволей,
Точно нищій въ лохмотьѣ, худой,—
Онъ, воюя съ тяжелою долей,
Палъ забитый, запуганъ бѣдой..

«Какъ воловъ на работу отъ мала
До велика—сгоняли въ поля...
Ликовали паны—и стонала
Полоненная нынѣ земля..

Но никто изъ великой отчизны
Не слыхалъ ея горькой мольбы..
И нечуялъ ея укоризны,—
Потаенной, смертельной борьбы..

И, измучены, братья родные
Гибнутъ въ тяжкой, неравной войнѣ..
О! забудьте страдальцы святые,
Вы о нашей великой винѣ..

Дѣти сирыя, вдовы и жены..
Вы—золотые кровы поля—
Не кляните насъ!.. Тяжкіе стоны
Услыхала вся наша земля!..

Переполнилась горечи чаша..

. . . .

5 декабря 1863 г.
Августовъ.

Е. Тотьманъ.

ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.

(Извлеченія изъ русскихъ газетъ и журналовъ.)

Циркулярное предложеніе г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края начальникамъ губерній: виленской, гродненской, ковенской, минской, могилевской и витебской отъ 1-го января 1864 года.—Высочайшимъ повелѣніемъ 24 апрѣля 1863 года воспрещено

всѣмъ мѣстнымъ обывателямъ, кромѣ крестьянъ, отлучаться съ мѣстъ жительства на разстояніе болѣе 30 верстъ безъ особыхъ видовъ, выданныхъ губернскимъ или военнымъ уѣзднымъ начальствами, и за нарушеніе сего правила повелѣно подвергать: мѣщанъ и однодворцевъ отдачѣ въ рабочія роты вѣдомства путей сообщенія на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, а дворянъ заключенію въ тюрьмѣ на тѣже сроки и штрафу отъ 50 до 500 руб. сереб. Высочайшее повелѣніе это опубликованно 5 мая тогоже года въ губерніяхъ виленской, гродненской, ковенской и минской.

Затѣмъ 8 іюня предписано мною начальникамъ какъ поименованныхъ выше четырехъ губерній, такъ равно витебской и могилевской, для точнаго руководства и исполненія, чтобы помѣщики не отлучались изъ своихъ мызъ и имѣній, безъ дозволительныхъ на то билетовъ отъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, а въ примѣчаніи къ § 2 перваго дополненія къ инструкціи для военно-гражданскаго управленія указано, что для отлучки по губерніи необходимо имѣть дозволеніе мѣстнаго военнаго начальника уѣзда, для выѣзда въ другія губерніи—разрѣшеніе губернатора, а выѣздъ въ Царство Польское дозволяется не иначе, какъ съ особаго моего разрѣшенія.

Между тѣмъ, — не смотря на приведенныя выше распоряженія, опубликованныя и извѣстныя по Высочайше ввѣренному мнѣ краю какъ мѣстнымъ военнымъ и полицейскимъ властямъ, такъ равно и всѣмъ жителямъ онаго, — до свѣдѣнія моего доходитъ, что многіе изъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, шляхты, однодворцевъ, городскихъ обывателей, и другаго званія и состоянія людей отлучаются съ мѣстъ своихъ жительствъ не по установленнымъ выше видамъ, а по свидѣтельствамъ и билетамъ, выданнымъ изъ волостныхъ управленій, отъ предводителей дворянскихъ депутатскихъ собраній, а также отъ приходскихъ ксендзовъ, городскихъ думъ, магистратовъ, ратушей, и отъ другихъ разныхъ мѣстъ и лицъ, не принадлежащихъ къ военному или полицейскому управленію. Равнымъ образомъ, нѣкоторые для таковыхъ отлучекъ пользуются билетами и видами, которые были имъ выданы прежде, безъ означенія сроковъ и указанія мѣстъ ихъ отлучки, и безъ описанія примѣтъ лица, которому такой видъ былъ выданъ, такъ что виды сіи могутъ служить и другимъ лицамъ, не получившимъ права на отлучку. Обстоятельство это тѣмъ важнѣе въ настоящее

время, что съ помощью такихъ видовъ, какъ оказывается изъ производящихся дѣлъ, люди злонамѣренные, преступные и принадлежавшіе къ мятежнымъ шайкамъ, пробираются изъ ввѣреннаго мнѣ края за границу или въ другія прилежащія губерніи и въ столицы, и такимъ образомъ укрываются отъ преслѣдованія закона.

Для отклоненія такихъ злоупотребленій и для предупрежденія всякихъ средствъ и способовъ злоумышленникамъ и другимъ подозрительнымъ лицамъ укрываться отъ наблюденія полиціи, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать извѣстнымъ по ввѣренной вамъ губерніи и предписать военнымъ уѣзднымъ начальникамъ и чинамъ уѣздной и городской полиціи къ непремѣнному исполненію слѣдующія распоряженія:

1) Подтвердить, чтобы приведенное выше Высочайшее повелѣніе 24 апрѣля, а равно циркулярное распоряженіе мое отъ 8 іюня и § 2 перваго дополненія къ инструкціи для военно-гражданскаго управленія, были исполняемы въ точности и неукоснительно.

2) Поставить во всеобщую извѣстность и строго наблюдать, чтобы никто изъ помѣщиковъ, дворянъ, шляхты, чиновниковъ, ксендзовъ, купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ, и иныхъ лицъ неотлучался съ мѣста жительства иначе, какъ за билетомъ полученнымъ отъ военнаго уѣзднаго начальника или его помощника, или же отъ уѣзднаго исправника или пристава того стана, въ которомъ лица эти имѣютъ постоянное мѣсто жительства, а жители губернскихъ городовъ за билетомъ полиціймейстера. При чемъ, для отлучки въ тотъ же уѣздъ на разстояніе болѣе 30 верстъ отъ мѣста жительства, билеты могутъ быть получаемы отъ исправниковъ и становыхъ приставовъ уѣздной полиціи, а для поѣздки въ другіе уѣзды той же губерніи—отъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, или за отсутствіемъ оныхъ отъ ихъ помощниковъ; выѣздъ же въ другія губерніи дозволяется не иначе, какъ по билету начальника губерніи.

3) Военнымъ уѣзднымъ начальникамъ, ихъ помощникамъ, полиціймейстерамъ, а равно уѣзднымъ исправникамъ, помощникамъ ихъ и становымъ приставамъ строго предписать, чтобы билеты помѣщикамъ и другимъ поименованнымъ выше лицамъ на отлучку съ мѣстъ жительства выдаваемы были съ большою осмотрительностью, а также чтобы въ билетахъ означаемы были подробныя примѣты какъ отлучающагося

лица, такъ и сопровождающихъ его, и всей прислуги, съ показаніемъ срока, на который дозволена отлучка, и мѣста, куда отправляется получатель. Сроки эти могутъ быть назначаемы: для поѣздки по уѣзду—не болѣе 1 мѣсяца, а для выѣзда въ другіе уѣзда тойже губерніи—не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ; билеты же, выдаваемые губернаторами для выѣзда въ другія губерніи могутъ быть срокомъ не болѣе какъ на 6 мѣсяцевъ.

4) Лица, отлучившіяся изъ уѣзда по срочнымъ билетамъ, выданнымъ имъ военными начальниками или чинами полиціи, если по истеченіи срока не могутъ по какимъ либо уважительнымъ причинамъ возвратиться на постоянное мѣсто своего жительства,—должны предъявить о томъ военному начальнику того уѣзда, въ которомъ они временно пребываютъ. При чемъ военный начальникъ, если признаетъ возможнымъ дальнѣйшее пребываніе этого лица въ мѣстѣ его отлучки, дѣлаетъ на билетѣ надпись за № и своею печатью, съ означеніемъ срока, на который дозволено имъ пребываніе этому лицу въ его уѣздѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ о продолженіи срока военнаго начальника того уѣзда, откуда прибылъ испрашивающій отсрочки.

Примѣчаніе: вообще отсрочки не могутъ быть дозволяемы болѣе какъ на 2 недѣли—для выѣхавшаго въ тотъ же уѣздъ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣсто жительства, и не болѣе 1 мѣсяца—для отлучившагося въ другой уѣздъ той же губерніи.

5) О выдаваемыхъ билетахъ на отлучку, въ становыхъ квартирахъ, а также въ управленіяхъ военныхъ уѣздныхъ начальниковъ и уѣздныхъ исправниковъ, долженъ быть веденъ точный и правильный отчетъ. Для сего должна быть заведена въ этихъ управленіяхъ книга, для отмѣтки въ оной, кому выданъ билетъ, куда и на какой срокъ;—равнымъ образомъ, въ другой особой книгѣ записываются всѣ лица, прибывающія въ уѣздъ по билетамъ изъ другихъ мѣстъ, и отмѣчается время ихъ выбытія обратно.

Примѣчаніе: Для усиленія канцелярскихъ средствъ къ содержанію и веденію въ должномъ порядкѣ какъ обывательскихъ книгъ, такъ равно и означенной выше въ этомъ пунктѣ отчетности по предмету выдачи билетовъ, назначается военнымъ уѣзднымъ начальникамъ, сверхъ получаемой ими нынѣ суммы на канцелярію, по 25 руб. сер. въ мѣсяцъ изъ суммъ 10% сбора съ помѣщичьихъ имѣній.

6) Билеты на отлучку по уѣзду выдаются на простой бумагѣ, а на выѣздъ въ другіе уѣзды той же губерніи, на гербовой 30 коп. достоинства, — примѣняясь къ формѣ установленной закономъ для срочныхъ билетовъ (см. т. XIV св. зак. приложеніе къ ст. 130 Уст. о паспор. и бланкахъ).

7) Тѣ изъ лицъ, которыя до настоящаго времени пользовались находящимися у нихъ билетами и паспортами, выданными имъ не отъ военнаго и полицейскаго начальства, а отъ другихъ мѣстъ и лицъ, обязаны до 1 будущаго февраля предъявить эти виды уѣзднымъ военнымъ или полицейскимъ властямъ, для перемѣны оныхъ на новые по указанному выше порядку. При чемъ, если таковые билеты были имъ выданы на срокъ далѣе 1 февраля и окажутся не подложными, а дѣйствительными, и при томъ мѣстная военная, или полицейская власть признаетъ ихъ уважительными, то предоставляется симъ властямъ, въ замѣнъ тѣхъ билетовъ, выдать имъ новые до окончанія сроковъ, обозначенныхъ въ прежнихъ билетахъ.

8) За симъ, на основаніи настоящихъ распоряженій, предписать всѣмъ городскимъ думамъ, уѣзднымъ казначействамъ и другимъ мѣстамъ, изъ которыхъ выдаются паспорты, чтобы таковые, впредь до особаго распоряженія, выдаваемы были не иначе, какъ по засвидѣтельствованію и разрѣшенію, для городскихъ жителей—полиціймейстера, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—военнаго уѣзднаго начальника, или его помощника.

Для полученія же разрѣшенія на выдачу паспорта необходимо должно быть представлено: купцами, мѣщанами, однодворцами и шляхтою—засвидѣтельстованіе городскаго или сельскаго общества о томъ, что испрашивающее паспортъ лицо есть дѣйствительно то самое, на чье имя долженъ быть выданъ паспоръ, а помѣщиками—удостовѣреніе предводителя дворянства или 3-хъ благонадежныхъ помѣщиковъ. За помѣщичью прислугу должны представить ручательство тѣ самые помѣщики, у которыхъ прислуга эта находится и съ которыми отправляется въ отъѣздъ. Выдающіе приведенныя выше посвидѣтельстованія предводители дворянства, помѣщики, а равно и общества городскія или сельскія, принимаютъ на себя отвѣтственность за то лицо, о которомъ свидѣтельсвуютъ, и подвергаются установнымъ штрафамъ, въ случаѣ оказавшейся неблагонадежности этого

лица въ политическомъ отношеніи или неправильнаго засвидѣтельствованія.

9) Всѣ изложенныя выше правила для отлучекъ съ мѣста жительства и для полученія дозволенія на оныя распространяются на ксендзовъ и вообще на римско-католическое духовенство.

10) Съ 1 февраля 1864 года, если окажутся гдѣ либо лица поименованныхъ выше сословій, проживающія не на мѣстахъ постояннаго своего жительства, и безъ билетовъ отъ указанныхъ выше военныхъ и полицейскихъ властей, равнымъ образомъ, если находящіеся въ отлучкѣ не предъявятъ къ 1 февралю подлежащимъ начальствамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, билеты свои для испрошенія перемѣны оныхъ, то съ таковыхъ немедленно снимать показанія и тѣхъ, которые окажутся сомнительными, брать подъ строгій полицейскій надзоръ, впредь до полученія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній; лицъ же, оказавшихся неблагонадежными въ политическомъ отношеніи — брать подъ стражу или отдавать на благонадежное поручительство, и доносить о нихъ начальнику губерніи; прочихъ за тѣмъ, оказавшихся только виновными въ несоблюденіи установленнаго порядка о полученіи надлежащаго билета на отлучку или отсрочку, выслать на мѣста ихъ жительства и увѣдомлять о томъ военнаго начальника того уѣзда, для распоряженій со стороны его о взысканіи съ этихъ лицъ штрафа, установленнаго приведеннымъ выше Высочайшимъ повелѣніемъ 24 апрѣля; при чемъ предоставляется усмотрѣнію начальника губерніи опредѣленіе размѣра штрафа, сообразно званію лица, съ котораго оный долженъ быть взысканъ. Безпаспортныхъ же иностранцевъ и уроженцевъ Царства Польскаго, не имѣющихъ узаконенныхъ видовъ и оказавшихся сомнительными, немедленно брать подъ арестъ и доносить о нихъ начальнику губерніи.

Поручая вашему превосходительству возложить точное исполненіе всего означеннаго выше на обязанность военныхъ уѣздныхъ начальниковъ и чиновъ уѣздной и городской полицій, я прошу васъ, милостивый государь, передать имъ, что отъ распорядительности ихъ и неослабнаго наблюденія я ожидаю, чтобы съ указаннаго выше срока, то есть съ 1 будущаго февраля, не находилось въ городахъ и уѣздахъ ни одного праздношатающагося и подозрительнаго лица; равнымъ оброзомъ, чтобы отлучки изъ уѣзда помѣщиковъ, шляхты, ксен-

дзовъ и другаго званія лицъ, поименованныхъ выше во 2-мъ пунктѣ, дозволяемы были не иначе, какъ на основаніи указаній изложенныхъ выше во 2-мъ, 4-мъ и 7-мъ пунктахъ сего циркуляра.

О всѣхъ сихъ распоряженіяхъ прошу ваше превосходительство сдѣлать извѣстнымъ и по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ ввѣренной вамъ губерніи, для руководства служащимъ въ оныхъ чиновникамъ.

Генералъ отъ инфантеріи **Муравьевъ 2-й.**

— **Особыя объявленія и предписанія начальства для свѣдѣнія и исполненія домовладѣльцевъ и всѣхъ жителей г. Вильно, за последнее время были слѣдующія:** — 1) Воспрещены сборы денегъ по костеламъ, которые производились женщинами высшаго сословія подъ видомъ вспомоществованія бѣдныхъ, а преимущественно употребляемыя для формированія и содержанія шаекъ. 2) Предложено всѣмъ обывателямъ города въ ночное время имѣть при себѣ зазженные фонари; тѣхъ же, кто неисполнитъ этого, подвергать штрафу въ размѣрѣ одного рубля. 3) Приказано въ ночное время всѣмъ извощикамъ имѣть у экипажей зазженные фонари. 4) Заведено дежурство въ ночное время, изъ полицейскихъ чиновниковъ, изъ коихъ одинъ частный приставъ и въ каждой части по одному помощнику обязаны во всю ночь объѣзжать: первый весь городъ, а послѣдніе части города. 5) Вмѣнено въ обязанность назначать по одному городовому съ фонаремъ при каждомъ патрулѣ, обходящемъ городъ въ ночное время. 6) Предложено жителямъ города, чтобы у входовъ въ харчевни, трактиры, гостинницы, заѣзжіе домы и аптеки, горѣли фонари цѣлую ночь. 7) Предложено во всѣхъ домахъ, имѣющихъ проходные дворы, закрыть другіе выходы. 8) Предложено всѣмъ содержателямъ трактировъ, гостинницъ, кофейныхъ домовъ и разныхъ другихъ открытыхъ заведеній имѣть по одному выходу на улицу и по одному во внутрь двора, излишніе же заперты и опечатаны. 9) Опубликовано въ городѣ, чтобы никто несмѣлъ употреблять другой мѣры, кромѣ узаконенной мѣры аршина, какъ о томъ было обнародовано еще въ 1840-мъ году. 10) Предложено вывѣски надъ магазинами, лавками, трактирами и всѣми заведеніями имѣть на русскомъ языкѣ. 11) Предложено въ гостинницахъ, магазинахъ, аптекахъ, и вообще вездѣ, счеты, подаваемые покупателямъ, объявленія, карточки, ярлыки и проч-

писать по русски. 12) Предложено всей прислугѣ изъ иностранцевъ въ гостинницахъ, отеляхъ и т. д. изучать языкъ страны, которою они благодѣтельствованы, т. е. русскій, на столько, чтобы понимали самыя обыкновенныя требованія посѣтителей. 13) Приняты самыя энергическія мѣры къ искорененію перекупства продуктовъ привозимыхъ изъ деревень въ городъ. 14) Легковымъ извощикамъ воспрещена весьма быстрая ѣзда по многолюднымъ улицамъ города. 15) Ломовымъ извощикамъ воспрещено накладывать тяжести сверхъ силы лошади, а за неисполненіе этого опредѣленъ штрафъ. 16) Приказано, чтобы нищіе-калеки были переданы на попеченіе въ богоугодныя заведенія, прочіе же—чтобы были водворены въ подлежащія общества, къ какимъ приписаны. 17) Всѣ сборища толпами воспрещены. 18) Ношеніе траура, какъ выраженіе сочувствія къ революціоннымъ демонстраціямъ, воспрещено; выданы билеты тѣмъ только, кто дѣйствительно лишился самыхъ близкихъ родныхъ. 19) Приведены въ порядокъ и опрятность мясные ряды. 20) Воспрещена мелочная торговля на тротуарахъ улицъ и ношеніе по онымъ тяжестей. 21) Заведены домовыя книги по особо-изданной г. начальникомъ губерніи формѣ для записки всѣхъ жильцевъ. 22) Предложено имѣть въ каждомъ домѣ при входѣ доски, на коихъ записываются фамиліи всѣхъ безъ изъятія жильцевъ дома. 23) Воспрещено куреніе табаку и сигаръ на улицахъ. 24) Воспрещено ношеніе въ городѣ дубинъ и палокъ и 25) Замѣчено и открыто, что многіе изъ лицъ разнаго званія, скрывая свою личность, пользуются чужими, непринадлежащими имъ, письменными видами; почему для прекращенія этого зла, предложено на всѣхъ письменныхъ видахъ, кромѣ описанія точныхъ примѣтъ лица чей видъ, имѣть еще завѣреніе въ дѣйствительности онаго того общества, къ которому то лице принадлежитъ, подъ личною отвѣтственностію подлежащаго начальства.

— **Объ учрежденіи въ г. Вильнѣ безденежныхъ школъ для христіанскихъ дѣтей всѣхъ сословій.**—Господинъ главный начальникъ края, усматривая изъ донесеній полиціи, что въ г. Вильнѣ многіе мальчики изъ низшихъ христіанскихъ сословій проводятъ время въ вредномъ для нравственности бездѣльи и праздномъ шатаньи по улицамъ, и желая обратить этихъ дѣтей къ труду и полезнымъ за-

нятіямъ изволилъ приказать: а) учредить въ Вильнѣ на первый разъ три двухклассныя приходскія училища съ безплатнымъ преподаваніемъ, для всѣхъ состояній, в) сдѣлать обученіе въ этихъ училищахъ обязательнымъ,—на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Учебный курсъ училищъ состоитъ изъ Закона Божія, преподаваемаго согласно исповѣданіямъ учащихся, русской грамоты, русскаго языка и ариѳметики. Всѣ эти предметы излагаются въ такомъ объемѣ, чтобы дѣти могли вмѣстѣ съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ пріобрѣсти въ нихъ свѣдѣнія основательныя и прочныя.

2) Преподаваніе, за исключеніемъ праздничныхъ дней, производится ежедневно отъ 9 до 12 часовъ и учебный годъ заключается переводными и выпускными экзаменами.

3) Поступающіе въ училища мальчики, должны имѣть не менѣе 8 лѣтняго возраста. Распредѣленіе ихъ по классамъ совершается на основаніи ихъ познаній.

4) Посѣщеніе приходскихъ училищъ обязательно для всѣхъ, отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, мальчиковъ, не обучающихся въ другихъ заведеніяхъ или подъ руководствомъ домашнихъ учителей, имѣющихъ законное дозволеніе на эти занятія.

5) Родители, не исполнившіе означеннаго требованія, подвергаются штрафу, взыскиваемому полиціею въ размѣрѣ отъ 1 до 5 руб., смотря по состоянію виновныхъ.

Примѣчаніе. Исключеніе дѣлается лишь для тѣхъ мальчиковъ, которые состоятъ въ обученіи какому либо ремеслу, но и они обязаны непремѣнно ходить въ приходскія училища по воскреснымъ днямъ въ часъ по полудни.

6) Обучающимся въ приходскихъ училищахъ дѣтямъ выдаются, за подписью учителей и съ приложеніемъ казенной печати, особые билеты, предъявленіе коихъ принимается полиціею за доказательство, что требуемыя сими правилами обязанности исполняются родителями.

6) Лица, которыя занимаются частнымъ обученіемъ, не получивъ на то законнаго дозволенія, а равно родители, родственники и опекуны, отдающіе дѣтей на обученіе такимъ лицамъ, подлежатъ взысканію 75 рублей и болѣе, согласно уложенію о наказ. уголовн. и исправит. Вновь учреждаемыя училища помѣщаются: 1) на Рудницкой улицѣ, въ домѣ Свенцицкой. 2) на Зарѣчьи, въ домѣ Ясевича.

Всеподданнѣйшее письмо епископа августовской епархіи, графа Лубенскаго.

Ваше Императорское Величество!

Съ тѣхъ поръ, какъ выборъ Вашего Императорскаго Величества и каноническое утвержденіе святѣйшаго отца призвали меня на сейнское епископство, самою большою милостью, какую угодно было Всевышнему ниспослать на меня, я считаю торжественный случай, доставившій мнѣ возможность повергнуть къ подножію престола Вашего Величества выраженіе чувствъ, преисполняющихъ мое сердце. Въ то время, какъ я долженъ былъ оставить мою епархію, чтобы принять священное елеопомазаніе, которое, озаривъ смиреннаго грѣшнаго, причислило его къ высшимъ іерархамъ церкви Господа нашего Іисуса Христа и къ наслѣдникамъ святыхъ апостоловъ; въ то время, какъ впервые, вознося вновь посвященныя руки мои къ небу, я призываю благословеніе его на мою паству, духовенство моей епархіи предполагало представить Вашему Величеству всеподданнѣйшіе адресы, и намѣреніе свое исполнило немедленно. Я счастливъ, что могу присоединиться къ моему духовенству въ составленіи акта, который я считаю внушеніемъ самаго Провидѣнія; случайное же удаленіе мое отъ духовенства моей епархіи, вызванное обстоятельствами, придаетъ моей мысли, моимъ чувствамъ, выраженіе болѣе личное, болѣе точное, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось быть истолкователемъ общей мысли.

Позвольте же мнѣ, Ваше Величество, повторить мои вѣрноподданническія чувства и вѣрность, на которыя, въ день моего посвященія, я предъ алтаремъ далъ добровольную и торжественную клятву. Заявивъ эти чувства предъ Богомъ и предъ церковью, я тѣмъ болѣе проникнулся горячимъ желаніемъ оправдать ихъ безусловно на дѣлѣ.

Молю Всевышняго—да ниспошлетъ Онъ благословеніе на труды мои въ исполненіе этой священной для меня обязанности, да увѣнчаетъ Онъ эти труды благотворными плодами, для славы царствованія Вашего Величества и для блага моей паствы.

Соблаговоли, Августѣйшій Государь, принять дань глубочайшаго уваженія и преданности, съ которыми остаюсь навсегда

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, Константинъ-Ириней, епископъ сейнскій. Вильно, 2/14-го января 1864 г.

Государь Императоръ, по представлении означеннаго письма статсъ-секретаремъ Платоновымъ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: объявить епископу Лубенскому за таковое выраженіе его вѣрноподданническихъ чувствъ Высочайшее благоволеніе. (Бирж. Вѣд.)

Всеподданнѣйшее письмо виленскаго р. католическаго духовенства.

Въ первомъ № Виленскаго Вѣстника было сказано, что въ день новаго года управляющій виленскою р. к. епархіею прелатъ препозитъ Іосифъ Вовкевичъ, съ цѣлымъ капитуломъ и главнѣйшими представителями бѣлаго и монашествующаго духовенства г. Вильно, поднесли г. главному начальнику края всеподданнѣйшее, на имя Государя Императора, письмо, отъ всего сословія римско-католическаго духовенства виленской епархіи.

Всеподданнѣйшее это письмо слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь,

„Августѣйшій Монархъ!

„Смиренные служители олтарей просятъ Тебя, Государь, принять чистосердечное изъявленіе чувствъ глубокой и неизмѣнной преданности и безпредѣльной покорности къ Твоему Престолу.

„Принадлежа къ краю, составляющему одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіею, римско-католическое духовенство виленской епархіи, помня присягу, Тебѣ принесенную, пребудетъ всегда вѣрноподданнѣйшимъ сословіемъ Твоей великой Державы.

„Не отвергни, Государь, неизмѣрнаго изліянія нашихъ сердецъ, воззри окомъ милосердія на заблудшихъ и увлеченныхъ собратій нашихъ, забывшихъ свое святое призваніе и долгъ вѣрноподданнаго, пріими насъ, Августѣйшій Помазанникъ, въ среду Твоихъ вѣрноподданныхъ, возносящихъ къ Всевышнему теплыя молитвы о сохраненіи драгоцѣнныхъ дней Твоихъ." (Подлинное подписали 63 лица и подписка онаго продолжается по виленской епархіи).

Письмо это было препровождено его высокопревосходительствомъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, который увѣдомилъ нынѣ,

что, по всеподданнѣйшему его о семъ докладу, Государю Императору благоугодно было повелѣть объявить помянутому духовенству Высочайшее благоволеніе Его Величества.

Извѣстія изъ Вильно.

Мы уже своевременно извѣщали читателей объ открытіи въ Вильно двухъ народныхъ школъ для евреевъ. Не смотря на новизну дѣла, не смотря на зимнее время, въ одной изъ нихъ, состоящей на Жмудской улицѣ, въ домѣ Малиновскаго, число мальчиковъ, заявившихъ желаніе учиться, до того оказалось великимъ, что должно было устроить двѣ смѣны, считая въ каждой по 120 учениковъ.

Достойно вниманія, что учителя школы охотно согласились нести двойной трудъ, безвыходно съ обѣими смѣнами заниматься ежедневно слишкомъ по пяти часовъ, не требуя за то никакой прибавки къ получаемому ими жалованію.

Нельзя не порадоваться столь похвальнымъ дѣйствіямъ тружениковъ учителей, за что, и въ этомъ мы увѣрены, всякій отъ глубины души скажетъ имъ русское спасибо.

О другой школѣ, помѣщающейся на Конномъ рынкѣ и въ которой обучаются 150 мальчиковъ, спѣшимъ сообщить слѣдующій утѣшительный фактъ.

Любознательность еврейскихъ мальчиковъ доходитъ до того, что, по окончаніи уже класса, они просятъ учителей еще нѣсколько времени остаться въ школѣ и продолжать ученіе; доказательствомъ же успѣшнаго тамъ преподаванія можетъ служить то обстоятельство, что два, или три мальчика, невидавшіе даже отъ роду русскихъ письменъ, въ какія нибудь полторы или двѣ недѣли усвоили себѣ процессъ чтенія, такъ что уже очень порядочно читаютъ по русски, конечно, пока еще машинально.

Наконецъ открыта здѣсь и третья школа для евреевъ.

Здѣшнее еврейское общество отвело для нея приличное помѣщеніе въ домѣ Талмудъ-Торы, состоящемъ во Францисканскомъ переулкѣ; дирекція раввинскаго училища назначила туда двухъ учителей, обучающихъ въ двухъ классахъ до 130 мальчиковъ. Жалованье по-

лучаютъ учителя изъ денежнаго сбора, среди еврейскаго общества на этотъ предметъ открытаго.

Всего, значитъ, учащихся въ трехъ народныхъ школахъ для евреевъ уже слишкомъ пятьсотъ человѣкъ; теперь уже нѣтъ физической возможности въ сказанныхъ школахъ помѣстить все число желающихъ учиться.

И такъ еще и еще нужны школы! Послѣ такихъ ясныхъ доводовъ сильнаго желанія еврейскаго населенія здѣшняго края учиться, послѣдовало уже распоряженіе объ учрежденіи новыхъ школъ. А за средствами дѣло не станетъ: учрежденіе народныхъ школъ сдѣлалось нынѣ насущною потребностію, и еврейское общество, понявъ благую иниціативу правительства, всячески ему содѣйствуетъ.

Кромѣ народныхъ школъ для евреевъ учреждены еще въ Вильно, подобныя три школы для бѣднѣйшихъ христіанскихъ мальчиковъ.

Относительно открытія ихъ, слѣдующее сказано въ Виленскомъ Полицейскомъ листкѣ:

„Существовавшія прежде въ Вильно одноклассныя приходскія училища для христіанскихъ мальчиковъ, по распоряженію г. главнаго начальника края, преобразованы въ двухъ-классныя училища. Они помѣщаются: 1) на Рудницкой улицѣ, въ домѣ Свенцицкой; 2) на Зарѣчьи, въ домѣ Ясевича и 3) близъ зеленаго моста, въ домѣ Лапина. Помѣщенія эти находятся въ центральныхъ мѣстахъ, весьма удобны, и въ каждомъ могутъ свободно помѣститься по 100 человѣкъ. Замѣчательно, что въ помѣщеніи одного изъ нихъ, въ домѣ Свенцицкой, неистовствовалъ пресловутый, такъ называемый „виленскій провинціальный комитетъ,“ и гдѣ злоумышленные люди, еще такъ недавно, презрѣвъ всѣмъ священнымъ, извергали свою злобу на невинныхъ и подкапывались подъ все общественное зданіе,—тамъ христіанскіе мальчики бѣднѣйшихъ классовъ населенія мирно предаются ученію, въ духѣ правительства, и вмѣсто того, чтобы нищенствовать или бродяжничать, пріучаются къ труду и полезнымъ занятіямъ. Что сказать намъ объ этомъ? Что можетъ быть любвеобильнѣе, какъ попеченіе о сирыхъ, безпомощныхъ младенцахъ— этихъ любимцахъ Христовыхъ!

За дальнѣйшимъ ходомъ этихъ школъ мы будемъ постоянно

слѣдить и о результатахъ нашихъ наблюденій своевременно доводить до свѣдѣнія читателей.„

ВЗЯТІЕ ВЪ ПЛѢНЪ СОВЫ.

— Корреспондентъ „Русс. Инв.“ изъ мѣстечка Ужаны, Вилкомирскаго уѣзда, между прочимъ, пишетъ отъ 25 декабря слѣдующее: предположеніе мое, выражаемое въ прошедшемъ письмѣ, оправдалось: мы возвращаемся на постоянныя квартиры наши, и находимся теперь на маршѣ изъ Вилкомира къ Ново-александровской станціи желѣзной дороги.

Случаю угодно было, чтобы я пришелъ въ Ужаны именно въ тотъ день, когда еще одинъ мятежный предводитель попалъ въ наши руки; этотъ господинъ — Сова, о которомъ я уже писалъ вамъ, и теперь хочу сказать нѣсколько словъ, вѣроятно, заключительныхъ, такъ какъ дѣйствія его привели его къ неминуемой казни.

Личность, составившая себѣ въ вилкомирскомъ уѣздѣ извѣстность подъ именемъ Совы, есть бывшій студентъ Червинскій, сынъ помѣщика могилевской губерніи, 24 лѣтъ отъ роду; онъ воспитывался въ корпусѣ горныхъ инженеровъ, потомъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, а оттуда, кажется, послѣ продолжительнаго пребыванія, перешелъ въ технологическій институтъ.

Въ мартѣ Червинскій отправился въ Инфляндію вмѣстѣ съ артиллерійскимъ офицеромъ Кельчицкимъ, который, командуя шайкой мятежниковъ, застрѣлился при нападеніи на нее русскаго войска; Червинскій попалъ въ руки войска. Онъ говоритъ, что явился добровольно, но изъ обстоятельствъ дѣла, имъ самимъ разсказаныхъ, видно, что онъ и товарищъ его были окружены со всѣхъ сторонъ крестьянами, и желая спастись, объявили, что идутъ явиться къ начальству. На этомъ Червинскій основывалъ свое право—быть совершенно прощеннымъ, но надежды эти оказались, что весьма понятно, неосновательными; его посадили въ Динабургскую крѣпость, и, кажется, присудили его къ каторжной работѣ.

Въ виду такой неутѣшительной перспективы, онъ рѣшился бѣ-

жать, и, надо отдать ему справедливость, исполнилъ это очень ловко. Одѣвшись въ купленное у сторожа старое солдатское платье, онъ вышелъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ жандармами, дѣлавшими тамъ повѣрку, никѣмъ неузнанный, никѣмъ неостановленный, и отправился пѣшкомъ въ Петербургъ, гдѣ, говоритъ, пробылъ только два дня, ибо не нашелъ своихъ знакомыхъ.

Между тѣмъ, ходъ событій сдѣлалъ всякія мятежныя попытки въ Инфляндіи невозможными, и Червинскій рѣшился перейти въ мѣстность, для того болѣе удобную, въ ковенскую губернію; онъ поступилъ въ партію Вржесневскаго, инженернаго офицера; это было уже въ іюлѣ.

Вскорѣ Вржесневскій передалъ Червинскому шайку въ 34 человѣка конныхъ и 1,200 рублей на содержаніе ея; къ концу сентября Червинскій, принявшій имя Совы, пріобрѣлъ уже въ вилкомірскомъ уѣздѣ извѣстность убійствами.

Я немогъ не замѣтить Совѣ, что выборъ момента, въ который онъ началъ дѣйствовать, даетъ мнѣ право заключить, что имъ всего менѣе руководили политическія убѣжденія; что его побуждала, вѣроятно, страсть къ грабежу и убійству, такъ какъ время, когда начались его похожденія, было временемъ начала полной деморализаціи инсургентовъ, временемъ, когда несостоятельность шаекъ ясно обозначилась и когда, потерявъ политическое значеніе, они превратились въ бродягъ, въ разбойниковъ.

— „Сидя въ тюрьмѣ, отвѣчалъ Червинскій, я вообще не имѣлъ никакого понятія о положеніи края, и думалъ, что дѣло наше ведется съ такимъ же увлеченіемъ и энергіей, какъ въ началѣ. Я вообще очень разочаровался, прибавилъ онъ; я надѣялся, что одного прихода нашего въ деревню будетъ довольно, чтобы населеніе ея возстало поголовно и соединилось съ нами, а вмѣсто того, мы вездѣ встрѣчали, если не преданность русскимъ, то страхъ и трепетъ при нашемъ видѣ“.

„Положеніе наше безвыходно, продолжалъ Сова; не только за границу, но и въ Польшу пробраться нѣтъ никакой возможности; перебиваясь со дня на день, я продолжалъ дѣйствовать сегодня только потому, что дѣйствовалъ вчера“!

Къ этому разсказу Совы о его похожденіяхъ я прибавлю, что

шайка его совершенно уничтожена командою козаковъ донскаго № 24 полка, подъ начальствомъ есаула ихъ, Грокова, 22-го декабря; вслѣдъ за убійствомъ цѣлаго семейства въ Липагиряхъ, шайку настигли эти козаки, и зажгли сарай, въ которомъ мятежники находились; когда они выскочили оттуда, козаки бросились на нихъ въ шашки и вся шайка была изрублена; трое спаслись тѣмъ, что притворились мертвыми, и между ними былъ Сова.

На другой день 16 человѣкъ солдатъ 3-й роты уфимскаго пѣхотнаго полка, слѣдуя въ Уцяны съ переселенцами, замѣтили три подозрительныя личности: двухъ схватили, третій пустился бѣжать; преслѣдуя его, солдатикъ, желая облегчить себя, сбрасывалъ постепенно все платье, и хоть пробѣжалъ по морозу въ одной рубахѣ, за то взялъ—Сову! (Нар. Бог. № 7).

— **Письмо изъ Гродна къ редактору Московск. Вѣдом.**—„М. г. Въ послѣднихъ числахъ прошедшаго сентября мѣсяца, по уполномочію дворянъ гродненской губерніи, имѣлъ я счастіе представить чрезъ господина главнаго начальника края Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее письмо, отъ имени дворянъ гродненской губерніи, съ изъявленіемъ чувствъ вѣрноподданнической преданности, покорности и просьбою о помилованіи.

„Въ недавнее время, въ иностранныхъ и нашихъ газетахъ, напечатаны адресы обывателей западныхъ губерній, а въ томъ числѣ и гродненской, поступившіе будто бы въ польское народное правительство (Rząd Narodowy) съ изъясненіемъ, что всеподданнѣйшіе адресы, поданные Государю Императору съ изъявленіемъ чувствъ вѣрноподданнической преданности, вынуждены насиліемъ.

„Обстоятельство это заставляетъ меня, по желанію всего дворянства гродненской губерніи, заявить, что къ подписи и подачѣ упомянутаго всеподданнѣйшаго письма ни кѣмъ не былъ я понуждаемъ, но исполнилъ это по званію предводителя, вслѣдствіе данной мнѣ довѣренности по актамъ дворянъ, составленнымъ по сему предмету въ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Къ составленію этихъ актовъ, дворяне равномѣрно не были ни кѣмъ понуждаемы и желали только чистосердечно и искренно выразить предъ Его Императорскимъ Величествомъ вѣрноподданническія чувства свои и съ полнымъ

сознаніемъ и убѣжденіемъ, отвергая всякую связь съ революціонною партіей, повергшею край въ бѣдственное положеніе, просить о помиловании. Никто изъ дворянъ гродненской губерніи никогда не подписывалъ адреса полученнаго польскимъ народнымъ правительствомъ, и сочинители этого адреса, по несбыточнымъ мечтаніямъ, поставляя дворянъ въ двусмысленное передъ законнымъ правительствомъ положеніе, дѣйствуютъ ко вреду сего края, не помышляя ни о водвореніи спокойствія, ни о всемилостивѣйшемъ Государя Императора помилованіи.

„Имѣю честь просить васъ, милостивый государь, настоящее заявленіе мое напечатать въ издаваемой вами газетѣ.

„Гродненскій губернскій предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Крживицкій.**“

— **ПИСЬМО ИЗЪ ВИЛЬНА ВЪ МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ. Января 10-го.** — Позвольте мнѣ, виленскому старожилу, подѣлиться съ вами тѣми впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ рука моя чертитъ настоящія строки. 1863 годъ канулъ въ вѣчность. По русскому обычаю, не станемъ поминать его лихомъ, хоть онъ намъ всѣмъ порядочно насолилъ. Впрочемъ, въ немъ были и добрыя стороны.. Этотъ годъ многознаменателенъ, не только для Вильна, но и для всѣхъ западныхъ губерній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма поучителенъ и для каждаго русскаго, который только горячо любитъ свое отечество... Да, грустно подумать и тяжело сознаться, какъ мы еще недавно увлекались въ отношеніи мятежныхъ нашихъ собратій, и, подъ вліяніемъ благородныхъ стремленій, допускали возможность истиннаго сочувствія къ нашей родной сторонѣ заклятыхъ и вѣроломныхъ враговъ ея, посягнувшихъ въ своихъ безумныхъ замыслахъ отторгнуть почти половину Россіи для возсозданія царства, отличавшагося, даже и въ блестящее время своего существованія, лишь неурядицею и безпорядками. Грустно повторять все это, но кровавыя событія, потрясшія наши западныя губерніи, должны наконецъ открыть намъ всѣмъ глаза и укрѣпить въ насъ еще болѣе любовь къ нашему отечеству.. Польскій катихизисъ долженъ навсегда остаться у насъ въ памяти; это принесетъ намъ огромную пользу... Но я отвлекся отъ моего предмета... Поговоримъ лучше о Вильнѣ, съ которымъ судьба связала меня уже много лѣтъ. Да, прожить здѣсь столько лѣтъ—

не поле перейдти... Смотря въ настоящее время на этотъ городъ, столь богатый своими воспоминаніями, и сравнивая его съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рѣшительно не хочешь вѣрить такой огромной перемѣнѣ, такому совершенному перерожденію. Я говорю о тѣхъ административныхъ реформахъ послѣднихъ семи мѣсяцевъ, которыя поставили Вильно на степень благоустроеннаго города и положили твердое основаніе къ упроченію въ цѣломъ здѣшнемъ краѣ русской національности.

Разсмотримъ же эти реформы въ ихъ послѣдовательности и укажемъ сначала на тѣ причины, которыя ихъ вызвали. Въ то время, какъ варшавскія событія послѣднихъ лѣтъ такъ сильно откликнулись въ здѣшнемъ городѣ, надобно было видѣть тѣ безчинства, ту наглость, которыя высказывались въ Вильнѣ на каждомъ шагу. На полицію рѣшительно не обращали никакого вниманія; дерзость агитаторовъ доходила до того, что полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя даже около будокъ, срывались среди бѣлаго дня, чамарки гордо расхаживали по городу; женщины, облеченныя въ театральный трауръ, сновали туда и сюда, по костеламъ собирались денежные сборы, подъ видомъ благотворительности, а шли на усиленіе мятежнаго возстанія, какія-то личности, не бритыя и не чесаныя, попадались чуть не на каждомъ шагу по улицамъ, и никто ихъ не спрашивалъ откуда и зачѣмъ онѣ пріѣхали, гимназисты и студенты, стекшіеся изъ всѣхъ университетовъ Россіи, толпами сновали по тротуарамъ, и весьма часто безчинствовали.

Наконецъ мѣра долготерпѣнія переполнилась! Вновь прибывшій въ Вильно главный начальникъ западнаго края, изданіемъ знаменитой своей инструкціи 24-го мая, положилъ краеугольный камень всеобщему умиротворенію Высочайше ввѣреннаго ему края. Жители Вильна въ первый разъ увидѣли тогда, что можетъ сдѣлать и что такое значитъ дѣятельная полиція, и поняли, чуть ли не въ первый разъ, какъ должно исполнять приказанія и распоряженія правительства. Видъ города вдругъ перемѣнился. Денежные сборы по костеламъ, производившіеся дамами высшаго сословія, послѣ пожертвованія собранныхъ денегъ на пособіе нашимъ раненымъ и торжественной благодарности виленскаго полиціймейстера полковника Саранчева, объявленной тремъ патріоткамъ-сборщицамъ въ **Виленскомъ Вѣстникѣ**, прекратились сами со-

бою. Демонстраціонный трауръ, послѣ нѣсколькихъ штрафовъ, обращенныхъ на пособіе семействамъ лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа, былъ оставленъ даже и самыми отчаянными патріотками. Было при этомъ случаѣ разыграно много комическихъ сценъ... но, увы! увидѣвъ, что опредѣленный съ ослушницъ штрафъ не одни только слова, патріотки присмирѣли и надѣли сначала цвѣтныя ленты, а въ послѣдствіи облеклись и въ цвѣтныя одежды. Тотъ же самый неумолимый штрафъ прекратилъ и сборища по городу, заставилъ каждаго изъ жителей въ ночное время имѣть, при выходѣ на улицу, зажженный фонарь, который давалъ возможность бдительному оку полиціи слѣдить за ночнымъ прохожимъ. Въ настоящее время, не шмыгнешь въ какія-нибудь проходныя ворота: во всѣхъ домахъ имѣющихъ проходные дворы, они перегорожены; всѣ торговыя и публичныя заведенія обязаны имѣть только по одному выходу на улицу и по одному внутрь двора... Всѣ прочія лазейки, такъ любимыя членами подземнаго жонда, заперты и запечатаны полиціей; на глухихъ же мѣстахъ и въ отдаленныхъ переулкахъ устроено 14 новыхъ будокъ для городовыхъ. Полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя по городу, для всеобщаго свѣдѣнія, читаются въ настоящее время всѣми, хотя напечатаны на русскомъ языкѣ, и остаются на своихъ мѣстахъ до того времени, пока это приказано... Для наблюденія за порядкомъ и тишиной въ ночное время, кромѣ постоянныхъ патрулей, при городовыхъ съ фонарями, дежурный частный приставъ объѣзжаетъ цѣлый городъ, а четверо дежурныхъ его помощниковъ наблюдаютъ за четырьмя частями города. Для облегченія надзора сдѣлано распоряженіе, чтобъ у входовъ въ харчевни, трактиры, гостиницы, заѣзжіе дома, аптеки и т. п., горѣли цѣлую ночь фонари. Въ каждомъ домѣ особыя домовыя книги — для записыванья въ нихъ жильцовъ, и для большей наглядности, при входѣ у каждаго дома, вывѣшены доски, съ показаніемъ фамилій всѣхъ живущихъ. Самые дома обозначены четными и нечетными нумерами, смотря по тому на правой, или на лѣвой сторонѣ улицы они построены... Составленіе домовыхъ книгъ принесло огромную пользу къ водворенію порядка: безызвѣстныя дотолѣ личности выплыли наружу; когда стали составляться подобныя книги въ уѣздѣ, нѣсколько членовъ подземнаго жонда искали, попрежнему, спасенія въ городѣ, и, несмотря на то что нѣкоторые изъ нихъ имѣли

паспорты подъ другими названіями, всѣ они попались въ руки правосудія. Каждый городовой имѣетъ при себѣ сигнальный свистокъ и нумерной знакъ на груди, по образцу тѣхъ, которые носятъ хожалые въ Петербургѣ и въ Москвѣ; на сигнальный свистокъ городоваго ночные дежурные дворники отвѣчаютъ трещотками, чтобы дать тѣмъ знать, что и они бодрствуютъ. Для того же чтобъ ознакомить помощниковъ частныхъ приставовъ, городовыхъ и дворниковъ съ новыми ихъ обязанностями относительно надзора и содержанія города въ чистотѣ и порядкѣ, напечатаны и розданы каждому изъ вышеозначенныхъ лицъ особыя книжечки въ видѣ инструкціи. Незнаніемъ въ этомъ случаѣ отговориться нельзя; предусмотрительныя распоряженія начальства отстранили всѣ возможныя и не возможныя отговорки и препятствія...

Ни одинъ городъ въ цѣлой Россіи не отличался, можетъ-быть, такимъ огромнымъ числомъ ниществующихъ, какъ Вильно; можно даже сказать, что нищенство образовало какъ бы родъ какого-то особаго промысла. Праздношатающіяся тунеядки брали на прокатъ чужихъ дѣтей. Чтоже оказалось?... Многія изъ этихъ нищихъ были усердными агентами агитаторовъ и входили въ составъ такъ-называемаго цѣпнаго общества, организованнаго изъ женщинъ. Ведутъ ли арестанта по улицѣ — извѣстно, кто онъ такой и гдѣ содержится; нужно ли знать, куда направилась полиція передать какое-либо свѣдѣніе отъ подземнаго жонда — все это передавалось смиренно стоящими, повидимому, испрашивателями подаянія. Это тоже не ускользнуло отъ зоркаго глаза главнаго начальника края... Приказано было сдѣлать самый тщательный разборъ нищенствующей братіи. Вслѣдствіе этого распоряженія множество нищихъ водворено было подъ надзоръ и на попеченіе обществъ; увѣчные же и калеки помѣщены на содержаніе въ богадѣльни. Теперь праздношатательство по городу прекращается.

Такимъ образомъ изъ всего вышесказаннаго открывается ясно, что крамола потерпѣла окончательное пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Оставалось навсегда упрочить въ здѣшнемъ городѣ тотъ порядокъ, который водворенъ теперь, благодаря неутомимымъ трудамъ и неусыпной дѣятельности М. Н. Муравьева. Вполнѣ сознавая ту историко-политическую истину, что западный край есть древнее достояніе Рос-

сіи, что въ простомъ народѣ сохранилась любовь къ нашему общему отечеству и преданность къ нашему Монарху-Освободителю, главный начальникъ края твердою своею волей и горячею преданностію къ святому дѣлу — воскресилъ здѣсь русскую національность, которая страдала подъ вліяніемъ пановъ и пронырливыхъ монаховъ Запада, и на которую почти не было обращено никакого вниманія... Они дѣлали, что хотѣли, они имѣли въ рукахъ своихъ всѣ средства... Благолѣпіе римско-католическихъ костеловъ въ сравненіи съ нищенскимъ состояніемъ убогихъ и полуразрушенныхъ православныхъ храмовъ Божіихъ вліяло сильно на простой народъ; болѣе обезпеченное въ средствахъ къ своему существованію, духовенство западной церкви обратило служеніе алтарю въ пропаганду католицизма, и всѣми средствами старалось поколебать въ простомъ народѣ вѣру его предковъ, сдѣлать изъ Бѣлоруссовъ Поляковъ.. Каждый почти ксендзъ заводилъ у себя секретно отъ правительства школу; училъ тамъ дѣтей, часто даже русскихъ, польскому языку и польскимъ молитвамъ. Мировые посредники, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, вмѣсто того чтобы проводить великую идею освобожденія крестьянъ, взявшись за руки съ ксендзами, проповѣдывали идею польской національности между простымъ народомъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ отставныхъ чиновниковъ, кандидатовъ университетовъ, отставные военные пошли на должности сельскихъ писарей и старались всѣми средствами возбудить крестьянъ противъ русскаго правительства; въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ печати, книги, самое дѣлопроизводство были на польскомъ языкѣ. При подобной обстановкѣ надобно еще удивляться могуществу русскаго духа въ здѣшнихъ губерніяхъ, что онъ не замеръ вполнѣ. До настоящаго времени польскій элементъ былъ преобладающій. Рѣчь польская слышалась вездѣ, даже въ самыхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя исключительно наполнены были Поляками, такъ что на 100 чиновниковъ изъ Поляковъ приходилось не болѣе четырехъ Русскихъ. Въ театрѣ игрались преимущественно польскія піесы; всѣ вывѣски надъ магазинами, лавками, аптеками и т. п. были написаны по-польски; развѣ кое-гдѣ, какъ бы въ насмѣшку, виднѣлись едва замѣтныя русскія надписи и то въ родѣ слѣдующихъ: **продажа кисли квасу,— магазинъ кортовъ** (трико), **виленскій албумъ**... И эти вывѣски, какъ бы стыдясь своего безобразія, смиренно скрывались подъ величавыми

польскими объявленіями. Несмотря на то что, сенатскимъ указомъ 30-го марта 1825 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета министровъ, воспрещено было употребленіе другихъ вѣсовъ и мѣръ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены для цѣлаго государства, продажа шла попрежнему на локти, кварты, гарнцы (польскіе)... Короче, куда ни взгляни, отвсюду вѣяло Польшей, отвсюду она выглядывала. Подобная обстановка сильно нравилась агитаторамъ, на нее-то они и расчитывали, и льстя всѣмъ и каждому, старались усыпить нашу бдительность, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Suum cuique!... Въ настоящее время товары продаются не иначе, какъ на русскіе вѣсы и мѣру, вывѣски появились на русскомъ языкѣ; счеты въ магазинахъ, лавкахъ, аптекахъ, гостинницахъ подаются покупателямъ по-русски, прислуга изъ иностранцевъ въ отеляхъ уже понимаетъ теперь русскій языкъ, хотя на столько, чтобъ исполнять самыя обыкновенныя требованія посѣтителей... Для обученія еврейскихъ мальчиковъ русской грамотѣ открыты въ Вильнѣ особыя народныя школы, въ которыя въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія правилъ, записано было 650 мальчиковъ. Наконецъ, что всего важнѣе, сдѣлано распоряженіе, чтобы при римско-католическихъ монастыряхъ и костелахъ ни подъ какимъ предлогомъ не заводились народныя училища, и чтобы безъ вѣдома и разрѣшенія училищнаго начальства никто не обучалъ дѣтей простолюдиновъ. Для распространенія же грамотности въ цѣломъ западномъ краѣ заводятся русскія народныя школы подъ руководствомъ православныхъ священниковъ и русскихъ благонадежныхъ учителей. Выписано множество русскихъ книгъ, доступныхъ пониманію крестьянъ, и сотни тысячь священныхъ и русскихъ историческихъ раскрашенныхъ картинъ, которыя, по распоряженію генерала Муравьева, пускаются въ продажу по дешевой цѣнѣ, и безъ сомнѣнія принесутъ огромную нравственную пользу для простаго населенія здѣшняго края. Въ самомъ городѣ Вильнѣ съ 1-го января открылся въ первый разъ русскій книжный магазинъ с.-петербургскаго книгопродавца Сеньковскаго, и въ первый день продано было изъ этой лавки на 200 р. с. Отъ всей души желаемъ успѣха столь необходимому и полезному предпріятію. Русское общество до настоящей минуты чувствовало здѣсь крайній недостатокъ въ русскихъ книгахъ. Впрочемъ мало ли въ чемъ нуждалось здѣшнее рус-

свое общество!.. Для него даже не было приличныхъ и теплыхъ храмовъ Божіихъ! Благодареніе всемогущему смотрѣнію Божію! Часъ обновленія пробилъ! Не далеко ужъ то вожделенное время, когда на чистой лазури, главы храмовъ святыхъ, бѣлокаменныхъ, засвѣтятся золотыми крестами... Когда благовѣстъ колоколовъ русскихъ разольется по литовско-русской землѣ, какъ бывало встарь, и, слившись воедино съ гуломъ колоколовъ благословеннаго Царства Русскаго, возвѣститъ народу православному миръ, тишину и благоденствіе.. По ходатайству Михаила Николаевича Муравьева, Государь Императоръ разрѣшилъ соизволилъ отпустить 80 т. р. с. на передѣлку иконостаса въ православномъ каѳедральномъ соборѣ, во имя Св. Николая; 30 т. р. с. предназначено на постройку великолѣпной русской часовни въ память падшихъ храбрыхъ русскихъ воиновъ, которые, честною своею кровію запечатлѣвъ любовь свою къ царю и отечеству, усмирили мятежъ, поднятый завистниками славы Россіи!.. Фундаментъ означенной часовни, по проэкту профессора Резанова, заложенъ 22-го истекшаго октября на Георгіевской площади; въ настоящемъ году часовня будетъ окончена; каменныя работы продолжаются. Наконецъ главнымъ начальникомъ края обращено вниманіе и на приведеніе въ благолѣпное состояніе православныхъ храмовъ по всѣмъ западнымъ губерніямъ... Въ уѣздномъ городѣ Вилейкѣ учреждена коммиссія для построенія православной церкви на счетъ 11 т. р. с., пожертвованныхъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, А. Н. Реткинымъ; въ Лидѣ и Трокахъ построены и освящены каменныя церкви; на построеніе же православнаго храма въ Кобринѣ, сверхъ добровольной складчины, отпущено главнымъ начальникомъ края 4 т. р. с. Вообще всюду видна благочестивая дѣятельность къ устроенію православной святыни!... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣлый народъ русскій обширнаго нашего отечества принесетъ свою посильную лепту на перестроеніе ветхихъ храмовъ Божіихъ. Съ міру по ниткѣ голому рубашка.... а наши православныя церкви въ западномъ краѣ крайне нуждаются въ благолѣпномъ одѣяніи! Въ пособіе нашего духовенства, терпѣвшаго крайній недостатокъ, по Высочайшему соизволенію отпущено 200,000 т. [1]).

---

[1]) Упомянутая сумма, назначенная для пособій православному приходскому духовенству всѣхъ западныхъ губерній, съ Высочайшаго соизволенія, распредѣлена между

Нѣтъ худа безъ добра, такъ точно можно сказать и про внѣшній мятежъ! Крамола, затѣянная агитаторами, обратилась въ славѣ нашего добраго отечества; не будь этого несчастія, мы и теперь можетъ-быть дремали бы, подъ льстивые звуки польской пропаганды, которая, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливаясь, могла бы дѣйствительно сдѣлаться не на штуку намъ страшною. Теперь этого не можетъ и не должно быть. Русскіе чиновники ежедневно пріѣзжаютъ сюда со всѣхъ концовъ Россіи и поступаютъ здѣсь на службу; родная русская рѣчь стала слышаться всюду. Въ настоящее время мѣста мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ исправниковъ, судебныхъ слѣдователей, судей и т. д. замѣщены, или замѣщаются исключительно русскими, такъ что въ виленской, гродненской и ковенской губерніяхъ получили уже назначенія болѣе 1,200 человѣкъ. Дай Богъ, чтобы они, какъ достойные представители русскаго имени, не поддались проискамъ іезуитизма, хотя онъ и умѣетъ принимать разные виды!

Въ заключеніе остается сказать, что, начиная съ новаго года, каждую пятницу выходитъ въ Вильнѣ Городской полицейскій листокъ; на дняхъ открывается адресный столъ, который доставитъ еще болѣе удобства для контролированія передвиженія городскаго населенія, и наконецъ съ будущаго сентября городъ Вильно освѣтится газомъ; зданіе для завода уже устроено; съ весною начнутся работы по прокладкѣ трубъ... Не было ли обязано русское общество въ Вильнѣ почтить энергическую дѣятельность и неусыпные труды М. Н. Муравьева, подъятые имъ для умиротворенія взволнованнаго злоумышленниками края? Удивляться ли, что 8-го ноября, въ день его именинъ, оно обратилось къ виленскому губернатору, С. Ѳ. Панютину, съ слѣдующимъ письмомъ; „Вся земля Русская преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ М. Н. Муравьева. Въ православной Русской землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопревосходительствомъ, православную церковь во имя

ами соотвѣтственными частями, и по таковому распредѣленію, которое имѣетъ оставаться въ своей силѣ и на будущее время впредь до могущей встрѣтиться надобности въ измѣненіи по указанію опыта, назначено для виленской губерніи 15 т. р., для Гродненской 25 т. р. и для Ковенской 2 т. р. с. Лит. Еп Вѣд. № 17.

Архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмиреніи мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день, мы, русскіе, свидѣтели умиротворенія западнаго края, покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви". Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ на представленіе виленскаго губернатора по настоящему предмету, Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить открыть подписку на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны желаніями М. Н. Муравьёва, т. е. вмѣсто сооруженія новаго храма, предположено передѣлать одну изъ древнѣйшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ во имя Св. Николая, съ устройствомъ при входѣ часовни, въ которой будетъ поставленъ образъ Михаила Архангела; храмъ будетъ теплый. Едва только сдѣлалось извѣстнымъ всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе на открытіе подписки, какъ въ нѣсколько дней собрано было болѣе 10 т. р. с., и 10 т. кирпича пожертвовано однимъ Евреемъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ собою; онъ краснорѣчивѣе всѣхъ витіеватыхъ описаній и льстивыхъ похвалъ!... Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, въ скоромъ времени въ Вильнѣ украсится древній православный храмъ, нѣмой свидѣтель стольких историческихъ событій древле-литовско- русской земли... Тамъ, передъ св. иконою Архистратига Михаила, каждый русскій съ благоговѣніемъ преклонитъ главу, и, вознося теплую молитву за царя и благоденствіе отечества, произнесетъ и имя того, неусыпнымъ трудамъ котораго обязана обновленіемъ древняя русская святыня въ древле-русской умиротворенной имъ странѣ. Н.

—**О недозволеніи помѣщикамъ сноситься съ мировыми посредниками на польскомъ языкѣ.**—Мировой посредникъ 2-го участка виленскаго уѣзда, отъ 19-го ноября за № 655, донося между прочимъ виленскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что многіе помѣщики, не смотря на предваренія его, на данныя имъ по разнымъ дѣламъ запросы отвѣчаютъ на польскомъ языкѣ, просилъ разрѣшенія съ пишущихъ офиціально по польски брать по 50 коп. штрафа со строки, въ пользу мірскихъ суммъ той волости, въ которой находится

помѣщикъ. Губернское присутствіе, не входя въ разсмотрѣніе сего предмета, какъ до обязанностей присутствія неотносящагося, по постановленію 5-го декабря прошлаго года состоявшемуся, опредѣлило обстоятельство это передать на распоряженіе г. начальника губерніи.

— **Снятіе траура.**—Съ начала 1864-го года духовенство католическое стало вести себя благоразумнѣе. Сперва епископъ плоцкій—Попель, а потомъ и всѣ остальные епископы, за исключеніемъ варшавскаго, объявили уничтоженнымъ церковный трауръ, наложенный послѣ отправленія въ Россію здѣшняго архіепископа Фелинскаго. Въ одной августовской епархіи этого траура наложено не было.

Надо сказать правду, пишетъ корреспондентъ „Голоса", дѣло о костёльномъ траурѣ поведено было нашимъ правительствомъ въ Царствѣ Польскомъ чрезвычайно дипломатически, и теперь духовенство должно признать себя совершенно побѣжденнымъ. Когда администраторъ варшавской епархіи, ксендзъ Ржевусскій, объявилъ трауръ, онъ разумѣется, имѣлъ въ виду произвести демонстрацію и увлечь народонаселеніе Варшавы къ преступнымъ заявленіямъ, какъ это было въ 1861 году, послѣ закрытія костеловъ прелатомъ Бялобржескимъ. Однако все было тихо. Правительство не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, предоставя все дѣйствію времени, которое должно было повести къ разъясненію самовольнаго дѣйствія духовенства и объяснить народу пагубное его вліяніе на ходъ совершающихся событій. Вначалѣ духовенство торжествовало; одна епархія за другою провозглашали костельный трауръ и, такимъ образомъ, поддерживали распоряженіе Ржевусскаго. Однако скоро костелы опустѣли. Крестьяне особенно весьма неохотно ходили въ церковь, гдѣ богослуженіе, совершалось на непонятномъ имъ языкѣ, лишено было внѣшняго блеска, а именно звона, пѣнія и игры органовъ, такъ сильно дѣйствующихъ на простые умы, недопускающіе возможности сдѣлать изъ религіозныхъ обрядовъ поводъ къ революціоннымъ продѣлкамъ и интригамъ. Духовенство увидѣло свою ошибку и поняло, что этимъ средствомъ нельзя поднять массы и причинить затрудненія законному правительству, передъ которымъ съ каждымъ днемъ само оно становилось все болѣе и болѣе виновнымъ. Видя плохое положеніе дѣлъ, духовенство не осмѣливаясь перейти прямо къ прежнимъ правиламъ, задумало сни-

нять трауръ въ нѣкоторые дни. Когда такое заявленіе было доложено графу Бергу, онъ отвѣчалъ, что не мѣшается въ это, и что могутъ звонить и могутъ не звонить, какъ хотятъ. Попытка опять не удалась: предлагавшіе снимать трауръ въ нѣкоторые дни, вѣроятно, надѣялись, что имъ предложатъ снять трауръ навсегда. Ничего подобнаго не было, пришлось покориться неотразимой логикѣ нашихъ властей, и совершеннымъ снятіемъ траура заявить преступность своихъ первоначальныхъ дѣйствій.

Съ новымъ годомъ началось уничтоженіе траура, который остался теперь только въ одной варшавской епархіи. Легко понять, въ какомъ положеніи находится духовенство этой епархіи. Упорство его все болѣе и болѣе дѣлается ненавистнымъ для населенія и ставитъ духовенство болѣе преступнымъ противъ правительства. Очевидно, что скоро и въ Варшавѣ такой порядокъ вещей прекратится. Духовенство ясно видитъ, что сдѣлало ошибку, но—дѣлать нечего, надо покориться обстоятельствамъ. Правительство же теперь можетъ быть увѣрено, что на будущее время постояннаго траура никогда не объявятъ. Мѣра эта не удалась и рушилась навсегда, не отъ сильныхъ распоряженій правительства, а сама по себѣ, по своей нелогичности.

Всеподданнѣйшее письмо отъ дворянства васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи.

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Страсти, не сдержанныя разсудкомъ, взволновавъ противу святой державы Твоей Царство Польское, нашли преступное сочувствіе и въ здѣшнемъ краѣ,—въ этой древней колыбели православной вѣры и русской народности и русскаго величія. Мы, жители здѣшняго уѣзда, близкаго къ Кіеву—этому средоточію нашей народной святыни, были очевидцами и по возможности противудѣятелями безумнымъ попыткамъ и наглымъ притязаніямъ мятежныхъ шаекъ, дерзнувшихъ посягать на неприкосновенность Твоихъ правъ, Великій Государь, на русское наше единство и на неподкупность нашей русской совѣсти.

„Съ помощію Божіею и съ неограниченною любовію къ Тебѣ

всего здѣшняго русскаго народа, нынѣ же въ нашемъ краѣ усмиренъ и духъ народный одержалъ побѣду надъ крамолою.

„Не откажи, Всемилостивѣйшій Государь, намъ милостиво принять вѣрноподданническія выраженія любви и преданности русскихъ дворянъ, живущихъ въ васильковскомъ уѣздѣ, и вѣрь, Возлюбленный Отецъ нашъ, что русскія сердца, гдѣ бы ни бились жизнію, всегда горятъ чистою любовію къ своему великому отечеству, и къ Тебѣ, благодѣтельному руководителю судебъ его.

„Въ сей день, когда необъятная Россія колѣнопреклоненная возсылаетъ къ Царю царей благодарственныя моленія объ изгнаніи изъ ея предѣловъ двадесяти языкъ, мы, въ виду настоящихъ враждебныхъ Россіи козней Запада, смущеннаго величіемъ правимой Тобою державы и мнящаго устранить ее, заявляемъ торжественно, что по одному призывному кличу Твоему, Государь, ополчимся до единаго и съ сердечною любовію и благоговѣйною готовностію повергнемъ на защиту дорогой намъ Россіи и нашего края и на господство въ нихъ Твоей Царской Власти нашу жизнь и все наше достояніе.“

Подписалъ: Уполномоченный русскими дворянами васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный предводитель дворянства того же уѣзда, гвардіи полковникъ и кавалеръ Николай Акимовъ сынъ Гудимъ-Левковичъ.

25-го декабря 1863 года,
г. Васильковъ, кіевской губерніи.

Къ вопросу объ улучшеніи быта сельскаго духовенства.

Вопросъ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства принадлежитъ, если не къ первымъ, то и не къ послѣднимъ вопросамъ, на которые справедливо обращено теперь вниманіе правительства, литературы, отчасти и общества. Всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что нашъ сельскій священникъ заслуживаетъ лучшей доли, болѣе приличнаго содержанія, болѣе приличной обстановки, дабы онъ могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы хотимъ видѣть его, т. е. не простымъ выполнителемъ церковныхъ требъ своего прихода, но полезнымъ дѣятелемъ, наставникомъ, руководителемъ, духовнымъ врачемъ, однимъ словомъ: достойнымъ пастыремъ ввѣренной ему паствы. Всѣ понимаютъ, что

оставлять наше сельское духовенство въ томъ жалкомъ, безвыходномъ положеніи, въ которомъ оно пребываетъ по сей день, не слѣдуетъ, если намъ хоть сколько нибудь дорого духовное и нравственное преуспѣяніе народа. Не даромъ на Руси существуетъ пословица: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Возвышая, матеріально и нравственно, священника, мы въ тоже время возвышаемъ тысячу душъ, составляющихъ приходъ. Народомъ мы съ нѣкотораго времени стали интересоваться всѣ или почти всѣ; по этому, если мы хотимъ быть послѣдовательны, мы не можемъ оставлять безъ вниманія интересовъ нашего сельскаго духовенства, т. е. такого сословія, которое по своему положенію поставлено ближе всего къ столь заинтересовавшему насъ народу. Правительство съ своей стороны уже приняло предварительныя мѣры къ возможно удовлетворительному разрѣшенію занимающаго насъ вопроса: оно, какъ извѣстно, между прочимъ предписало епархіальнымъ вѣдомствамъ, дабы они къ извѣстному сроку представили свои соображенія и проэкты объ улучшеніи быта сельскаго духовенства. Но кто не понимаетъ, что оффиціальнымъ путемъ не все еще будетъ сдѣлано? Многое будетъ не досмотрѣно, многое не принято въ соображеніе. Необходимо вмѣшательство лицъ, если не начальствующихъ, то прямо заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ или покрайней мѣрѣ интересующихся имъ. Мнѣнія такихъ лицъ никогда не будутъ лишни, при общемъ обсужденіи вопроса въ надлежащихъ комитетахъ. Мнѣнія такихъ лицъ заслуживаютъ возможно большей гласности, дабы они доходили до кого это слѣдуетъ. Вотъ почему мы въ № 50 этихъ (Московскихъ) Вѣдомостей перепечатали изъ »Тверскихъ Губ. Вѣд.« статью одного сельскаго священника: объ обезпеченіи сельскаго духовенства прихожанами. Въ этой статьѣ доказывается, что обезпеченіе быта сельскаго духовенства прихожанами — вещь весьма трудная, почти невозможная, такъ-какъ народъ вообще равнодушенъ къ матеріальному положенію своихъ духовныхъ пастырей. Народъ,—сказано въ этой статьѣ,—по своей религіозности и по преданію готовъ помочь нищему, убогому, потерпѣвшему несчастіе и вообще тѣмъ, кто проситъ у него подаянія; но чуть духовный отецъ дѣлаетъ попытку попросить у него какого либо способа къ улучшенію своего содержанія,—народъ, вмѣсто уваженія къ просьбѣ, рѣшительно выходитъ изъ себя, забываетъ то, чѣмъ служитъ для

него духовный пастырь, забываетъ всѣ услуги, которыя оказалъ ему послѣдній, и старается всѣми силами, чтобы впредь ему небыло сдѣлано такого предложенія. Заключается дѣло тѣмъ, что постановляется мірской приговоръ, по которому священникъ съ притчомъ за такую-то требу или мольбенъ долженъ брать уже вмѣсто 1 рубля, прежде положеннаго, 50 копѣекъ, или, вмѣсто 5-ти, 3 коп. и т. п. и это наказаніе за означенное предложеніе дѣлается не на словахъ только, но и на бумагѣ, въ которой обозначается такса за всѣ требы за общимъ подписомъ прихожанъ.

Что авторъ упомянутой статьи нисколько не преувеличиваетъ равнодушія прихожанъ къ улучшенію быта своихъ духовныхъ пастырей, вотъ вамъ живой случай изъ Харьковской губерніи, о которомъ г. Амосовъ разсказалъ въ № 276 »Спб. Вѣдомостей«.

»Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что палатами государственныхъ имуществъ командированы чиновники въ селенія государственныхъ крестьянъ, для отобранія отъ послѣднихъ указаній на то, какими, по ихъ мнѣнію, средствами можно улучшить бытъ сельскаго духовенства. Порученіе трудное и щекотливое: какое знакомство съ народомъ нужно для того только, чтобы умѣть объяснить народу самый вопросъ, по возможности, ясно и опредѣленно, не запугавъ его чиновничьимъ духомъ. Мнѣ пришлось недавно встрѣтиться съ чиновникомъ (не нашей, впрочемъ, губерніи), уже возвратившимся изъ командировки съ подобнымъ порученіемъ. Я узналъ отъ него слѣдующее: собравъ, по пріѣздѣ въ одну деревню, крестьянъ, онъ, въ присутствіи священника, объяснилъ имъ бѣдность духовенства, необходимость дать ему постоянное жалованье, *указалъ на источники, изъ которыхъ можно бы заимствовать его* (какъ-то: опредѣленный взносъ съ каждаго семейства деньгами или хлѣбомъ), просилъ обдумать все это и на слѣдующій день, вновь собравшись, сказать свое мнѣніе. Собрались. На вопросъ чиновника: »чѣмъ порѣшили они«? крестьяне отвѣчали вопросомъ же: »стало быть правда, что будетъ война«? Богъ вѣсть какимъ путемъ изъ вопроса объ улучшеніи быта духовенства они вывели заключеніе о неизбѣжности войны, но только чиновнику пришлось еще разъ объяснять имъ вопросъ.

Добились ли вы отъ нихъ чего нибудь? спросилъ я у чиновника.

Какъ же, отвѣчалъ онъ. Послѣ моего отъѣзда, болѣе зажиточные крестьяне отправились къ священнику съ упрекомъ за то, что онъ за ихъ хлѣбъ-соль жаловался на нихъ начальству, которое и прислало чиновника для разслѣдованія дѣла.

А вамъ-то что же сказали они?

Я могъ добиться только слѣдующаго искренняго отвѣта: если батюшкѣ не хорошо у насъ, пускай просится въ другое мѣсто—у насъ будетъ другой. Мы, кажется, уважаемъ его и любимъ, а что ему не нравится, то его дѣло.

Смотрѣть ли на этотъ случай, какъ на исключительный? Хорошо было бы, еслибы болѣе замѣчательныя рѣшенія крестьянъ не оставались безъизвѣстными для общества«.

Въ какомъ положеніи находится вопросъ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства въ нашей губерніи—намъ, разумѣется, неизвѣстно, такъ какъ никто незаявляетъ объ этомъ вопросѣ печатно. Не возмется-ли кто нибудь изъ сельскихъ священниковъ или мировыхъ посредниковъ нашей губерніи хоть нѣсколько познакомить публику съ интересующимъ ее дѣломъ? Мнѣнія, соображенія и наблюденія такихъ народныхъ дѣятелей, каковы суть мировые посредники и сельскіе священники, не могутъ не быть интересны и даже поучительны. Неужели намъ слѣдуетъ думать, что мировые посредники, вмѣсто того, чтобы публично и часто говорить о народныхъ дѣлахъ, изучаемыхъ ими на практикѣ, наложили на свои уста обѣтъ молчанія?

* *

ПРЕДЛОЖЕНІЕ МИТРОПОЛИТА ІОСИФА ВИЛЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

Его высокопреосвященство, Іосифъ, митрополитъ литовскій, далъ литовской духовной консисторіи слѣдующее предложеніе отъ 19 декабря 1863 г. за № 3071: »Правило возлагать кресты на крещаемыхъ младенцевъ не существуетъ въ латинской церкви. Не существовало и у уніатовъ. Даже послѣ возсоединенія сихъ послѣднихъ съ православною церковью, пра-

вило это не вдругъ и не всемѣстно начало соблюдаться, по невозможности матеріальной и нравственной вывести скоро прежніе обычаи и замѣнить ихъ новыми. Неудивительно потому, что множество православныхъ литовской епархіи, состоящей почти изъ однихъ возсоединенныхъ отъ уніи, не носятъ наперсныхъ крестовъ, подобно прочимъ чадамъ русской православной церкви. Между тѣмъ, сіи послѣдніе удивляются таковому недостатку у возсоединенныхъ, а иные даже считаютъ его какъ бы недостаткомъ Православія.

Въ видахъ строгаго, даже наружнаго, церковнаго единенія, я нахожу спасительнымъ устранить указанный выше недостатокъ и пререканія, изъ него истекающія по литовской епархіи; и предлагаю консисторіи возложить на обязанность приходскаго духовенства, чтобы оно озаботилось пріобрѣтеніемъ крестиковъ для всѣхъ прихожанъ, ихъ не имѣющихъ, и убѣдило сихъ прихожанъ носить эти крестики по заведенному обычаю. Расходъ будетъ не значителенъ,—такъ какъ порядочные для сей цѣли крестики пріобрѣтаются по шести и даже по три рубля за тысячу. Поручаю консисторіи пріобрѣсть на мой счетъ двадцать пять тысячъ (25,000) крестиковъ и разослать ихъ по всѣмъ приходамъ для безмездной раздачи. Достоинство сихъ крестиковъ указано и деньги на нихъ выданы мною каѳедральному протоіерею. Съ симъ вмѣстѣ консисторія предпишетъ всѣмъ благочиннымъ наблюсти, чтобы при церквахъ имѣлись всегда въ достаточномъ количествѣ крестики для беззатруднительнаго ихъ возлаганія на крещаемыхъ«.

(Литов. Епар. Вѣд. № 24).

ЧЕГО МЫ ЖЕЛАЕМЪ?

Подъ этимъ заглавіемъ въ 1-мъ № *Дня* помѣщена интересная корреспонденція изъ виленской губерніи, изъ которой мы заимствуемъ для нашихъ читателей слѣдующія замѣчательныя мѣста:

»Конечно, ни для кого не можетъ быть болѣе сомнительнымъ исходъ матеріальной борьбы за господство русскаго элемента въ здѣшнемъ краѣ. Благодаря энергическимъ военнымъ

мѣрамъ, задача матеріальной силы почти уже совершенно окончена и враждующіе элементы возвращаются къ ихъ прежнему нормальному сословію. Но этотъ переходъ къ видимому покою еще не оканчиваетъ борьбы: она переносится только на другое поле, на которое не только открытъ доступъ и *намъ*,—т. е. мѣстному русскому обществу, но даже, по общему вѣрованію, ему-то именно, этому обществу будетъ принадлежать главная роль въ начинающейся теперь нравственной, или правильнѣе—житейской борьбѣ. — Поэтому, кажется, было бы теперь своевременнымъ спросить: чего мы желаемъ? и постараться разъяснить себѣ этотъ вопросъ.

Каждый, кто только признаетъ себя другомъ Россіи, безъ сомнѣнія долженъ желать по возможности полнаго и скораго торжества русскаго элемента надъ польскимъ, или другими словами, окончательнаго *обрусѣнія здѣшняго края*.

Само собою разумѣется, что намъ, русскимъ и осѣдлымъ жителямъ западнорусскихъ губерній, было бъ всего менѣе простительно не отдавать себѣ яснаго отчета въ нашихъ желаніяхъ, и, предаваясь туманнымъ мечтамъ, въ ожиданіи какого либо невозможнаго событія, подводить подъ него весь образъ своихъ дѣйствій въ настоящемъ. Поэтому, постараемся же уяснить себѣ чего *именно* мы желаемъ? т. е.: при какихъ условіяхъ мы почитаемъ *возможнымъ* прочное торжество въ здѣшнемъ краѣ русскаго духа надъ польскимъ?

Съ *теоретической* точки зрѣнія, по нашему личному мнѣнію, возможны здѣсь только три различные случая:

1. Уничтоженіе, или равносильное ему ослабленіе польскаго католическаго элемента, какми либо мѣрами,—на мѣстѣ, или при помощи выселенія въ массѣ изъ предѣловъ края.

2. Обращеніе этого населенія, считающаго себя нынѣ польскимъ, добровольнымъ или насильственнымъ, въ русское, если не по вѣрѣ, то по крайней мѣрѣ по языку и симпатіямъ; и 3. Переселеніе въ здѣшній край изъ великорусскихъ губерній такого числа осѣдлыхъ обывателей, чтобы они составили господствующее большинство надъ совокупнымъ польскимъ и еврейскимъ населеніемъ«.

Отвергая первый случай, какъ слишкомъ насильственную мѣру, не согласную съ христіанскимъ ученіемъ и посему недостойную благоустроеннаго государства, авторъ переходитъ къ

обсужденію втораго поставленнаго или предполагаемаго имъ случая.

»Желать превращенія въ западнорусскомъ краѣ поляковъ-католиковъ—въ русскихъ, по крайней мѣрѣ по языку и тенденціямъ, значитъ считать возможнымъ одинъ изъ двухъ различныхъ, ведущихъ къ тому путей; или, что настоящее, неестественное положеніе польскаго общества, созданное революціею, покажется ему наконецъ до такой степени невыносимымъ, что это общество рѣшится разомъ выйти изъ него и навсегда перестанетъ считать себя польскимъ;—или же что наше нравственное вліяніе, наша русская пропаганда окажутся столь могущественными, что поляки, убѣдившись въ томъ, что мы опередили ихъ въ обще человѣческомъ развитіи, поспѣшатъ пристать къ намъ добровольно и мало по малу сольются совершенно.

Тотъ, кто знакомъ съ духомъ полонизма, навѣрное признаетъ оба предположенія рѣшительно несостоятельными. Полякъ подъ вліяніемъ той исторической почвы, на которой онъ выростаетъ, не понимаетъ средины между высокомѣрнымъ паномъ и униженнымъ рабомъ. Поэтому, если онъ не можетъ играть первой роли, къ которой постоянно стремится, то легко ***примиряется*** съ второю.

Можетъ быть это утвержденіе на первый взглядъ представится противорѣчіемъ только что совершившемуся факту, т. е. вооруженному возстанію въ краѣ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ отечественныхъ и заграничныхъ гуманистовъ, вызвано притѣсненіями польской національности; но на самомъ дѣлѣ это-то возстаніе и служитъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію. Многіе поляки откровенно сознаются, что они чувствовали себя гораздо довольнѣе подъ крѣпкою рукою прошедшаго царствованія; но лишь только возжи ослабли, тотчасъ же явилась мечта о возможности сѣсть самимъ на козла. Теперь они снова вошли въ свою роль и на самомъ дѣлѣ искренно благодарны настоящему начальнику края за то, что онъ заставилъ ихъ почувствовать—на чьей сторонѣ сила. Я думаю однако, было бы непростительною ошибкою съ нашей стороны смѣшивать это, такъ сказать, преклоненіе передъ силою, — съ рѣшимостію навсегда отказаться отъ польскихъ тенденцій. Я не колебаюсь утверждать, что никакое положеніе для поляковъ западнорус-

скаго края не можетъ показаться столь отчаянно-стѣснительнымъ, чтобы они только вслѣдствіе того рѣшились отказаться отъ своихъ завѣтныхъ вѣрованій, хотя мы съ другой стороны вообще не отвергаемъ, что матеріальныя лишенія, сознаніе своего безсилія и т. п. въ состояніи измѣнять образъ мыслей и дѣйствій людей. Мы сомнѣваемся только, чтобы потребныя для того мѣры, примѣненныя въ большихъ размѣрахъ, имѣли силу превращать враговъ въ друзей. По всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ въ подобныхъ случаяхъ можно только ожидать превращенія явныхъ враговъ въ тайныхъ, а мы, кажется, не имѣемъ причины желать увеличенія и безъ того громаднаго числа нашихъ скрытныхъ недоброжелателей, неутомимо подкапывающихся подъ сильныя отъ природы основы матеріальнаго и духовнаго развитія Россіи.

Остается надежда на *добровольное* обращеніе поляковъ.

Что же нужно для этого? — Нужно, чтобы поляки потеряли увѣренность въ своемъ превосходствѣ надъ нами, чтобы они отказались отъ своей миссіи быть цивилизаторами міра, увидѣли, что они въ настоящее время не имѣютъ другаго выхода, какъ только полное сліяніе съ нами и перестали наконецъ почитать это сліяніе актомъ самоуничтоженія. Вслѣдствіе какихъ же побужденій можетъ совершиться все это?—Не вслѣдствіе ли нашего нравственнаго вліянія—русской пропаганды?!

Я полагаю многіе согласятся съ тѣмъ, что ожидать въ настоящее время помощи съ этой стороны, — все равно, что строить воздушные замки. Мы вообще слишкомъ для того молоды и по натурѣ своей на столько либеральны, что даже считаемъ какъ-то неблаговиднымъ подкапываться подъ чьи либо убѣжденія. Совсѣмъ другое дѣло:—отстаивать *свое*, противодѣйствовать польской пропагандѣ,—этого, я думаю, мы всѣ желаемъ и никто не будетъ бездѣйствовать, какъ скоро открывается къ тому возможность; но дальше—едвали пойдемъ.

За тѣмъ остается разобрать нашъ 3-й предполагаемый случай возможности рѣшительнаго торжества русскаго элемента надъ польскимъ, т. е. переселеніе въ здѣшній край осѣдлыхъ городскихъ обывателей изъ внутренней Россіи.

Здѣсь представляются на разрѣшеніе два вопроса: во 1-хъ, возможно ли вообще такое переселеніе на дѣлѣ? и во 2-хъ,

въ состояніи ли оно подѣйствовать рѣшительно и благотворно на обрусѣніе края?

Всего лучше, по нашему мнѣнію, доказываетъ не только возможность, но и насущную потребность разсматриваемой нами мѣры для быстраго обрусѣнія здѣшняго края, то обстоятельство, что наплывъ сюда русскихъ осѣдлыхъ горожанъ совершается и въ настоящее время безъ какихъ–либо особенныхъ поощрительныхъ мѣръ; а единственно вслѣдствіе внутренней, исторической необходимости.

Кто помнитъ напр. Вильно лѣтъ 10 тому назадъ, тотъ можетъ удостовѣриться, что и въ самые главные праздники, весьма немногочисленныя здѣсь православныя церкви оставались замѣтно пустыми. Кромѣ чиновнаго люда можно было видѣть въ нихъ почти однихъ только солдатъ. Теперь же въ подобныхъ случаяхъ никого не поразитъ пустота церквей, и здѣсь всегда можно увидѣть весьма порядочную долю людей средняго и рабочаго классовъ.

Не полагаясь однако на личныя впечатлѣнія, я искалъ подтвержденія моего мнѣнія на числахъ и, благодаря любезному содѣйствію одного изъ членовъ Статистическаго Комитета, получилъ слѣдующія весьма убѣдительныя цифры.

Общее населеніе виленской губерніи.

	въ 1855 году		въ 1862 году.	
Вѣроисповѣданій	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Православнаго . .	82,096	74,512	103,034	100,905
Раскольниковъ . .	5,710	6,128	6,539	7,274
Римско-католич. .	288,718	307,840	302,828	309,178
Евангелическаго . .	441	478	867	1,018
Магометанскаго . .	1,304	1,036	1,274	1,331
Еврейскаго	29,801	36,644	38,239	43,594
Караимскаго . . .	248	240	306	300
Всего. .	408,318	429,878	453,346	463,600
Въ томъ числѣ на одинъ губернскій городъ Вильно приходилось православнаго населенія обоихъ половъ. .	6,289		7,214	

Эта маленькая табличка можетъ дать желающимъ вникнуть въ ея смыслъ, весьма твердое основаніе для многихъ заклю–

чений. Мы укажемъ только на тотъ фактъ, что въ течении 7-ми лѣтъ православное населеніе губерніи (не считая раскольниковъ) увеличилось на 47 тысячъ, т. е. почти на цѣлую треть; между тѣмъ въ тоже время увеличеніе католическаго населенія составляетъ только 37-ю долю. Если угодно, можно разсчитать черезъ сколько лѣтъ, при томъ же *естественномъ* порядкѣ вещей, должно наступить равенство въ числѣ православныхъ и католиковъ. А если придутъ на помощь желаемыя нами поощрительныя мѣры, то конечно это равновѣсіе можетъ возстановиться несравненно скорѣе.

Но если мы имѣемъ достаточно основаній желать усиленнаго переселенія въ здѣшній край русскаго народа и слѣдовательно поощрительныхъ къ тому мѣръ, то конечно должны также желать, чтобы эти мѣры распространялись не на одвихъ чиновниковъ, а также, и даже преимущественно, на людей среднихъ сословій, которые, по нашему мнѣнію, будутъ играть въ національной борьбѣ далеко не второстепенную роль. Просимъ читателя представить такое положеніе: напр. въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ конечно полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной и вообще, за вычетомъ 2—3-хъ портныхъ, ни одного русскаго ремесленника. Такое положеніе, я думаю, въ состояніи объяснить многое. Лица, съ которыми приходится всего чаще соприкасаться въ житейскихъ отношеніяхъ [1], поляки или евреи, говорящіе, кромѣ своего жаргона, почти исключительно по польски; и такимъ образомъ на каждомъ шагу чувствуется потребность если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по польски. А отсюда-то прежде всего и выходятъ жалобы, заявляемыя и въ печати, на такъ называемое ополяченіе здѣшняго края, совершившееся будто-бы преимущественно въ послѣднее время.

Нельзя отвергать,—въ этомъ есть частичка правды; но по нашему мнѣнію, гораздо больше смѣшенія понятій. Прежде всего надобно различать ополяченіе края отъ ополяченія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Посмотримъ же, на чемъ преимущественно основано тяжелое обвиненіе въ ополяченіи края? Во первыхъ, на томъ, что, благодаря нашей толеранціи, опиравшейся на

---

[1]) Присоединяя сюда еще прислугу исключительно польскую.

безпечность и незлобіе русской натуры, многія присутственныя мѣста наполнились исключительно поляками; во-вторыхъ, на томъ, что въ послѣднее время, по программѣ революціоннаго катихизиса, привезенной для здѣшнихъ пановъ изъ-за моря, они начали трудиться надъ ополяченіемъ какъ можно большаго числа крестьянъ, при помощи обращенія дѣтей въ дворовыхъ и распространенія между ними польской грамотности. Но этихъ однихъ фактовъ конечно недостаточно для обвиненія, надобно знать еще, въ какихъ видимыхъ послѣдствіяхъ выказался успѣхъ польской пропаганды?—Въ томъ ли, что порядочная доля *Польскихъ* чиновниковъ, ремесленниковъ, гимназистовъ и т. п. при открытіи безпорядковъ бѣжала *«до лясу,»* и гдѣ-не-гдѣ замѣшался въ числѣ таковыхъ одинъ-другой русскій или нѣмецъ? Или же въ томъ, что самый ничтожный процентъ крестьянъ-католиковъ не могъ противостоять фанатизму ксендзовъ и угрозамъ убійцъ?—Развѣ эти результаты можно признать симптомами общаго ополяченія западнорусскаго края? Не доказываютъ ли они скорѣе полный неуспѣхъ предпріятія, не смотря на продолжительность усилій и дѣйствительную силу польскаго элемента, какъ по матеріальнымъ средствамъ, такъ и по фанатической къ намъ ненависти поляковъ? Что касается ополяченія отдѣльныхъ лицъ, то это фактъ не подлежащій сомнѣнію. Но не въ томъ дѣло, что существуютъ такія личности, было бы крайне удивительно, если бы ихъ совсѣмъ не было, также какъ если бы не было ни одного обрусѣлаго поляка,—но спрашивается *сколько ихъ?* Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того представленія, какое имѣютъ объ ополяченіи. Конечно, если по примѣру многихъ, къ сожалѣнію слишкомъ многихъ, считать ополяченными всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые при долговременномъ пребываніи въ здѣшнемъ краѣ не пренебрегли знаніемъ польскаго языка, а напротивъ пользовались имъ какъ житейскимъ и духовнымъ орудіемъ, на равнѣ съ другими иностранными языками, то придется по неволѣ увѣровать въ такъ называемую нестойкость русскаго элемента. Но вотъ что странно: эти русскіе, говорящіе попольски, *нисколько не признаютъ себя ополяченными* и дѣйствительно поддерживаютъ то мнѣніе, что знаніе какого либо языка никому не можетъ быть вреднымъ, что, стараясь выучиться польскому языку, они доказали только свою непричастность той прискорбной узкости

понятій, которая отличаетъ по преимуществу такъ называемыхъ польскихъ патріотовъ, боящихся произнести хоть одно русское слово или увидѣть гдѣ-нибудь на полкѣ русскую книгу; что, безъ знанія польскаго языка, нельзя даже съ успѣхомъ бороться съ полонизмомъ и что наконецъ противное мнѣніе высказываютъ здѣсь *только* такіе русскіе, которые, или вслѣдствіе боязливаго предубѣжденія, или по лѣности и неспособности, сами не владѣютъ польскимъ языкомъ.

Въ заключеніе, мнѣ кажется необходимымъ коснуться еще одного сомнѣнія, которое можетъ возникнуть насчетъ дѣйствительности защищаемой нами радикальной и въ тоже время либеральной мѣры для быстраго обрусѣнія здѣшняго края.

Намъ могутъ замѣтить: развѣ большинство православнаго русскаго населенія даже въ такихъ и по наружности русскихъ городахъ, какъ Кіевъ, предохранило отъ польскихъ демонстрацій и отъ вооруженнаго въ томъ краѣ возстанія?—Отвѣчаю: нѣтъ, не предохранило; но тѣмъ же хуже для поляковъ. Только слѣпые могли не видѣть впередъ, что они будутъ проливать тамъ свою шляхетскую кровь *за* укрѣпленіе русской народности и окончательное ослабленіе польской. Если подобное явленіе осталось бы возможнымъ и для западныхъ губерній еще разъ послѣ возстановленія численнаго перевѣса въ городскомъ русскомъ населеніи, то оно не должно смущать насъ,—какъ послѣдній пароксизмъ организма, уже значительно укрѣпившагося въ силахъ, и который можетъ только приспѣшить полное выздоровленіе.»

— **Кіевъ, 20-го февраля 1864 года.**—Въ среду, 19-го февраля, по случаю высокоторжественнаго дня возшествія на Всероссійскій престолъ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, Его Высокопревосходительство генералъ-адъютантъ Анненковъ, изволилъ принимать поздравленіе въ своей квартирѣ чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, а также купечество и гражданъ Кіева—въ 10 часовъ. Въ 11 часовъ всѣ гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры и класные чиновники военнаго вѣдомства въ Кіевѣ, собрались въ Кіево-Софійскій Кафедральный соборъ, гдѣ его преосвященство Серафимъ-викарій, епископъ Чигиринскій, вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ, въ присутствіи Его Высокопревосходительства кі-

евскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора Анненкова, кіевскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Казнакова, волынскаго военнаго губернатора генералъ-маіора Черткова, почетнѣйшихъ лицъ города и многочисленнаго собранія народа, изволилъ служить литургію и молебствіе о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи. Послѣ провозглашенія многолѣтія Царствующему Дому и божественной литургіи, его высокопревосходительство изволилъ осматривать церковный парадъ, построенный на софійской площади развернутымъ фронтомъ правымъ флангомъ къ собору. Парадъ окончился церемоніальнымъ маршемъ всѣхъ войскъ, съ хоромъ музыки курскаго пѣхотнаго полка, мимо командующаго войсками, и наше храброе войско мало по малу удалилось съ площади къ мѣстамъ своего расположенія, гдѣ ожидалъ ихъ сытный обѣдъ и чарка водки съ радушнымъ провозглашеніемъ о здравіи и многолѣтіи нашего добраго и милосерднаго Государя Императора. Стеченіе публики, какъ и всегда, въ столь торжественный день, было многолюдное. Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ и народъ, не смотря на сильный морозъ, густой толпой гулялъ до 11 часовъ ночи.

Высокоторжественный, для всѣхъ русскихъ дорогой праздникъ окончился блестящимъ баломъ, даннымъ г. генералъ-губернаторомъ въ роскошно и вновь преобразованномъ городскомъ домѣ, занимаемомъ его высокопревосходительствомъ. Приглашенныхъ собралось такъ много, что залъ, при всей своей обширности, едва вмѣщалъ до 500 приглашенныхъ по билетамъ особъ. Около $2^1/_2$ часовъ, танцы были прерваны ужиномъ, къ концу котораго его высокопревосходительство провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора при громкомъ, единодушномъ »ура!« и исполненіи народнаго гимна: «Боже Царя Храни!» Наряды отличались роскошью и богатствомъ; вся эта волнующаяся въ танцахъ масса представляла видъ какого то волшебнаго цвѣтника. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили, что этотъ роскошный балъ, при всей своей торжественности, былъ какимъ-то соединеніемъ всѣхъ сословій: здѣсь нельзя было замѣтить той надменности и напыщенности, которыми еще такъ недавно отличались подобнаго рода собранія. Достойнѣйшій хозяинъ и все милое семейство его всѣхъ гостей очаровало своимъ вниманіемъ и госте-

пріимствомъ, истинно характеризующими русскій домъ и его искони неотъемлемое хлѣбосольство. Гости разъѣхались въ томъ пріятномъ настроеніи, которое на долго останется въ ихъ воспоминаніи.

При этомъ случаѣ, мы не можемъ не сказать, что новое преобразованіе генералъ-губернаторскаго дворца такъ великолѣпно, изящно и съ такимъ вкусомъ убраны и меблированы всѣ комнаты, какъ кіевляне никогда не запомнятъ, и трудно было вѣрить, что мы проводили время въ томъ же домѣ, гдѣ были за годъ тому назадъ.

День 16 февраля ознаменовался достопамятнымъ событіемъ для православныхъ кіевлянъ. Въ этотъ день его преосвященство Серафимъ съ духовенствомъ, въ присутствіи его высокопревосходительства главнаго начальника края генералъ-адъютанта Анненкова, его семейства, кіевскаго и волынскаго военныхъ губернаторовъ, многихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, изволилъ совершать торжественное освященіе вновь сооруженной церкви, во имя святителя Христова Николая, при генералъ-губернаторскомъ домѣ, на сумму, выданную изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Величественный и торжественный обрядъ освѣщенія совершенъ съ должнымъ торжествомъ и первою литургіею въ новой церквѣ, послѣ которой присутствующіе приняли благословеніе архипастыря, по доброму обычаю, дошедшему до насъ отъ древнихъ временъ христіанскихъ. Къ концу литургіи его преосвященство изволилъ сказать проповѣдь, которая вполнѣ отвѣчала столь великому событію и торжеству. По освященіи и окропленіи св. водою всѣхъ вновь преобразованныхъ покоевъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, его высокопревосходительство изволилъ пригласить всѣхъ присутствующихъ на торжествѣ къ обѣденному столу, который отличался радушнымъ пріемомъ и истинно русскимъ хлѣбосольствомъ.

При этомъ случаѣ, мы не можемъ умолчать, что храмъ сооруженъ съ большимъ вкусомъ и изяществомъ. Расположеніе его весьма удобно, стиль олтаря легкій, иконы и образа весьма хорошихъ художниковъ. Особенное вниманіе обращаетъ на себя роскошный образъ въ богатомъ кіотѣ, поднесенный для храма кіевскимъ городскимъ обществомъ въ день ангела 6 декабря 1862 года главному начальнику здѣшняго края съ слѣдующей

надписью: »*Начальнику-согражданину Николаю Николаевичу Анненкову 2-му. Признательное городское общество*«. Образъ этотъ, изображая имена всѣхъ святыхъ семейства Н. Н. Анненкова, придаетъ большой эфектъ храму, украшенному множествомъ изящныхъ люстръ, канделябровъ и лампадъ. Жители части города, называемой Липки, какъ неимѣющіе своего храма, вполнѣ должны быть обязательны и благодарны за сооруженіе храма при генералъ-губернаторскомъ домѣ, принимая во вниманіе отдаленность печерскихъ и старогородскихъ церквей.

КНЯЗЮ ДРУЦКОМУ-СОКОЛИНСКОМУ ОТЪ ЖИТОМИРСКАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПРОЩАЛЬНЫЙ АДРЕСЪ.

Ваше сіятельство, князь Михаилъ Васильевичъ!

На искреннее желаніе Житомирскаго русскаго общества, безъ различія исповѣданій, проститься съ Вами совершенно по-русски хлѣбомъ и солью, и въ прощальной бесѣдѣ заявить живѣйшую свою благодарность за долговременное управленіе нами и всею Волынью, вы изволили отвѣчать намъ письменно 20-го января, что, цѣня высоко такое наше вниманіе, вы однако по слабости здоровья не можете принять нашего радушнаго предложенія. Такимъ образомъ здѣсь Вами оставленное, въ залогъ будущаго, Ваше здоровье лишило насъ удовольствія раздѣлить съ Вами послѣдній разъ нѣсколько часовъ задушевной бесѣды. Вы прибыли къ намъ, князь, въ 1856 году полные дѣятельности и энергіи. Всякій изъ насъ, кто поставленъ былъ въ главѣ какой-бы-то ни было административной дѣятельности на Волыни, понялъ, что эта древле-русская окраина обусловлена такими особенностями, кои вдали незнакомы. Прошло нѣсколько лѣтъ Вашей дѣятельности, полныхъ труда и мѣстныхъ заботъ, въ приготовительныхъ занятіяхъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и манифестъ 19-го февраля, поднявъ народъ, поставилъ Васъ, такъ сказать, вождемъ волынско-русскаго народа. Отсюда начинается Ваша истинная роль князя русскаго по крови и по любви къ народу. Это знаемъ мы, но не знаетъ Россія—кому обязаны спокойствіемъ здѣшніе русскіе.

Мы были свидѣтелями, какъ крестьяне толпами окружали губернаторскій домъ, или депутаты ихъ наполняли Вашу переднюю, прося отъ Васъ одного слышать разъясненія своихъ недоумѣній; крестьяне самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ отъ губернскаго города, недовѣряя своимъ посредникамъ, пѣшкомъ приходили для сей цѣли въ Житоміръ, полные убѣжденія, что *какъ Вы имъ скажете, то такъ и будетъ*. Объѣздъ Вашъ всей губерніи по волостямъ и личная бесѣда съ крестьянами на мѣстахъ ихъ жительства, оставшаяся для нихъ на-долго памятною, одни подвинули дѣло принятія уставныхъ грамотъ успѣшнѣе всѣхъ письменныхъ предписаній и распоряженій. Терпѣливое выслушиваніе вами невсегда ихъ складныхъ просьбъ и недоумѣній въ новыхъ своихъ отношеніяхъ, живое участіе въ нихъ, ясное по возможности истолкованіе, законное охраненіе слабаго предъ сильнымъ и темнаго предъ *цивилизованнымъ*, и при томъ всегда лично, безъ всякого посредничества или канцелярскаго истолкованія, не могли не возбудить въ народѣ полнаго къ Вамъ довѣрія, привязанности и убѣждднія,—что *какъ Вы скажете, такъ и должно быть*. При такомъ взаимномъ довѣріи Вашемъ къ народу и народа къ Вамъ, ускорившемъ благополучный ходъ крестьянскаго дѣла, застигла апрѣльская мятежная вспышка, и народъ первый принялъ ее на грудь свою, не безъ кровавой для себя потери Мы видѣли: какъ Вы лично направляли въ губернію стрѣлковые и казачьи отряды на искорененіе мятежныхъ скопищъ, снабжая отрядныхъ начальниковъ диспозиціями и наставленіями, имѣвшими такой блистательный результатъ для нашего спокойствія, коимъ мы обязаны Вамъ, князь; какъ затѣмъ торжественно и собственноручно украшали грудь храбрыхъ георгіевскими знаками; шли вмѣстѣ съ народомъ до могилы павшаго за спокойствіе края русскаго воина; или — съ какою торжественностію и одушевленіемъ провожали пѣшкомъ до заставы 8-й стрѣлковый баталіонъ съ словомъ признательности къ нему и надежды на дальнѣйшіе его боевые успѣхи.

На глазахъ и съ участіемъ нашимъ Вы, князь, 30-го августа блистательно торжествовали съ народомъ незабвенный день его законной свободы. Встрѣченные въ Вашемъ домѣ отъ всѣхъ русскихъ сословій по-русски-съ хлѣбомъ и солью, какъ новые свободные члены въ свободной семьѣ русской, наши крестьяне

въ лицѣ своихъ старшинъ, старостъ и сельской стражи, благословляли Того, Кто былъ истиннымъ виновникомъ настоящаго торжества и будущаго ихъ счастія; а вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли и не видѣть столько оказаннаго имъ сочувствія и сердечной теплоты самаго распорядителя торжества народнаго. Съ благоговѣйнымъ восторгомъ внесли они въ свои общины, села и семейства, чувства глубокой признательности, и вотъ—одни въ приходскихъ своихъ храмахъ ставятъ иконы св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, тезоименнаго патрона своего Освободителя; другіе поставляютъ себѣ долгомъ каждое воскресенье послѣ обѣдни служить молебны о здравіи и благоденствіи своего Высокаго благотворителя Государя Императора Александра II; а тѣ опять идутъ въ Кіевъ, и въ пещерахъ Св. Угодниковъ молятся о здравіи князя *Михаила* [1]). У нѣкоторыхъ, наконецъ, согрѣтое чувство признательности восходитъ до высокой доблести православно-христіанской. »Въ молитвахъ Господу-Богу, пишутъ въ адресѣ своемъ Вамъ, князь, крестьяне житомирскаго уѣзда: воздавъ благодареніе Всемилостивѣйшему Государю Отцу-Освободителю нашему за дарованныя намъ вновь права и милости, прекращеніемъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, мы, нижеподписавшіеся, старшины, старосты и добросовѣстные срочно-обязанныхъ крестьянъ житомирскаго уѣзда, переходящіе нынѣ въ число крестьянъ-собственниковъ, отъ имени своего и по единому желанію нашихъ обществъ, считаемъ долгомъ принести Вашему Сіятельству глубочайшее изъявленіе благодарности за постоянное попеченіе Ваше о благѣ нашемъ, за справедливое и твердое охраненіе нашихъ правъ, нашихъ интересовъ, за наступающее для насъ благополучіе, и ликующую въ сердцахъ нашихъ радость,—виновникомъ которой мы справедливо считаемъ Васъ: ибо мы знаемъ какъ Вы, князь, среди всѣхъ тяжкихъ заботъ, въ самыя критическія минуты польскаго мятежа не забывали о нашихъ нуждахъ, выслушивали наши жалобы, руководили насъ добрыми совѣтами объ утвержденіи здѣсь русской народности на прочныхъ основаніяхъ, вопреки желанію польскихъ мятежниковъ поколебать эти основанія. Бывая часто между нами, между нашими семействами, Вы, князь, привязали къ себѣ сердца наши и дѣтей нашихъ и ос-

---

[1]) Изъ разсказа очевидца.

тавляете навсегда образъ Вашъ, какъ добраго и человѣколюбиваго правителя. Да сохранитъ Господь милосердый жизнь Вашу и здравіе для блага управляемаго вами народа, и да узнаетъ вся великая и славная наша Россія, что у Царя ея, Ангела добродѣтели, есть такіе вѣрные и добрые правители, которые пекутся о счастіи и благосостояніи нашемъ. При чемъ подносимъ Вашему Сіятельству двѣ иконы, одну св. Александра Невскаго въ честь священнаго имени Государя нашего Александра II, а другую Архистратига Михаила, въ память дорогаго имени Вашего Сіятельства, и просимъ приказать поставить въ житомирскій каѳедральный соборъ«. Съ подлиннымъ адресомъ крестьянъ, испросивъ на то благословеніе архіепископа, Вамъ угодно было князь 19-го октября прошедшаго 1863 года передать этотъ памятникъ торжества народнаго и признательности къ виновникамъ первой минуты его свободной радости, на вѣчное храненіе во временный Александро-Невскій соборный храмъ.

Вотъ тѣ незабвенные акты Вашего, князь, служенія на Волыни нелицемѣрно и вѣрно Царю, Отечеству и русскому народу. Пусть поборники краковскаго »Часа« и разбитаго »Колокола« пишутъ ложь и клевету. Мы лучшіе свидѣтели вашего семилѣтняго въ нашихъ глазахъ управленія, и разставаясь съ Вами, не имѣемъ надобности устилать путь Вашъ лестію: у двери разлуки, какъ у дверей гроба, ложь не должна имѣть мѣста, но-святая правда.

Намъ ли, свидѣтелямъ и соучастникамъ Вашей административной дѣятельности, затаить молчаливую скорбь и неозаботиться о томъ, чтобы увѣковѣчить память Вашу для общества и для народа? Поэтому житомирское русское общество постановило: открыть подписку, для составленія капитала, какой окажется возможенъ, *на премію князя Друцкаго-Соколинскаго* тому, кто напишетъ лучшій учебникъ географіи и исторіи Волыни собственно для народа, о которомъ Вы столько заботились, дабы онъ, возрождаясь въ новой жизни, зналъ вѣрно и положительно свое прошедшее и настоящее. По составленіи программы, объ утвержденіи сего нашего предположенія будемъ имѣть честь ходатайствовать установленнымъ порядкомъ.

Прибывъ къ намъ, Вы были окружены семействомъ, хотя не въ полномъ его составѣ, а теперь уѣзжаете одни. Да сопутствуютъ же Вамъ, князь, благословенія нашего житомирскаго

русскаго общества и благодарнаго древле-русскаго волынскаго народа!

Подписали:

Антоній архіепископъ волынскій и житомирскій, генералъ-лейтенантъ *Рафаловичъ*, управляющій волынскою палатою государственныхъ имуществъ статскій совѣтникъ *Аммосовъ*, предсѣдатель волынской казенной палаты дѣйств. статс. совѣт. *Федоръ Юревичъ*, коллежскій совѣтникъ *Н. Гессе*, титулярный совѣтникъ *Витковскій*, директоръ училищъ волынской губерніи статскій совѣтникъ *Альферовъ*, коллежскій совѣтникъ *Павелъ Прытковъ*, коллежскій ассесоръ *Петръ Крониковскій*, коллежскій ассесоръ *Густавъ де-Предыхъ*, командиръ житомирскаго баталіона внутренней стражи полковникъ *Арсеньевъ*, Полиційместеръ подполковникъ *Краузъ*, статскій совѣтникъ *Китченко*, мировой посредникъ титулярный совѣтникъ *Иванъ Каменцевъ*, коллежскій ассесоръ *Нежицкій*, главный лѣкарь военнаго госпиталя статскій совѣтникъ *Ямковскій*, смотритель госпиталя маіоръ баронъ *Клодъ-фонъ-Юргенсбургъ*, губернскій почтмейстеръ коллежскій совѣтникъ *Спекторскій*, инженеръ-подполковникъ *Глязеръ*, начальникъ телеграфической станціи штабсъ-капитанъ *Разумихинъ*, инженеръ-капитанъ *Авринскій*, старшій ревизоръ *Кирилъ Стаюкевичъ*, лѣсной ревизоръ штабсъ-капитанъ *Дичискуловъ*, надворный совѣтникъ *Лукъяновъ*, маіоръ *Адамовичъ*, командиръ 11-го стрѣлковаго баталіона подполковникъ *Шульцъ*, помощникъ управляющаго питейно-акцизнаго сбора волынской губерніи *В. Маркевичъ*, коллежскій ассесоръ *Скитинскій*, житомирскій городовой врачъ *Зильбербергъ*, 8-ой артиллерійской бригады подпоручикъ *Никольскій*, штабсъ-капитанъ *Тагайчиновъ*, аптекарь военнаго госпиталя коллежскій ассесоръ *Боссе*, надворный совѣтникъ *Александръ Козловскій*, надворный совѣтникъ *Хорченко*, отставной поручикъ *В. Данильченко*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Карпиловичъ*, ротмистръ *Молчановъ*, штабсъ-капитанъ *Романовичъ* статскій совѣтникъ *А. Богаевскій*, коллежскій ассесоръ *А. Роговцевъ*, надворный совѣтникъ *Филоненко*, коллежскій ассесоръ *Тутковскій*, коллежскій совѣтникъ *Осипъ Климовичъ*, купецъ *Иванъ Хаботинъ*, житомирскій 1-й гильдіи купеческій сынъ *Федоръ Ивановъ Муравьевъ*, купецъ *Семенъ Хоменко*, житомирскій купеческій сынъ *Николай Ивановъ*

Муравьевъ, коллежскій секретарь *Кизимовичъ*, чиновникъ канцеляріи начальника губерніи *Радомскій*, коллежскій секретарь *Осипъ Бискупскій*, коллежскій регистраторъ *Лебля*, коллежскій секретарь *Рымша*, чиновникъ *Терлецкій*, титулярный совѣтникъ *Болеславъ Лычковскій*, губернскій секретарь *Николай Фонтани*, дворянинъ *Иванъ Чернобаевъ*, дворянинъ *Збигневъ Сташевскій*, дворянинъ *А. Милешкевичъ*, губернскій секретарь *Скоковскій*, титулярный совѣтникъ *Кржиштофовичъ*, коллежскій секретарь *Щ. Соколовскій*, инженеръ—полковникъ *Вихманъ*, коллежскій ассесоръ *М. фонъ-Лаймингъ*, коллежскій совѣтникъ *Дмитрій Будкевичъ*, титулярный совѣтникъ *Л. Добжинскій*, коллежскій ассесоръ *Землнскій*, инженеръ-подполковникъ *Виндингъ*, исправляющій должность помощника полиціймейстера *Шостацкій*, инженеръ-штабсъ-капитанъ *Самборскій*, помощникъ пристава *Золотаревичъ*, приставъ 3-й части коллежскій секретарь *Максимовичъ*, коллежскій секретарь *Завистовскій*, каѳедральный протоіерей *Петръ Сольскій*, ключарь протоіерей *Арсеній Овсянкинъ*, соборные священники: *Василій Княжинскій*, *Іоаннъ Малиновскій*, *Іоаннъ Домбровскій*, *Порфирій Новосельскій*.

4-го февраля 1864 г.
г. Житомиръ

ОТВѢТЪ «МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ»

газетамъ, упрекающимъ »Вѣдомости« въ мнимомъ преслѣдованіи украинофиловъ.

Нѣкоторыя газеты подшутчиваютъ надъ тѣмъ, что онѣ называютъ »преслѣдованіемъ *Московскими Вѣдомостями* украинофиловъ«; у страха глаза велики, говорятъ онѣ; украинофилы— такая ничтожная партія, что надъ нею можно развѣ только смѣяться: да и изъ ея среды вліятельнѣйшіе люди мечтаютъ лишь о самостоятельной литературѣ малороссійской. О чемъ же брюжжатъ *Московскія Вѣдомости*? Заключаютъ наши противники. За что онѣ такъ не жалуютъ Украйну? Говорятъ другіе.

Нѣтъ, мы любимъ Украйну,—любимъ, какъ часть нашего отечества, какъ живую и дорогую часть нашего народа, какъ часть насъ самихъ, и потому то намъ такъ ненавистна всякая

попытка внести чувство *моего* и *твдего* въ отношенія Украйны къ Россіи. Мы любимъ Украйну со всѣми ея особенностями, въ которыхъ видимъ залогъ будущаго богатства и разнообразія въ общемъ развитіи нашей народной жизни. Мы не понимаемъ, мы не признаемъ никакого соперничества между украинскимъ и русскимъ. Мы видимъ въ этомъ самую фальшивую и вредную мысль. Мы любимъ Украйну, своеобычный характеръ ея дѣтей, поэзію ея преданій и мелодій; ея напѣвы также близки и родственны намъ, какъ и пѣсни, оглашающія Волгу. Мы весьма далеки отъ того, чтобъ осуждать тѣхъ украинцевъ, которые пристрастны къ своей родинѣ. Le patriotisme du clocher есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патріотизма болѣе широкаго; интересы *родины* не слѣдуетъ противопоставлять интересамъ *отечества*. А то ли мы видимъ со стороны такъ-называемыхъ украинофиловъ? Замѣчали ль тѣ, которые подтруниваютъ надъ нашими опасеніями, что украинофилы, обсуживая положеніе малороссійскихъ губерній, говорятъ, что Россія ничего для нихъ не сдѣлала? Поражало ль противниковъ нашихъ это сопоставленіе интересовъ Россіи съ интересами Украйны? Насъ оно поражало. Это не тѣ жалобы, которыя приходится не рѣдко слышать и отъ костромичей, и отъ смолянъ на такіе-то распоряженія, на экономическія затрудненія, на стѣсненія торговли, на недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—жалобы, въ которыхъ слышатся сѣтованія русскаго человѣка, что его отечество не пользуется всѣми тѣми благами, которыми онъ желалъ бы надѣлить его. Нѣтъ, въ жалобахъ украинофила звучитъ совсѣмъ особая нота; онѣ выражаютъ сожалѣніе и досаду, что на Украйнѣ нѣтъ желѣзной дороги, когда она уже есть между Москвою и Петербургомъ, и что украинскія деньги тратятся для удовлетворенія чуждыхъ ей интересовъ.

Вотъ на какой симптомъ не худо было бы обратить вниманіе нашимъ порицателямъ. Взвѣсивъ его, они не стали бы такъ равнодушно относиться и къ усиліямъ создать малороссійскій языкъ и литературу. Великое дѣло языкъ и литература! Что разошлось въ языкѣ и литературѣ, то разошлось въ духѣ, и того не свяжешь потомъ никакою матеріальною силою. Только исторія создаетъ народъ, создаетъ языкъ литературный. А гдѣ исторія Украйны?.. Козачьи войны,—развѣ это исторія? Также точно какъ рядъ пѣсенъ воспѣвающихъ эти войны—развѣ ли-

тература? Когда поляки говорятъ о своей національности—мы понимаемъ ихъ: мы видимъ долгую самостоятельную историческую жизнь и обширную литературу, обнимавшую и сферу воображенія, и сферу мысли. Правда, эта жизнь изсякла, эта литература лишилась почвы, но онѣ были, ихъ нельзя отрицать; напротивъ того что мы видимъ въ Украйнѣ? Хмельницкій замышляетъ создать ей отдѣльное существованіе и убѣждается въ невозможности своихъ замысловъ. Выговскій, Дорошенко и Мазепа пытаются отдѣлиться отъ Россіи, но съ тѣмъ, чтобы пристать къ Польшѣ или даже къ Турціи. И вотъ эта исконная и живая часть русскаго народа соединяется окончательно со своимъ корнемъ, составляетъ могущественное политическое тѣло, одинъ великій, исполненный силы народъ. Вмѣстѣ пережили они такіе историческіе моменты, какъ эпоха Екатерины, какъ двѣнадцатый годъ, какъ освобожденіе крестьянъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что послѣ того, какъ единая, жизненная струя, то радостно, то болѣзненно пробѣгала столько временъ по всему организму русскаго государства,—вдругъ въ одной части, въ одномъ членѣ этого организма оказалась потребность создать самобытную литературу, и изъ особенностей мѣстнаго нарѣчія развить языкъ, какъ символъ особой національности? Это не въ природѣ вещей, это фальшь. Литература не есть кабинетная работа нѣсколькихъ ученыхъ и беллетристовъ; она дѣло внутренней жизни народа, живущаго самостоятельною и отдѣльною политическою жизнію.

Мы отнюдь не протестуемъ противъ свободы частныхъ дѣйствій со стороны украинской партіи, изъ уваженія къ личной свободѣ, предоставляя впрочемъ и себѣ такую же свободу говорить и повторять всѣмъ, кто захочетъ слушать насъ, о лжи и вредѣ стремленій, которыя находимъ ложными и вредными. Пусть эти господа на собственныя деньги заводятъ школы и печатаютъ сочиняемыя ими книги: мы станемъ убѣждать, чтобы никто не ходилъ въ эти школы и не покупалъ этихъ книгъ. Мы, повторяемъ, готовы допустить это, но претендовать, какъ нѣкоторые желали бы, чтобы правительство на казенныя средства помогало распадѣнію Россіи, или создавало призракъ, который сталъ бы вампиромъ цѣлыхъ поколѣній,—это верхъ нелѣпости, это сумашествіе.

Нѣкоторые полагаютъ, что развитіе и усиліе украинскаго

начала послужитъ сильнымъ оплотомъ противъ польскихъ притязаній — мысль благовидная, но совершенно ложная! Развѣ не видятъ эти господа, развѣ не показалъ опытъ, что украйнофилы служатъ самымъ удобнымъ орудіемъ для польской интриги? Развѣ *панычи* въ свитахъ не получали лозунга отъ пановъ въ чамаркахъ? Развѣ Мѣрославскій не включалъ ихъ въ свою революціонную организацію? Пусть прочтутъ его программу, найденную въ домѣ Замойскаго. Правда, что этихъ *панычей* въ свитахъ, этихъ распространителей *золотыхъ грамотъ* немного, но къ нимъ примыкаетъ партія не совсѣмъ-то ничтожная, за которою стоитъ въ резервѣ страшилище всесвѣтной революціи. Самые умѣренные изъ этой партіи препираются съ *Россіей*, обсуживаютъ свои отношенія къ *Россіи*, установляютъ между собою и *Россіей* какія-то международныя отношенія.

Пусть насъ считаютъ алармистами, пусть наши собраты по журналистикѣ ищутъ создать себѣ на нашъ счетъ популярность, — желаемъ имъ успѣха, но не перестанемъ указывать на опасность, хотя бы только еще зараждающуюся; мы лучше хотимъ быть похожи на того моряка, который, замѣтивъ на небѣ черное пятнышко, принимаетъ мѣры противъ бури, нежели на того, который начинаетъ убирать парусъ, когда налетѣлъ шквалъ.

Признаемся откровенно: мы не придаемъ большаго значенія мнѣніямъ нашихъ товарищей по литературѣ въ вопросахъ политическаго свойства. Передъ подобнымъ трибуналомъ весьма вѣроятно, что мы проиграемъ нашъ процессъ противъ украинофиловъ, особенно при извѣстныхъ условіяхъ нашей печати, косвенно покровительствующихъ системѣ молчанія, abstention: «мы не въ состояніи возражать вамъ«, отвѣтитъ противная партія, и этого довольно, чтобы наши литературные искатели популярности вмѣстѣ съ прогрессистами канцеляріи очутились на ея сторонѣ. Но если бы процессъ нашъ разсматривался людьми земскими, чуждыми теорій и сантиментальностей, — людьми, слова которыхъ были бы солидарны съ самымъ дѣломъ, — передъ такимъ собраніемъ наши украинофилы и всѣ другіе политическіе наши безобразники не осмѣлились бы и заикнуться, — мы твердо въ этомъ увѣрены.

Изъ Царства Польскаго. Недавно въ Dzienn. Powsz. было напечатано письмо »шляхтича изъ провинціи«, разбиравшаго

критически революціонныя событія прошлаго года, и протестовавшаго противъ того безразсуднаго движенія, которое навлекло на Польшу неизчислимыя бѣдствія, безъ всякой серіозной надежды на успѣхъ. Теперь мы находимъ второе подобное же письмо »пустынника съ береговъ Вислы«, вызванное первымъ; передаемъ его нашимъ читателямъ, видя въ такихъ искреннихъ заявленіяхъ лучшее доказательство того утѣшительнаго поворота, который обнаруживается въ послѣднее время въ общественномъ мнѣніи польской публики. Читатели найдутъ въ этомъ письмѣ и вѣрное во многомъ разъясненіе тѣхъ отношеній, въ какихъ находились и находятся различныя сословія края къ возстанію, и тѣхъ видовъ, какіе можетъ имѣть это предпріятіе на будущее время.

«Прежде всего, соотечественники (ибо къ вамъ обращаю мой голосъ), пишетъ »пустынникъ«, желаю, чтобы вы знали, кто говоритъ съ вами. Я почти то же, что »шляхтичъ изъ провинціи«, перервавшій мое пустынническое молчаніе. Подобно ему, я человѣкъ стараго покроя, съ старымъ образованіемъ и обычаями; но, Богъ свидѣтель, что я болѣе хорошій полякъ, нежели всѣ тѣ, которые составляютъ конфедераціи, сумасбродствуютъ, и которые, подобно Каину, проливаютъ братнюю кровь».

«Въ первые годы моей жизни я многое видѣлъ, много слышалъ; теперь слѣжу за всѣмъ внимательно и съ независимымъ убѣжденіемъ. Я пріобрѣлъ такимъ образомъ запасъ опытности, я усвоилъ себѣ раціональный взглядъ на вещи и, наконецъ, имѣю чистую совѣсть. Говорю вамъ, братья, что вы заблуждаетеесь, что вы не болѣе какъ игрушка, какъ орудіе расчета, слѣпое орудіе личнаго интереса горсти людей, безбожно силящихся ввергнуть въ бездонную пропасть и васъ и святое дѣло нашего отечества».

«Элементъ, потрясающій и волнующій нынѣ спокойствіе на берегахъ Вислы, слагается изъ двухъ категорій. Одна дѣйствуетъ издали, другая среди насъ или вблизи насъ вліяетъ на странные поступки наши. Придетъ время, и оно не далеко, ибо я и самъ уже въ состояніи кое-что выяснить вамъ,—тогда узнаете, въ чемъ состоитъ этотъ первый двигатель, каковы побужденія и средства его дѣятельности. О второмъ же двигателѣ, къ которому принадлежатъ и наши комитеты, какъ слѣпое орудіе чужой импульсіи, скажу сейчасъ нѣсколько словъ».

«Всѣ факты, печальнымъ театромъ которыхъ было Царство Польское въ теченіе 1863 года, лежатъ на отвѣтственности людей, именующихся національнымъ правительствомъ. Я протестую противъ этой національной узурпаціи и полагаю, что мнѣ будетъ не трудно доказать вамъ справедливость словъ моихъ».

«Царство Польское считаетъ около пяти милліоновъ населенія, изъ котораго двѣ трети крестьянъ, а одна треть шляхты, мѣщанъ, чиновниковъ и евреевъ».

«Что поселяне или такъ называемые хлопы не участвуютъ и не хотятъ участвовать въ революціи, это не тайна, и вы сами доказали эту истину, умертвивъ болѣе тысячи лицъ разнаго возраста и пола. И такъ вы имѣете уже осязательное доказательство, что комитетъ, или національное правительство есть узурпація, ибо большинство народа не признаетъ его. И такъ вы проиграли ваше дѣло, по понятіямъ нынѣшняго прогресса подъ фирмою, извѣстною подъ именемъ всеобщей подачи голосовъ».

«Быть можетъ, кто-либо изъ вашихъ юныхъ мудрецовъ скажетъ, что земледѣльческое населеніе составляетъ только матеріальную часть, а мы составляемъ нравственный организмъ народа. Ого! молодой другъ, возьми въ свои руки любой трактатъ о политической экономіи, и тогда узнаешь, что въ каждой человѣческой единицѣ, называемой обществомъ, существуютъ два основные элемента: классъ потребителей и классъ производителей; одни даютъ, другіе берутъ. И такъ осмѣлишься ли ты сказать, что тотъ, который тебѣ даетъ, тебя кормитъ— ничего не значитъ на вѣсахъ общества?»

«Но пойдемъ далѣе. Половину остающейся третьей части населенія составляютъ евреи, и изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ евреевъ найдется навѣрное не болѣе одной тысячи горячихъ головъ, большею частію молодыхъ людей, которые вообразили себѣ, что, среди хаоса взволнованныхъ элементовъ, имъ удастся создать на берегахъ Вислы, нѣчто въ родѣ новаго Іерусалима. Всѣ, затѣмъ, старшіе, старики и бородатые евреи положительно противъ революціи. Они болѣе всего желаютъ порядка и мира, ибо только въ немъ видятъ обезпеченіе какъ своего быта, такъ и быта своей многочисленной семьи.»

«Такимъ образомъ пять шестыхъ населенія страны не имѣетъ ничего общаго съ революціоннымъ комитетомъ. Окинемъ еще

взоромъ остальныхъ—одну шестую часть, которую представляютъ дворяне, чиновники и городскіе жители».

«Дворянство вообще представляетъ дѣйствительно среду, сосочувствующую революціи, но, на дѣлѣ, приняло въ ней лишь весьма слабое участіе. Большинство лицъ, принадлежащихъ къ этому сословію, получило образованіе, многіе изъ нихъ имѣютъ свой взглядъ на вещи. Они понимаютъ затѣмъ всю ошибочность расчета, все ничтожество предпріятія. Они предвидятъ даже печальныя послѣдствія безбожнаго авантюризма. Но ложное понятіе о долгѣ и національной чести, а еще болѣе тайна, въ которую облекла себя подземная власть, сила которой, благодаря безпрерывнымъ усиліямъ революціонныхъ газетъ, достигла баснословнаго могущества,—вотъ обстоятельство, которое, совмѣстно съ естественнымъ чувствомъ самосохраненія, съ желаніемъ сохранить жизнь, безцеремонно угрожаемую игрою въ веревку или желѣзо, вынудили дворянство принять двусмысленное положеніе и создать для себя лазейку, чрезъ которую при обстоятельствахъ можно было бы найдти безопасный выходъ.

Однакожъ, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, когда надежда на иностранную помощь исчезла, когда военныя силы инсуррекціи сведены на самое незначительное число, когда грабежи и разбои довели страну до банкротства, когда патріотическое разбойничество облекло тысячи семействъ въ трауръ и наполнило воздухъ стонами отчаянія, — теперь, говорю я, дворянство поняло ложность своего положенія, оно открыло глаза, открываетъ уже уста, заговорило языкомъ разсудка, осуждаетъ виновниковъ бѣдствій отечества.»

«Да—дворянство въ душѣ вышло уже изъ заблужденія и даже большею частію уже не находится подъ вліяніемъ революціоннаго колебанія. Отчаянные стоятъ еще по лѣвой сторонѣ—тѣ, которые или прежде были слишкомъ скомпрометированы, или которые, скитаясь по лѣсамъ, не перестаютъ мечтать о пріобрѣтеніи дешевымъ образомъ титуловъ маіоровъ, полковниковъ, генераловъ, и наконецъ тѣ, которые связаны съ послѣдними болѣе близкими или семейными узами.»

«Что касается чиновничей шляхты, прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, что это за часть національнаго организма? Я спрашиваю, что такое нашъ чиновникъ? Отвѣтъ легокъ: слуга правительственной власти, солидарный агентъ власти исполнитель-

ной. А противъ кого революція? Противъ правительства, противъ исполнительной власти. А въ другія времена и въ другихъ странахъ, гдѣ случались революціи, принимали ли въ ней участіе чиновники, имѣющіе значеніе, подобное нашимъ чиновникамъ? Нигдѣ и никогда. Но въ этомъ есть что-то странное. Быть можетъ, чиновники наши, подобно рекрутамъ, занимаютъ мѣста по принужденію? Сохрани Боже, —напротивъ, нужно весьма много хлопотъ и усилій, пока кандидатъ войдетъ въ штатъ, а присягу на вѣрность престолу приноситъ всегда добровольно, безъ принужденія и охотно. Можетъ быть эти господа достаточно богаты, если, затѣивая заговоры, они легкомысленно рискуютъ своимъ общественнымъ положеніемъ? Какъ бы не такъ! Если бы не выдавалось аккуратно всякій мѣсяцъ жалованье, то навѣрное нѣсколько дней послѣ перваго числа, не было бы чѣмъ затопить чиновничьей кухни. Но это слишкомъ запутанная вещь и требуетъ тщательнѣйшаго разсмотрѣнія.

Неподлежитъ сомнѣнію, что нашъ чиновничій людъ весьма сильно замѣшанъ въ преступномъ дѣйствіи, такъ жестоко скомпрометировавшемъ судьбы Польши. Чиновничья іерархія усердно приняла участіе въ первоначальномъ составленіи, упроченіи и распространеніи заговора, затѣмъ въ дальнѣйшемъ его развитіи, благодаря своему служебному положенію, а главное ея участіе выражалось въ содѣйствіи секретному и успѣшному сообщенію, устроенному по всей странѣ».

«И въ этой фракціи нашего населенія, замѣтна та же революція, которою отличается наше радикальное дворянство. Меньшинство, значительное меньшинство управляетъ цѣлымъ. Аппликанты, канцеляристы, депенденты и нѣкоторая часть высшихъ оффиціалистовъ, опирая свое достоинство и значеніе на усахъ и закругленной шляпѣ или санкюлотской фуражкѣ, импонируютъ своимъ начальникамъ, управляютъ ихъ мнѣніями и политическимъ поведеніемъ, а господа чиновники, президенты и директоры, волею неволею, прибѣгаютъ къ приведенной нами шляхетской уловкѣ и начинаютъ разыгривать двусмысленную роль».

«Да, духъ волненія прежде всего и главнымъ образомъ поселился въ нашихъ слояхъ чиновничьяго міра—этого класса канцелярскихъ чернорабочихъ, которые, поддерживая въ разслабленномъ мозгу соціяльныя иллюзіи, стараются отличиться какою-либо крайностію, лишь бы впослѣдствіи занять прези-

дентское, директорское и даже министерское кресло. Но лѣта, охлаждающія пылъ воображенія, но высшее развитіе, дѣлающее общественнаго человѣка раціональнымъ, но опытъ, который, связывая прошедшее съ будущимъ, открываетъ для наблюдательнаго глаза неизбѣжность результатовъ въ естественномъ теченіи человѣческихъ дѣлъ, а главное опасеніе лишиться упроченнаго уже высокаго служебнаго положенія,—все это удержало въ пассивномъ состояніи чиновничью аристократію. Потому высшую чиновничью сферу, за нѣкоторыми лишь исключеніями, вообще нельзя назвать революціонною. А изъ этого слѣдуетъ, что, отдѣливъ отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ бюрократическаго населенія, эти личности, которыми преимущественно управляетъ страхъ и ложное общественное мнѣніе, мы убѣдимся, что едва одна пятая часть входитъ въ составъ дѣйствующей революціонной организаціи. Приблизительно опредѣляю это число цифрою—одна тысяча.

Однакожъ и это незначительное число, въ виду пяти-милліоннаго населенія, будетъ имѣть еще менѣе значенія на вѣсахъ политическаго баланса, когда мы припомнимъ, что оффиціалистъ и даже не одинъ чиновникъ, лишившись служебнаго званія, возвратится въ категорію пролетаріата, въ разрядъ того населенія, которое въ общественномъ организмѣ не имѣетъ вовсе жизненнаго значенія. Политическая судьба древняго прославленнаго Рима сильно поддерживаетъ этотъ аргументъ.

По очереди приступаю къ городскому элементу. Хотя зародышъ, организація и развитіе теперешняго возстанія имѣли главнымъ гнѣздомъ города и мѣстечки, очевидно однакожъ, что въ этомъ дѣлѣ мѣстныя условія имѣютъ болѣе значенія, нежели стремленія и нравственная дѣятельность городскихъ жителей, этого третьяго сословія, котораго у насъ еще нѣтъ и вліяніе котораго потому не могло обнаружиться на важнѣйшія происшествія въ странѣ. Города потому были избраны агентами заговора, какъ пункты опоры и выхода, что въ нихъ легче нежели въ деревнѣ прикрыть тайну заговора, потому что въ нихъ, какъ въ убѣжищѣ пролетаріата, легче подкупить и собрать массы авантюристовъ и мошенниковъ, которые дѣйствительно совмѣстно съ сельскою дворскою челядью и составили первыя мятежныя шайки.

Мѣстное населеніе въ Варшавѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ

нашихъ городахъ, состоитъ изъ владѣльцевъ недвижимостей, купцовъ, торговцевъ, спекулянтовъ, ремесленниковъ всякаго рода и изъ наемщиковъ, чернорабочихъ или пролетаріата. Революціонная пропаганда главнымъ образомъ обратилась къ этой городской молодежи, которая, подъ вліяніемъ дисциплины цеховаго устройства, сначала за кусокъ хлѣба, а потомъ за весьма незначительную плату, проводитъ весь день, съ утра до вечера, въ постоянной работѣ. Пропаганда предложила ей свободу, веселую жизнь, огромныя выгоды безъ всякаго труда, славу, награды и возвышенныя цѣли, и она увлеклась.

История учитъ насъ, что независимо отъ физической эпидеміи, появляется также и нравственная эпидемія, и что она заразительна не менѣе первой. Мы имѣемъ передъ собою свѣжее доказательство этой истины. Вслѣдъ за ремесленною эмиграціею, бросились въ лѣса такъ называемые городскіе сынки, а за ними и молодежъ, не принадлежащая къ городскому классу, хотя и живущая въ городахъ. Но эта эмиграціонная аристократія пошла въ лѣсъ уже не изъ матеріальныхъ выгодъ, а соблазнилась аплодисментами, эполетами и командирствомъ.

И что же сталось съ этою массою молодежи, которая могла бы когда-нибудь быть двигателемъ благоденствія, представителемъ народа? Случилось то, что должно было случиться. Что возстало изъ праха—обращается въ прахъ, а священное писаніе говоротъ: »уподобится глупому мужу тотъ, кто воздвигнулъ домъ свой на пескѣ. Пошелъ дождь, и потекли рѣки, и повѣяли вѣтры, и ударили въ домъ тотъ—и упалъ онъ, и паденіе его было великое«.

Но возвратимся къ городскимъ оградамъ, взглянемъ напримѣръ на Варшаву въ ея революціонной атмосферѣ.

Вездѣ печально, вездѣ глухо, вездѣ угнетеніе и паническій страхъ, вездѣ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вездѣ опасеніе даже за настоящую минуту, — ибо кто же могъ навѣрное сказать, что переживетъ день!

Домовладѣлецъ ропщетъ, что квартиры пусты и за отданныя въ наемъ трудно получить арендныя деньги, — напоминать объ этомъ даже опасно, какъ испыталъ это Вейхертъ въ Свентокржиской улицѣ; а между тѣмъ подати гнетутъ домовладѣльца со всѣхъ сторонъ, гнететъ его и множество другихъ тягостей. Купецъ плачетъ, что падаетъ торговля, товары лежатъ

и залеживаются безъ сбыта и поглощаютъ основной капиталъ, что доходъ отъ ежедневной продажи едва хватаетъ на необходимыя жизненныя потребности. Ремесленникъ со скорбію смотритъ на свою пустую мастерскую, ибо нѣтъ мастеровыхъ, ибо всѣ ушли въ »лѣсъ«. Фабрики пріостановились и умолкли, потому что никто ничего не заказываетъ, ничего не покупаетъ, къ тому же и здѣсь недостатокъ въ работникахъ.

Вечеромъ городъ представлялъ какъ бы картину заколдованнаго замка; порою только скользили человѣческія тѣни, и каждый, которому пришлось выйдти на улицу, съ безпокойствомъ озирался во всѣ стороны, не грозитъ ли ему желѣзо убійцы. Словомъ — всеобщая нищета, упадокъ торговли и промышленности, грозное банкротство, опасность жизни. Вотъ судьба столичнаго города, а соразмѣрно ту же картину представляли и всѣ прочіе города и мѣстечки Царства польскаго.

Потому естественно, что зло уже надоѣло, что разумъ беретъ верхъ надъ заблужденіемъ, что взоры угнетенныхъ обращаются къ свѣтлому прошедшему, что жители городовъ жаждутъ возвратиться къ нему.

Да, дѣянія подземнаго правительства перешли уже мѣру своеволія и тиранніи, и не смотря на ложныя и площадныя изобрѣтенія революціонной прессы, опровергающія подлинность многочисленныхъ городскихъ адрессовъ, наши города серіозно не желаютъ уже болѣе революціи и если порою остаются еще подъ вліяніемъ заблужденія, то это уже не дѣятельные слуги анархіи и преступленія, а развѣ только субъекты, еще не радикально излечившіеся отъ сумашествія.

Представленный очеркъ дѣла приводитъ къ заключенію, что заговоръ и инсуррекція, подготовляемые весьма долго какъ внутри такъ и внѣ края, а въ январѣ и февралѣ прошлаго года развившіеся въ большихъ размѣрахъ въ Царствѣ польскомъ, основывали все свое существованіе и силы до конца минувшаго года на террорѣ, на лжи, усердно распространяемой газетами и агентствами, и которая привела всѣ классы населенія въ Царствѣ на путь заблужденія. Приведенный очеркъ въ результатѣ обнаруживаетъ, что вся матеріальная сила возстанія состояла изъ шаекъ, сформированныхъ преимущественно изъ городскаго пролетаріята, разсѣянныхъ во множествѣ пунктовъ, скрывавшихся въ лѣсныхъ чащахъ, грабившихъ во время своихъ на-

бѣговъ, деревни и мѣстечки и орошавшихъ землю кровью, не непріятельскою кровью, видъ которой былъ имъ несносенъ, но братскою кровью, кровью мирныхъ жителей. Но все это было лишь въ началѣ и во время разгара возстанія; теперь совсѣмъ другое.

Революція почти уже не имѣетъ вооруженной силы. Большая часть послѣдней уже заснула на вѣки. Значительное число инсургентовъ отправлено въ отдаленныя мѣстности, гдѣ они не могутъ ни грабить, ни умерщвлять соотечественниковъ. Горсть же авантюристовъ, появляющаяся еще тамъ и сямъ въ формѣ бандитизма, представляетъ такое ничтожество, что оно не способно возстановить или обезпечить такъ называемому національному правительству ни нравственнаго значенія, ни матеріальной силы.

Я указалъ выше, что большинство дворянства, единственно подъ вліяніемъ какого-то оцѣпененія и изъ страха приняло цвѣтъ революціонной партіи, впрочемъ большою частію въ смыслѣ пассивномъ. Теперь, наученное опытомъ и поддержанное энергическими дѣйствіями Императорскаго правительства, дворянство выходитъ изъ апатическаго положенія, снимаетъ съ глазъ повязку заблужденія, признаетъ истину и честность, жаждетъ возстановленія свободы и самостоятельности. Я указалъ, что революція не можетъ насчитать въ своей партіи болѣе тысячи человѣкъ, и въ неошибочности этого расчета ручаюсь вторично.

Что касается господъ чиновниковъ или, вѣрнѣе, оффиціалистовъ, то я уже сказалъ, что въ революціонную организацію, главнымъ образомъ, входитъ канцелярская молодежь, я обозначилъ ея численность цифрою—тысяча. Быть можетъ эта цифра нынѣ сократилась, ибо время хорошій учитель; но если бы и не было такъ, то трудно ли расчитаться съ этой жалкой горстью враждебныхъ силъ?

Резюмируя такимъ образомъ всѣ элементы, входящіе въ составъ нашего общества, да позволятъ мнѣ спросить сторонники подземной власти, именующей себя національнымъ правительствомъ, на какомъ фундаментѣ опираетъ оно еще и теперь полномочіе и авторитетъ своего идола, осквернившаго себя злоупотребленіями, ложью и братнею кровью? На какихъ со—

ображеніяхъ основываетъ оно даже подобіе какого бы то ни было успѣха инсурреккціи?

Ты можешь однакожъ, почтенный читатель, сдѣлать замѣчаніе, что у меня вовсе не говорится о духовной іерархіи, которая все-таки входитъ въ составъ народа, а въ возстаніи играло и играетъ замѣчательную роль; что я не разъясняю тебѣ этого всеобщаго оцѣпененія, этой революціонной оболочки, все еще окружающей Царство польское, этого, наконецъ, отголоска иностранной и народной прессы, публикующей, подобно моимъ, всякія извѣстія. Согласенъ; отвѣчу и на этотъ упрекъ.

Духовенство. Обстоятельства завязки, развитія и проявленія мятежа, составляютъ чисто соціяльный, политическій, земскій фактъ. Между тѣмъ, проникнутый скорбью христіанскаго сердца, скажу только, что пастырь есть слуга алтаря, той святыни, о которой Создатель сказалъ: »Царство мое не отъ міра сего«.

Всеобщее оцѣпененіе есть естественное послѣдствіе всякаго чрезвычайнаго потрясенія, каждаго сильнаго пароксизма въ организмѣ. Это нѣкотораго рода переходное состояніе отъ одной крайности къ другой, и оно-то и есть наше теперешнее соціально-нравственное состояніе.

Что касается отголоска заграничной прессы и такъ называемой народной прессы, которыя своими уловками привели нашу страну на ложный путь преступности и самоубійства, которыя еще и теперь прибѣгаютъ ко всевозможнымъ маневрамъ, что бы завѣсою лжи прикрыть блескъ истины и разсудка, то мнѣ приходится выяснить этотъ предметъ нѣсколько подробнѣе.

Наша заграничная эмиграція, которая при содѣйствіи своихъ агентовъ-эммиссаровъ на берегахъ Вислы, была главнымъ, а быть можетъ единственнымъ виновникомъ всего, совершавшагося у насъ въ послѣдніе годы, эмиграція эта въ теченіе тридцати лѣтъ не дремала на берегахъ Рейна, Тибра, Сены и Темзы. Она изучала событія прежнихъ столѣтій, усердно изучала и углублялась во всѣ тѣ дѣла и происшествія, которыя гдѣ-либо и когда-либо волновали спокойствіе и общественный порядокъ, и въ видѣ плода своихъ долголѣтнихъ трудовъ, она составила наконецъ программу задуманнаго предпріятія, въ своемъ родѣ маккіавельскій трактатъ, но законченнѣйшій и доведенный до большаго совершенства, трактатъ, главныя основанія кото-

раго—подземныя дѣйствія, тайна, терроръ, ложь и коварство, съ поясненіемъ, что всякое средство хорошо, лишь бы вело въ цѣль.

Не нужно объяснять, что такое тайна, что такое подземный деспотизмъ, ибо всякій изъ насъ понимаетъ теперь хорошо, что означаютъ эти двѣ революціонныя основы. О террорѣ также нечего говорить: кому неприходилось дрожать передъ нимъ, кого онъ не разорилъ, и сколько семействъ осудилъ онъ на печаль и облекъ въ трауръ?

Остается затѣмъ сказать кое-что о системѣ лжи и коварства.

Признаюсь, маневръ коварства увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Большую часть добродушныхъ или легковѣрныхъ (какъ кому вздумается ихъ назвать) жителей Царства польскаго опутала плотная паутина заблужденія и при усердномъ содѣйствіи родной его сестрицы—лжи и иностранной прессы, они были обмануты какъ нельзя лучше.

Чудовищныя лжесплетенія, распускаемыя еще и нынѣ иностранными газетами, не составляютъ впрочемъ ихъ первороднаго грѣха. Все, что онѣ печатаютъ въ своихъ столбцахъ, получается изъ Варшавы или изъ заграничныхъ мастерскихъ подземнаго производства. Тѣмъ не менѣе на нихъ тяготитъ та вина, что и онѣ, по легкомыслію ли, вслѣдствіе ли личныхъ отношеній, или же по матеріальнымъ соображеніямъ, но все-таки приняли участіе въ навлеченіи бѣдствій на нашу страну.

Самая главная вина лежитъ на краковской газетѣ Czas—Chwila и на подземныхъ публикаціяхъ, именуемыхъ національною прессою.

Я покраснѣлъ бы, если бы допустилъ, что кто-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ, людей благоразумныхъ, дастъ хотя бы малѣйшую вѣру этимъ баснямъ, этимъ безсмысленнымъ и площаднымъ выдумкамъ, которыя вездѣ и постоянно распространяютъ въ своихъ столбцахъ патріотическая пресса. Но зато грустно, что городское населеніе, въ низшихъ слояхъ своихъ, отуманить которые такъ сильно хлопочутъ революціонные агенты и журналы, не выработало въ себѣ настолько самостоятельности, что бы отличить истину отъ сплетенъ и лжи. И этимъ-то путемъ подземное правительство достигло своихъ цѣлей: оно погубило для страны нѣсколько десятокъ тысячъ по—

ваго поколѣнія, а остальной пролетаріятъ довело до печальной деморализаціи.

Не хватило бы столбцевъ Dziennika Powszechnego, если бы я вздумалъ приводить всѣ подробности безсмыслицъ, сказокъ и всякаго вздора, печатавшагося безпрерывно въ патріотическихъ газетахъ. Такъ какъ эти вещи всякому достаточно извѣстны и слѣдуетъ полагать, что многіе изъ читателей оцѣнили ихъ по достоинству, то и ограничусь, по этому предмету, только нѣсколькими словами.

Съ самаго начала нашихъ волненій, газета Czas, а теперь Chwila, и вся фаланга варшавскихъ подземныхъ газетъ объявляли и постоянно объявляютъ о побѣдахъ сражающихся непобѣдимыхъ національныхъ отрядовъ надъ Императорскимъ войскомъ, постоянно объявляютъ о пораженіяхъ русскихъ отрядовъ, о безпрерывной убыли въ ихъ рядахъ, въ теченіи цѣлаго года.

Братья! Вѣдь все, о чемъ гласятъ сказанныя газеты, творится не въ Америкѣ, не въ Китаѣ, не въ Японіи, но среди насъ, на нашихъ глазахъ. Спрашиваю: кому принадлежатъ четыре крѣпости, унизанныя пушками и находящіяся въ нашей странѣ? Кто занимаетъ столицу Царства, губернскіе и уѣздные города? Чье правительство дѣйствуетъ смѣло и энергически, начиная съ Варшавы до наименьшаго мѣстечка и общины? А съ другой страны: гдѣ столица такъ называемаго національнаго правительства, гдѣ засѣдаютъ его власти, кто его знаетъ, кто знаетъ эти власти, за исключеніемъ главныхъ заговорщиковъ собирающихся въ подземельяхъ, втихомолку и ползкомъ, подобно ящерицамъ?

Спрашиваю: замѣчаетъ ли кто-нибудь, что бы Императорскія войска притерпѣли съ начала борьбы какую-нибудь убыль въ военныхъ силахъ? Что было, то и есть въ полномъ комплектѣ. Напротивъ, теперь силы его значительнѣе, нежели онѣ были въ началѣ прошлаго года. И опять-таки съ другой стороны: гдѣ же національныя войска, гдѣ ихъ главная квартира? Имѣютъ ли они въ своемъ владѣніи какую-либо провинцію, какую-нибудь часть Царства, какую-нибудь мѣстность? Вѣдь лѣсныя убѣжища, безпрерывно мѣняющіяся, не изобличаютъ ни силу, ни какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Гдѣ эти прославленные вожди—Лангевичъ, Мѣрославскій и Крукъ, на которыхъ такъ много расчитывало возстаніе? Кто же не пойметъ, что въ арміи, изъ которой бѣгутъ главные начальники

и къ тому же въ разное время, одинъ вслѣдъ за другимъ нѣтъ ни элемента силы, ни порядка, и что тамъ не можетъ быть рѣчи о побѣдахъ.

И вотъ въ настоящую минуту возстаніе до такой степени ничтожно, что развѣ еще можетъ представить нѣчто въ родѣ калабрійскихъ бандитовъ, съ тою только разницею, что тѣ идутъ прямо и честно къ своей цѣли: »кошелекъ или жизнь«, между тѣмъ какъ наши молодцы, грабя достояніе своихъ соотечественниковъ, обращаются къ нимъ еще съ рѣчью, которая превосходитъ всю поэзію обитателей института св. Яна, ибо безпрерывно декламируютъ и проповѣдуютъ неумолимую войну противъ Владыки девятой части земнаго шара.

Если бы этотъ оригинальный фарсъ не былъ, по своимъ послѣдствіямъ, трагическимъ фактомъ, я повторилъ бы слова, которыя моя память сохранила еще изъ временъ школьныхъ: risum teneatis, amici!

Что касается политическо-нравственнаго начала нашего подземнаго правительства, которое оно приняло и которому строго подчиняетъ всѣ свои поступки—»каждый путь хорошъ, лишь бы дойти къ задуманной цѣли«,—то я замѣчу, что имѣю на этотъ счетъ иныя убѣжденія. Я сознаюсь, что ложь, измѣна и преступленіе бросаютъ пятно позора на лучшее дѣло.

Я сказалъ, что главный элементъ, который избралъ себѣ революціонный маккіавелизмъ какъ орудіе, чтобы отуманить общественное мнѣніе, чтобы злоупотреблять довѣріемъ своихъ соотечественниковъ, есть пресса, подраздѣляемая на три отдѣла: на прессу заграничную отдаленную, на прессу заграничную ближайшую и на мѣстную подземную прессу.

Фабрикація всѣхъ этихъ произведеній производится главнымъ образомъ въ варшавскихъ мастерскихъ, подъ внушеніями и на глазахъ такъ называемаго національнаго правительства. Газеты заграничныя, болѣе удаленныя и болѣе близкія публикуютъ исключительно доставляемыя имъ лжи и пасквили, и только изрѣдка прибавляютъ къ нимъ свои выдумки и разсказы. Такимъ-то образомъ наши письменныя композиціи совершаютъ два путешествія—одно впередъ, другое обратно назадъ,—одно—чтобы обмануть и обогатить соблазнительнымъ товаромъ иностранную прессу, а другое—для сообщенія мѣстной пропагандѣ авторитета заграничнаго голоса.

Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что эта искусная уловка приноситъ намъ весьма мало пользы. Варшавскія корреспонденціи, попавшія въ заграничныя газеты, такъ мало содержатъ правдоподобнаго и такъ много грязныхъ и неприличныхъ вещей, что за границею только тѣ способны вѣрить въ ихъ достовѣрность, умственное развитіе и здравый смыслъ которыхъ стоятъ на одномъ уровнѣ, въ обратномъ отношеніи съ утонченнымъ нахальствомъ нашихъ редакторовъ.

А потому эта часть маневра производитъ на берегахъ Вислы непосредственно, весьма мало зла, тѣмъ менѣе, что иностранныя газеты не всякому доступны или по незнанію языка, или же вслѣдствіе весьма естественной осторожности предупредительной власти. Но газета Czas или Chwila, но цѣлая фаланга подземныхъ изданій совсѣмъ иное дѣло.

Заснувшій краткимъ летаргическимъ сномъ Czas, и выступившая на его мѣсто фиглярская Chwila—вотъ главный резервуаръ, сосредоточивающій всѣ безсмысленницы и ложь, которыя путемъ заграничныхъ газетъ не могутъ прямо дойти до свѣдѣнія публики. Это резервуаръ, который на понятномъ для всѣхъ языкѣ усердно пользуется всякою дорожкою, всякою тропинкою лишь бы дурачить людей, прикрывать истину, распространять низкія клеветы, вселять въ умахъ гибельныя заблужденія, чтобы уничтожить слѣдъ всякой религіозной и общественной нравственности.

Вы скажете быть можетъ, почтенный читатель, что бумага терпитъ и сноситъ все, но столь тяжкіе упреки, направленные именно противъ знаменитаго мужа, отвѣтственнаго редактора подкупленной газеты Czas-Chwila—требуютъ доказательствъ.

Вы предупреждаете мою собственную мысль, которую внушилъ мнѣ самъ господинъ отвѣтственный редакторъ, провозглашая въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ своей газеты, что все публикованное въ Dziennik'ѣ Powszechn'омъ—ложь, а все что онъ самъ говоритъ—святая истина, подтвержденная документами. Я утверждаю то же самое, но въ обратномъ смыслѣ, и не желая отдѣлаться отъ моихъ читателей авторитетомъ своего приговора, какъ это дѣлаетъ Chwila, привожу доказательства справедливости моего мнѣнія.

Невозможно цитировать все, что въ теченіи трехъ лѣтъ

высказала намъ *краковская газета* совмѣстно съ своимъ союзникомъ,—подземною прессою. Но такъ какъ я уже сказалъ, что буду доказывать, то и беру Partem pro toto—вѣдь и этого достаточно.

Не касаясь непристойностей, направленныхъ противъ того святаго принципа, предъ которымъ благоговѣетъ всякое общество, находится ли оно еще въ колыбели развитія или на вершинѣ цивилизаціи, ограничусь воспоминаніемъ о тѣхъ легкомысленныхъ мнѣніяхъ, о тѣхъ наглыхъ уловкахъ и обманахъ, которыми отличаются публикаціи трехлѣтней революціонной прессы.

Съ концомъ 1861 г. газета Czas и разнаго наименованія подземныя бумаги затѣяли борьбу съ законнымъ порядкомъ вещей, съ устроеннымъ правительствомъ Царства Польскаго и призвали въ помощь всякаго рода ложь и клевету. Съ цѣлію собственнаго оправданія, а также—оклеветанія и осужденія законной власти, они неутомимо работали надъ тѣмъ, чтобъ окружить наши умы мглою заблужденія, изгнать изъ сердецъ нашихъ сознаніе правды и добродѣтели и исполнить ихъ элементовъ коварства, мести и преступленія; по канвѣ такихъ началъ создалась мѣстная программа, которую революціонный комитетъ осуществилъ въ 1862 году, подавъ сигналъ къ первому убійству на *Твардой улицѣ*. Послѣ этого пробнаго и оставшагося безнаказаннымъ преступленія, приступлено было къ дальнѣйшему развитію террора, сперва по немногу и осторожно, впослѣдствіи же, а въ особенности въ прошломъ 1863 году, безъ всякой уже церемоніи настоятельно и почти публично.

Въ массѣ совершенныхъ, въ этомъ родѣ, преступленій считаемъ также четыре покушенія—на жизнь трехъ представителей Государя Императора, а четвертое на жизнь перваго сановника въ мѣстномъ правительствѣ. Въ исторіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, ибо эти четыре событія слѣдовали одно за другимъ въ теченіи десяти съ чѣмъ-то мѣсяцевъ, а подставными убійцами была молодежь, едва начинавшая жить, избранная изъ низшихъ слоевъ общества, отуманенная, обманутая и развращенная уловками дуализма, живущаго въ неразрывномъ единствѣ центральнаго комитета и агенства революціонныхъ журналовъ. Подставными убійцами была ремесленная

молодежь, обреченная на смерть тѣми ловкими людьми, которые, сами скрываясь за кулисами, готовы всегда собрать жатву, если бы только къ тому представился случай.

Возвратимся къ исторіи четырехъ покушеній. Комитетъ, пресса и наемные сбирры выполнили все, что только зависѣло отъ нихъ, для достиженія удачи въ задуманныхъ убійствахъ. Но Провидѣніе явилось на защиту жертвъ, находившихся уже на краю жизни. Покушеніе въ результатахъ не увѣнчалось успѣхомъ, или по крайней мѣрѣ удалось не совершенно, ибо всѣ четыре личности живы и здоровы.

Какъ же поступилъ комитетъ и его пресса въ этомъ злосчастномъ случаѣ? Опубликовали и распустили вѣсть, а толпа этому повѣрила, что со стороны революціи никакого не было покушенія, что все совершившееся—простая московская комедія, агенты которой сочинили умышленно покушеніе, чтобы доставить наѣзднической власти предлогъ къ конфискаціямъ, убійствамъ, тюремнымъ заключеніямъ, къ ссылкѣ невинныхъ жертвъ.

Остановимся на минуту надъ этимъ смѣшнымъ, неловкимъ и даже низкимъ пріемомъ.

Что революція—дѣло рукъ нашихъ—этого не отвергаемъ; что въ нашей организаціи мы приняли начало разрушенія всякой преграды, которая стоитъ или можетъ стоять на нашей дорогѣ—этому также не можемъ противорѣчить: организація наша, какъ распубликованная во всѣхъ газетахъ, извѣстна всѣмъ и каждому. Что жизненная сила, препятствующая развитію и торжеству революціи, сосредоточивается въ войскѣ —это говоритъ здравый смыслъ; что главный вождь—душа арміи—въ этомъ никто не сомнѣвается. Слѣдовательно революція по своему принципу, есть врагъ главнокомандующаго; и фактами въ тысячѣ случаевъ революція доказала, что дѣйствуетъ сумосбродно, что не жалѣетъ ни дѣйствительныхъ, ни воображаемыхъ враговъ своихъ.

Съ другой стороны—возможно ли допустить, руководствуясь здравымъ смысломъ, чтобъ само правительство или правители изъ-за пустыхъ и второстепенныхъ цѣлей, точили желѣзо на собственную жизнь, отливали свинецъ, приготовляли химическіе аппараты? Развѣ возможно, чтобы подставленный правительственный агентъ, серіозно замахнулся на своего на-

чальника смертоносныиъ орудіемъ? Развѣ возможно, чтобы посторонній убійца, вовлеченный въ заговоръ, хотя бы агентомъ, въ минуту рѣшающую вопросъ о его жизни, не изобличилъ хитрости и не протестовалъ противъ нея громко?

Все вышесказанное должно, полагаю, открыть глаза и убѣдить васъ, соотечественники, въ томъ, что комитетъ или національное правительство, равно и подземная пресса, сильно грѣшатъ и дѣломъ, и словомъ. Кровавыми и преступными своими дѣяніями они оскорбляютъ Божескія и человѣческія права, вредятъ чести и доброму имени польскаго народа, независимо отъ матеріальнаго ущерба, нанесеннаго странѣ. Они грѣшатъ словомъ, ибо такъ нелѣпо и умышленно лгутъ, что возбуждаютъ лишь презрѣніе въ каждомъ здравомыслящемъ человѣкѣ. Они грѣшатъ, наконецъ, и тѣмъ, что считаютъ насъ, читателей своихъ газетъ, глупцами или дѣтьми, потому что угощаютъ насъ такимъ вздоромъ, который наврядъ-ли былъ бы терпимъ у индійцевъ и патагонцевъ.

Если вамъ недостаточно приведеннаго примѣра, то я могу представить и другія картинки, окрашенныя въ тотъ же цвѣтъ. Газета Chwila въ одномъ изъ недавнихъ своихъ нумеровъ говоритъ, что Москва на всѣхъ улицахъ Варшавы воздвигла висѣлицы, что въ политическихъ тюрьмахъ содержитъ болѣе ста тысячъ человѣкъ, что конфискованы имущества нѣсколькихъ десятковъ тысячъ обывателей,—и, не смотря на это, весь народъ находится подъ ружьемъ и сражается съ врагомъ своимъ.

Спрашиваю васъ, жители Варшавы, гдѣ находятся эти висѣлицы, которыя будто бы воздвигнуты на всѣхъ улицахъ?

Спрашиваю васъ, гдѣ эти чудовищныя зданія, способныя помѣстить сотню тысячъ арестантовъ, кто въ состояніи прокормить такую массу людей, и сколько нужно стражи для надзора за ними?

Пусть же кто-нибудь скажетъ, какъ называются эти десятки тысячъ конфискованныхъ имѣній? Если бы это было справедливо, то въ рукахъ частныхъ лицъ осталось бы собственности очень немного.

Намъ извѣстно только, что заняты войскомъ нѣкоторыя недвижимости, вслѣдствіе открытаго на мѣстѣ преступленія или измѣны. Не знаю, что можетъ произойдти съ такимъ имуществомъ завтра: я не чиновникъ и не посвященъ въ виды пра-

вительства; но понимаю, что есть нѣчто въ родѣ судебной экзекуціи, которая временно обезпечиваетъ интересъ кредитора. Въ этомъ случаѣ должникомъ считается—волнующійся житель, а кредиторомъ является правительство—солидарный представитель и защитникъ общества.

Chwila говоритъ, что вся Польша находится подъ ружьемъ и сражается; но гдѣ же ея полчища? Вѣдь отряды императорскихъ войскъ постоянно и вездѣ ихъ ищутъ, а нигдѣ найдти не могутъ.

Та же газета провозглашаетъ какую-то блистательную побѣду, одержанную въ люблинскомъ воеводствѣ, гдѣ, какъ утверждаютъ, на полѣ сраженія убито десять москалей, а національная армія отступила совершенно безопасно, потерявъ только одного рядоваго. Пусть же кто-нибудь мнѣ растолкуетъ, какимъ образомъ побѣдитель бѣжалъ съ поля битвы?

Что касается національной арміи, то организація ея должна быть весьма оригинальна, когда одинъ ея корпусъ, разбитый недавно, въ окрестностяхъ города Коваля, составленный всего изъ сорока человѣкъ, независимо отъ младшихъ офицерскихъ чиновъ, имѣлъ въ своемъ составѣ восемнадцать маіоровъ!

Та же газета увѣряетъ, что Москва сожгла движимости двухъ тысячъ жильцовъ въ домѣ Замойскаго. Спрашиваю—сколько нужно времени, чтобы въ довольно стѣсненномъ мѣстѣ потребить такое множество топлива? Но несомнѣнно что, и десятая часть означеннаго числа жильцовъ, не занимала квартиръ въ сказанномъ домѣ.

Но забавнѣе всего—школьническая выдумка краковской газеты, которою она угостила своихъ читателей, именно, что въ одномъ изъ подляскихъ городовъ военный начальникъ, собравъ все арестованное населеніе, поставилъ его на два часа на колѣни...

Chwila занимается также статистикою и высчитываетъ, что императорское правительство приговорило уже въ Царствѣ Польскомъ къ смертной казни—по ея словамъ выходитъ одинъ разъ 208, другой—240 и наконецъ 250 человѣкъ. Не знаю, на сколько эта цифра отличается точностію; но люди, знакомые съ дѣломъ, говорятъ, что она преувеличена. Я однако замѣтилъ бы здѣсь: такъ какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что

по приказанію революціоннаго комитета въ 1863 году варварски умерщвлено ваемными убійцами болѣе нежели тысяча мирныхъ жителей, то императорское правительство. какъ держащее въ своихъ рукахъ вѣсы правосудія и обязанное религіею оберегать общественную безопасность, далеко еще не выполнило бы всего своего долга въ отношеніи неба и земли, если бъ даже наказало 250 убійствъ.

Этотъ послѣдній періодъ моей замѣтки напоминаетъ мнѣ печатный циркуляръ революціоннаго начальника города Варшавы, который недавно ходилъ по рукамъ между жителями. Вотъ его слова: «Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни тюремныхъ домовъ, ни отдаленныхъ провинцій для ссылки, центральный комитетъ естественно вынужденъ назначать смертную кару лицамъ, которыя не хотятъ принадлежать къ намъ.»

Уже двадцать столѣтій сряду міръ проклинаетъ память Маріевъ, Силлы, Каллигулы и Нероновъ—а чѣмъ же отличается отъ нихъ въ дѣйствіяхъ своихъ наше подземное правительство? То же основаніе, та же внѣшность, тѣ же послѣдствія. На ряду съ древними варварствами, нашъ почтенный комитетъ исполняетъ даже функцію поджигателя того времени. Между обоими эпохами существуетъ та только разница, что въ Римѣ не было такой пожарной команды, какая въ прошломъ году спасла нашъ городъ отъ катастрофы, которою ему угрожало пламя подожженной ратуши.

Возвращаясь еще разъ къ краковской прессѣ, я долженъ спросить ее на какомъ документѣ основываетъ она пущенное ею въ ходъ извѣстіе о коллекціи 250,000 и даже 300,000 подписей извѣстныхъ литовскихъ помѣщиковъ протестующихъ противъ господства Москвы и бросающихся въ объятія подземнаго правительства?

Не ново ли, не изумительно ли извѣстіе, будто бы клочекъ земли, называемый собственно Литвою, насчитывалъ 300,000 именитѣйшихъ помѣщиковъ. Что касается подписей, то краковская газета имѣетъ уже публичное возраженіе со стороны тѣхъ же обывателей, о которыхъ упоминаетъ. Что же касается статистики, то объявляю господину отвѣтственному редактору, что если онъ мнѣ насчитаетъ, хотя бы только номинально, 10,000 помѣщиковъ, не принимая во вниманіе подписываютъ ли они или нѣтъ адресы, но помѣщиковъ существующихъ въ

Литвѣ, то я обязываюсь прибыть немедля въ Краковъ и представить ему въ видѣ презента коня съ полнымъ снаряженіемъ.

Въ заключеніе я долженъ, соотечественники, обратить еще ваше вниманіе на печальный и страшный упадокъ нашей нравственности, на ударъ, который мы сами, въ виду всего міра, наносимъ нашему національному характеру. Я хочу сказать о захваченной недавно корреспонденціи начальника люблинской революціонной полиціи, въ которой, донося своему высшему начальству о покупкѣ за границею значительнаго количества яда, выражается: «ядъ можетъ получить въ Люблинѣ прекраснѣйшее примѣненіе.»

Братья, пора уже обдуматься! Мы зашли черезъ-чуръ далеко. Мы стоимъ уже на послѣдней ступени нашего уничиженія. (Сѣверн. Почт.)

20-го февраля 1864 г.

О СОВРАЩЕНІИ ВЪ ЛАТИНСТВО ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ м. КЛЕЩЕЛЬ.

(По случаю не вполнѣ вѣрныхъ о томъ извѣстій, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ газетахъ).

Въ письмѣ изъ гродненской губерніи, помѣщенномъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ къ концу истекшаго года и затѣмъ перепечатанномъ въ № 276 „Сѣверной Почты“ сказано между прочимъ: „цѣлое мѣстечко Клещели, бѣльскаго уѣзда, приняло православіе.... Клещельцы были уніаты. При возсоединеніи, они ни за что не хотѣли возсоединиться и упрямо остались уніатами, а скоро и совсѣмъ обратились въ латинство. Нынче, убѣдившись, что значитъ ксендзъ, они всѣ приняли православіе“. Извѣстіе это невполнѣ вѣрно, или лучше—вполнѣ невѣрно.

Примѣры совращенія въ латинство православныхъ жителей нашего края, кромѣ внутренняго своего значенія, часто представляютъ чрезвычайно много интересныхъ сторонъ и потому, возстановляя истину о дѣйствительномъ совращеніи многихъ клещельцевъ въ латинство, мы постараемся изложить при этомъ всѣ важнѣйшія обстоятельства этого дѣла,

Кто знакомъ сколько нибудь съ нашимъ краемъ, тому извѣстно, что жители нашихъ мѣстечекъ, за исключеніемъ евреевъ, по вѣроисповѣданію распадаются обыкновенно на двѣ части: на православныхъ и католиковъ. Первые большею частію и даже исключительно бывшіе уніаты. Жители Клещель въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія. При возсоединеніи, всѣ клещельскіе уніаты приняли православіе, а католики остались католиками. Корреспондентъ говоритъ, что первые ни за что не хотѣли возсоединиться и упрямо остались уніатами — слова эти, смѣемъ увѣрить, лишены всякаго основанія. Если и были примѣры упорства, то обстоятельство это совершенно въ порядкѣ вещей: всегда и во всемъ найдутся люди, готовые отстаивать, по привычкѣ или невѣжеству, заблужденіе противъ истины, мракъ противъ свѣта, но такія, совершенно случайныя явленія отнюдь не измѣняютъ характера событій. Клещельскіе уніаты, наравнѣ и одновременно со всѣми бывшими уніатами нашими, приняли православіе и, слѣдовательно, въ латинство вовсе не обратились какъ утверждаетъ корреспондентъ. Очевидно затѣмъ, что цѣлое мѣстечко Клещели не могло нынче принять православіе, потому что мѣстечко давно населено въ большинствѣ православными. Клещельцы же католики остаются до сихъ поръ по-прежнему католиками. Православные клещельцы, прежніе уніаты, приняли въ свое время православіе, наравнѣ со всѣми нашими уніатами и, стало быть, не оставались до сихъ поръ упорно въ уніи, которой давно и слѣдовъ у насъ нигдѣ не осталось.

Между прочимъ, изъ исторіи возсоединенія уніи съ православною церковью извѣстно, что въ бѣлостокскомъ уѣздѣ дѣло возсоединенія именно совершилось самымъ успѣшнымъ образомъ и нигдѣ не встрѣтило болѣе или менѣе общаго противодѣйствія. Вообще, историческія преданія были еще черезчуръ живы въ умахъ русскаго населенія нашего края; они-то главнымъ образомъ облегчили дѣло возвращенія въ лоно православія всѣхъ, отторгнутыхъ отъ него насиліемъ и іезуитскими происками римскаго духовенства. Во всѣхъ древнѣйшихъ церквахъ бѣльскаго уѣзда и во время уніи сохранились иконостасы, напоминавшіе, что прежде существовало тутъ православіе. И до возсоединенія, богослуженіе тутъ всегда совершалось по славянскимъ книгамъ почаевской печати, очень мало отличающимся отъ богослужебныхъ книгъ сѵнодальной типографіи. Какъ въ другихъ уні-

атскихъ приходахъ, такъ и въ Клещельскомъ, богослуженіе никогда не совершалось на латинскомъ или польскомъ языкѣ. Уже въ позднѣйшее время, предъ возсоединеніемъ, при усиленномъ вторженіи польскаго элемента и въ подражаніе латинскому духовенству, овладѣвшему всѣми преимуществами матеріальнаго быта уніатскихъ священниковъ, по-польски были произносимы только проповѣди. Были, однако, и тутъ примѣры, что многіе мыслящіе священники, соболѣзнуя о нагломъ подавленіи роднаго языка чуждымъ языкомъ польскимъ, поучали своихъ прихожанъ по-бѣлорусски. По возсоединеніи, въ 1839 году, нигдѣ въ нашемъ краѣ не было примѣровъ обратнаго и добровольнаго возвращенія къ уніи или латинству, напротивъ — русское населеніе нашего края видимо возродилось съ тѣхъ поръ и чутко берегло свою вѣру, свою преданность православію. Въ 1849 году, т. е. спустя десять лѣтъ по возсоединеніи, православные Клещельскіе прихожане соблазнялись даже тѣмъ, что престарѣлому приходскому ихъ священнику дозволено было донашивать уніатскую одежду, и входили по этому предмету съ прошеніемъ къ епархіальному начальству. Очевидно, что клещельцы считали себя истинными сынами православной церкви и окончательно отреклись отъ уніи.

Но враги православія и русской народности въ нашемъ краѣ не дремлютъ даже и тогда, когда всевозможные происки не представляютъ, повидимому, никакихъ шансовъ успѣха. Особенно въ послѣднее время, съ крайнею осторожностію, подъ прикрытіемъ глубокой тайны, польскіе ксендзы неуклонно стремились къ постепенному отторженію отъ православной церкви русскаго населенія нашего края, соединяя въ то же время свои папистическія стремленія съ чисто политическими видами. Плодомъ такихъ усилій было, между прочимъ, совращеніе въ латинство до 300 человѣкъ православныхъ клещельцевъ. Мы постараемся изложить здѣсь важнѣйшія обстоятельства этого дѣла. Ксендзы дѣйствовали изъ-далека, начнемъ и мы изъ-далека.

Съ 1832 (если не ошибаемся) до 1858 года въ подлясскомъ епископствѣ (граничащемъ съ уѣздами брестскимъ и бѣльскимъ) бискупская каѳедра, находящаяся въ г. Яновѣ, оставалась вакантною. Въ 1858 году назначенъ былъ, наконецъ, бискупомъ въ г. Яново провинціалъ капуцинского ордена Веніаминъ Шиманскій. Въ ознаменованіе этого событія, положено было совершить торжественно въ

г. Яновѣ католическое богослуженіе, подъ названіемъ „Миссіи“. Въ началѣ того же 1858 года, въ бѣльскомъ и другихъ уѣздахъ появились нищенствующіе капуцины, которые, подъ видомъ собиранія милостыни, ходили по деревнямъ, убѣждая всѣхъ, вмѣстѣ и православныхъ, собираться на сказанную миссію въ Яново. Миссія должна была совершиться съ неслыханнымъ торжествомъ и блескомъ. Къ этому времени, одна дама изъ значительнѣйшихъ польскихъ фамилій привезла частнымъ образомъ (говорятъ въ дорожномъ мѣшкѣ изъ Рима въ Краковъ, а отсюда въ Варшаву, частицы мощей св. Виктора. Въ Варшавѣ частицы эти заключены въ серебрянный ковчежецъ и по ходатайству бискупа Веніамина Шиманскаго, положено было отправить ихъ на миссію въ Яново. Устроили торжественную колесницу, запряженную 6-ю лошадьми, поставили на ней ковчежецъ и, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа, двинулись изъ Варшавы въ Яново. Въ процессіи приняли въ самой Варшавѣ участіе: архіепископъ Фіалковскій, три епископа и все варшавское духовенство. Для дальнѣйшаго провожденія мощей, отъ Варшавы до Янова, приглашены были со всѣхъ окрестныхъ приходовъ ксендзы и народъ. Уніатское духовенство Царства Польскаго тоже было приглашено и обязано съ цѣлыми своими приходами встрѣчать торжественно, съ хоругвями и крестами, и провожать процессію. Одинъ изъ болѣе образованныхъ уніатскихъ священниковъ, усомнившись въ подлинности мощей св. Виктора [1]), старался уклониться отъ участія въ процессіи и самой миссіи, оправдываясь тѣмъ, что не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій со стороны своего ближайшаго духовнаго начальства. Священникъ этотъ за ослушаніе сосланъ былъ на эпитемію на два года въ отдаленный монастырь. Это фактъ. Процессія прибыла въ Яново наканунѣ Троицына дня, а встрѣчена была несмѣтнымъ множествомъ изъ разныхъ мѣстъ собравшагося народа, ксендзовъ и монаховъ, особенно капуциновъ. Были ксендзы даже изъ Галиціи. Въ полночь процессія вступила въ Яново; съ приближеніемъ ея цѣлое мѣстечко облилось яркимъ свѣтомъ великолѣпной иллюминаціи; по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой подвигалось торжественное шест-

[1]) По свидѣтельству церковной исторіи, мученикъ Викторъ, по убіеніи въ Марсели, брошенъ былъ въ море,—какимъ же образомъ мощи его очутились въ римскихъ катакомбахъ, откуда привезла ихъ въ Варшаву какая-то благочестивая магнатка? Странно,

віе, мгновенно вспыхнули бенгальскіе огни. Картина была дѣйствительно величественная. Легко представить, какое впечатлѣніе должна была она произвести на нашъ простой людъ, невидавшій ничего подобнаго. Нечего сказать, отцы капуцины дѣйствовали ловко, они знали — чѣмъ легче всего подѣйствовать на дѣтски впечатлительную натуру нашего простаго народа.

На другой день открылась самая миссія, т. е. цѣлодневное богослуженіе, съ проповѣдями, исповѣдью и отпущеніемъ грѣховъ. По множеству собравшагося народа, проповѣди говорились одновременно въ разныхъ мѣстахъ, въ самомъ костелѣ, на паперти и въ иныхъ открытыхъ мѣстахъ, на устроенныхъ для этой цѣли возвышеніяхъ съ балдахинами. О чемъ говорилось въ проповѣдяхъ—легко догадаться. Слова: „будетъ едино стадо и единъ пастырь“ честные отцы варьировали до безконечности, напирая главнѣйшее на единство религіозно-политическое. На исповѣди тэма эта получала болѣе опредѣленное и ясное развитіе; тутъ ужъ прямо указывалось на возможность спасенія только въ одной латинской вѣрѣ и сыпались всевозможныя клеветы на православіе, къ исповѣди же приглашались всѣ, безъ различія вѣроисповѣданій! Чтобы понять, до какой степени эти проповѣди и внушенія на исповѣди должны были дѣйствовать на простой, патріархальный народъ, нужно знать, какъ произносятъ обыкновенно проповѣди латинскіе казнодзѣи. Чтобы подѣйствовать на воображеніе слушателя, чтобы поразить и убѣдить его, католическіе проповѣдники, повидимому забываютъ иногда, что говорятъ съ церковной каѳедры. Сильная жестикуляція, подвижность физіономіи, быстро оживляющейся выраженіемъ то ужаса и отчаянія, то радости и надежды, мгновенныя измѣненія голоса, въ которомъ слышится то неумолимая угроза вѣчныхъ мукъ ада, то надежда вѣчнаго счастія— всѣ эти тайны чисто сценическаго искусства усвоены католическими проповѣдниками въ совершенствѣ. Представте теперь такого проповѣдника на возвышеніи подъ балдахиномъ, а кругомъ колѣнопреклоненный, простой, патріархальный, невѣжественный, впечатлительный народъ. съ замираніемъ сердца внимающій каждому слову проповѣди, какъ слову, святому и истинному..... А исповѣдь? Въ рукахъ латинскаго патера исповѣдь является однимъ изъ могущественныхъ средствъ пропаганды. На исповѣди можно говорить все, можно пускаться въ какія

угодно разсужденія, — никто объ этомъ знать не долженъ и не можетъ.

Видно, однако, что всѣ подобныя усилія, всѣ ухищренія обыкновенно разбиваются о здравый смыслъ и преданность своей вѣрѣ нашего православнаго народа, потому что, какъ видно изъ оффиціальныхъ данныхъ, относящихся къ дѣлу совращенія клещельцевъ, кромѣ средствъ чисто нравственныхъ, кромѣ намѣренія подѣйствовать на внѣшнія чувства народа, ксендзы принуждены были прибѣгать, при всемъ этомъ, къ средствамъ исключительнымъ и даже невѣроятнымъ. Такъ, патеры старались, между прочимъ, убѣдить православныхъ крестьянъ въ близкомъ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта, только бы они торопились скорѣе принять латинство. Но и это средство не вполнѣ оказывалось дѣйствительнымъ, и тогда ксендзы прибѣгали еще къ большему обману, къ дикой и невозможной лжи. Какъ покажется вамъ напр. такой фактъ: нѣкоторыхъ крестьянъ они совратили въ латинство тѣмъ, что убѣдили ихъ, будто самъ Іисусъ Христосъ принялъ римскую вѣру!.,.. Это фактъ, засвидѣтельствованный оффиціально. Женщина изъ совращенныхъ клещельскихъ мѣщанъ, при чиновникѣ и при двадцати пяти свидѣтеляхъ изъ мѣстныхъ жителей, откровенно созналась, что перешла изъ православія въ латинство единственно потому, что въ Яновѣ на миссіи ксендзъ убѣдилъ ее, будто самъ Іисусъ Христосъ принялъ римскую вѣру.

Не входя въ разужденіе о всей безнравственности подобныхъ небывалыхъ средствъ убѣжденія, направленныхъ исключительно на невѣжество и простодушіе нашего крестьянства, нельзя не остановиться на томъ многознаменательномъ и отрадномъ фактѣ, что самыя хитрыя и искусныя внушенія остаются большею частію тщетными, коль скоро дѣло коснется православной вѣры, составляющей крѣпкую и единственную опору въ нравственной жизни и развитіи нашего крестьянина. Истина эта ясна до очевидности въ самомъ совращеніи православныхъ клещельцевъ въ латинство, такъ какъ плодомъ продолжительныхъ и упорныхъ усилій латинской пропаганды, выразившейся въ яновской миссіи во всемъ своемъ всеоружіи, было совращеніе только 20 православныхъ клещельскихъ мѣщанъ [1]), бывшихъ у исповѣди и

[1]) Изъ крестьянъ совратилось только—2.

причащавшихся въ Яновѣ по римскому обряду. Только впослѣдствіи, дѣйствуя примѣромъ и убѣжденіемъ, эти 20 человѣкъ, отрекшихся отъ православія, успѣли увлечь за собою нѣкоторыхъ родныхъ и знакомыхъ, такъ что цифра совратившихся простиралась къ концу 1859 года до 300 человѣкъ.

Вотъ точное изложеніе обстоятельствъ дѣла. Конечно, все это очень грустно, но нисколько не удивительно, если обратить вниманіе, съ одной стороны, на невѣжество и простодушіе нашихъ крестьянъ, а съ другой на изумительную ловкость и неподражаемое хладнокровіе въ употребленіи католическими пропагандистами всевозможныхъ средствъ, коль скоро средства эти ведутъ къ цѣли. Собственно говоря, результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ, мѣрамъ и усиліямъ: искусно подготовленная миссія, продолжавшаяся почти три недѣли, моіщи изъ Рима, иллюминаціи, бенгальскіе огни, проповѣди, отпущеніе грѣховъ, торжественность, блескъ, великолѣпіе—и, въ результатѣ, только 20 человѣкъ прозелитовъ! Не много. Но что всего важнѣе,— и эти 20 человѣкъ, со всѣми остальными, увлекшимися ихъ примѣромъ, вскорѣ поняли свое заблужденіе, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ правительства и кроткимъ убѣжденіямъ мѣстнаго православнаго духовенства. Изъ 300, совратившихся въ латинство, къ началу истекшаго 1863 года только 17 человѣкъ (большею частію женщины) остались въ своемъ заблужденіи, остальные всѣ возвратились въ православіе. Наконецъ, и эти послѣдніе семьнадцать человѣкъ окончательно отказались уже отъ своего заблужденія. Ноября 20 числа истекшаго года, послѣ исповѣди въ православной клещельской церкви, они дали слѣдующую подписку: „мы нижеподписавшіеся, мѣщане г. Клещель, гродненской губерніи, бѣльскаго уѣзда: Иванъ Носковичъ, Герасимъ Ражинскій, Лукерія Якубовская, Анастасія Ражинская, Елена Савицкая, Марѳа Чумиловичева, Катерина Романовичева, Ѳеодора Якубовская, Марья Сенькевичева, Василій Закржевскій, Ѳедора Носковичева, Франциска Шумовичева, Анастасія Закржевская, Марцелла Сорочинская, Анна Демяновичова, Доминика Піотровская и Анна Ефимовичева, будучи совращены въ латинство разными внушеніями и обѣщаніями римскаго духовенства во время яновской миссіи, а также убѣжденіями нѣкоторыхъ друзей и знакомыхъ, мы находились въ безотчетномъ заблужденіи и сомнѣніи относительно истины православной вѣры. Но,

внявъ наставленіямъ мѣстнаго православнаго духовенства и другихъ благоразумныхъ лицъ, да притомъ, уразумѣвъ нынѣ всѣ гибельныя послѣдствія наущеній католическаго духовенства, — наущеній повергшихъ въ разореніе и бѣдствія весь нашъ край, мы взывая о помощи къ Господу Богу, обѣщаемъ и клянемся пребывать всегда неизмѣнными послѣдователями православной восточной церкви, во всемъ ей повиноваться и неукоснительно исполнять всѣ ея обряды. Ноября 20 дня 1863 года."

(Слѣдуютъ подписи).

Таково начало и таковъ конецъ этого неблаговиднаго дѣла. Пора же наконецъ, убѣдиться католическому духовенству, что народъ, который исторически выстрадалъ и отстоялъ свою народность и вѣру не откажется и впредь отъ того, что для него всего дороже. Пора уже этому безпокойному духовенству бросить всѣ неблагоразумныя затѣи и стремленія и перестать тайно и явно подкапываться подъ самыя священныя завѣтныя преданія и вѣрованія западно-русскаго народа. Еще ли мало пролито слезъ и крови, еще ли ненапиталась ими земля наша. Долго ли роковая завѣса будетъ скрывать отъ польско-католическихъ пропагандистовъ требованія чистой истины и правды, долго-ли еще исторія наша будетъ лѣтописью лжи и насилія? Пусть католическіе фанатики и польскіе патріоты оглянутся кругомъ и безпристрастно вникнутъ въ совершающіяся вокругъ событія, пусть сбросятъ съ глазъ повязку скрывающую отъ нихъ свѣтъ, и взглянутъ на дѣло прямо, отбросивъ предупрежденія и предразсудки. Мы укажемъ имъ сейчасъ, между прочимъ, на одно многознаменательное явленіе, симптомы котораго начали обнаруживаться у насъ въ послѣднее время, и которое каждый мыслящій человѣкъ долженъ привѣтствовать съ глубокимъ сочувствіемъ. Мы говоримъ о томъ, что въ послѣднее время многія лица даже римско-католическаго исповѣданія добровольно стали у насъ изъявлять желаніе присоединиться къ православію. По нашему убѣжденію, явленіе это не есть явленіе случайное; при современныхъ обстоятельствахъ края, оно имѣетъ неоспоримо серьезное, историческое значеніе.

Нужно сказать, что примѣры обращенія изъ латинства въ православіе случались у насъ нерѣдко и прежде, тѣмъ больше, что желающіе присоединиться не встрѣчаютъ обыкновенно въ исполненія

своего желанія никакихъ стѣсненій. По существующимъ правиламъ, лично каждому православному священнику предоставлено право присоединять къ православію изъявившихъ на то желаніе римскихъ католиковъ. Вся формальность въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что православный священникъ беретъ отъ присоединяющагося католика подписку въ неуклонномъ пребываніи въ православіи и доноситъ объ этомъ епархіальному начальству, которое входитъ въ сношеніе съ римско-католическою консисторіею объ исключеніи присоединенныхъ изъ католическаго вѣдомства.

Въ настоящее время, многіе изъявившіе желаніе принять православіе, замѣшаны въ политическихъ преступленіяхъ, и потому дѣло это не можетъ обойтись безъ непосредственнаго участія мѣстной военно-гражданской власти. Намъ удалось просмотрѣть оффиціальную переписку по этому дѣлу, изъ которой мы извлекаемъ болѣе существенные пункты: ко всѣмъ военнымъ начальникамъ уѣздовъ разослана г-мъ начальникомъ нашей губерніи подробная инструкція для неуклоннаго руководства въ томъ случаѣ, если желаніе присоединиться къ православію будетъ заявлено лицами, обвиняемыми въ политическихъ преступленіяхъ и содержащимися подъ арестомъ. Главные пункты этой инструкціи можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. „Оказывать покровительство всякому католику, желающему присоединиться къ православію Но если изявятъ желаніе присоединиться къ православію лица, содержащіеся подъ стражею, по обвиненію ихъ въ политическихъ и другихъ преступленіяхъ, то немедленно, отдѣливъ, если возможно, отъ прочихъ преступниковъ католическаго исповѣданія, сообщать о нихъ мѣстному православному священнику и предоставить ему посѣщать этихъ лицъ, дабы онъ могъ лично убѣдиться—искренно ли ихъ желаніе и раскаиваются ли они въ своихъ преступленіяхъ. Затѣмъ, самое присоединеніе дозволять лишь тѣмъ, которые не обвиняются въ особенно важныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою ссылку въ отдаленныя губерніи; послѣдніе же, если хотятъ присоединиться, то могутъ исполнить свое желаніе только въ мѣстахъ своего будущаго жительства.“

Очевидно что мнимое или истинное желаніе присоединиться къ православію со стороны лицъ, обвиняемыхъ въ политическихъ и другихъ преступленіяхъ, не можетъ служить для арестованныхъ сред-

ствомъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Конечно, каждому истинно кающемуся въ своихъ заблужденіяхъ, мы готовы протянуть братскую руку, но для этого прежде всего необходимо раскаяніе, полное и совершенное, и тогда лишь мы назовемъ врага братомъ своимъ по духу и по вѣрѣ, когда самое желаніе принять исповѣдаемую нами истинную православную вѣру, возникнетъ въ немъ вслѣдствіе независимаго убѣжденія и чистосердечнаго разскаянія. Наружное раскаяніе притворство—въ видахъ избѣжанія заслуженной кары, можетъ возбудить только отвращеніе.

Если же, при подобныхъ условіяхъ, число желающихъ принять православіе все таки постоянно увеличивается, то къ подобному факту мы не можемъ относиться равнодушно; мы видимъ въ немъ многообѣщающій симптомъ, душевно привѣтствуемъ его, въ ожиданіи утѣшительныхъ и благихъ результатовъ въ будущемъ.

Такое желаніе, такія ожиданія столь естественны, что развивать или оправдывать ихъ мы не находимъ никакой необходимости. Вдумайтесь въ условія исторической нашей жизни, въ легкихъ абрисахъ представьте себѣ важнѣйшіе ея моменты и вы пріидете неизбѣжно къ тому же заключенію. Мы далеки отъ мысли возбуждать религіозный фанатизмъ—для насъ самое слово это омерзительно; тѣмъ не менѣе дѣло то само по себѣ черезъ чуръ ясно и осязательно: латинство является и теперь въ нашемъ краѣ чѣмъ-то наноснымъ и чуждымъ; привилось оно къ части нашего русскаго населенія кривдою и неправдою. Это разъяснено уже, доказано и выведено на свѣтъ; исторически-извѣстны тѣ потрясающія мѣры, съ помощію которыхъ польско латинскіе пропагандисты усиливались окатоличить нашъ край, всѣ знаютъ и происки іезуитовъ и безчеловѣчныя преслѣдованія, сопровождающіяся потоками крови и слезъ, короче—всѣ панскія и ксендзовскія ухищренія и жестокости записаны безпристрастною исторіей.

Къ счастію, всякій историческій грѣхъ, и неправда, неся въ самихъ себѣ начало будущаго историческаго же возмездія, раньше или позже выступаютъ наружу во всемъ своемъ безобразіи, чтобы уступить мѣсто попранной правдѣ, никогда не отказывающейся отъ своихъ всесильныхъ правъ.

Іезуитское изобрѣтеніе, извѣстное подъ названіемъ церковной

Унія, казалось, глубоко пустило корни, но пришло время—и эта вредная аномалія перестала существовать въ нашемъ краѣ.

Всему есть очередь, все слѣдуетъ, хотя и медленно, неизмѣнному закону правды. Раньше или позже, и самое латинство должно будетъ почувствовать и сознать, что и оно есть нѣчто въ родѣ нароста на нашемъ общественномъ организмѣ. Мы убѣждены, что съ распространеніемъ образованія въ массѣ нашего народа, истина эта вполнѣ прояснится въ сознаніи всей окатоличенной его части.

Не заглядывая далеко въ будущее, необходимо признать, что такихъ явлeній, о какомъ мы сказали выше, необходимо было всегда ожидать, особенно же въ настоящее время. Переживаемыя нами тяжелыя мгновенія—не пустая и безплодная игра,—нѣтъ, въ нихъ таится рѣшеніе исторической задачи, объясняющей всѣ условія нашей жизни.

При свѣтѣ такого убѣжденія, подобные факты, какъ принятіе, почти въ одно время нѣсколькими десятками католиковъ, православія, имѣетъ въ глазахъ нашихъ значеніе серьезное. Замѣчательно прошеніе одного богатаго помѣщика б-го уѣзда, принявшаго православіе со всѣмъ своимъ семействомъ. О побудившихъ его къ этому причинахъ, онъ выражается такъ: „Въ селѣ, въ которомъ я живу, говоритъ онъ въ прошеніи, православную церковь построилъ мой дѣдъ, и въ склѣпѣ церковномъ покоятся тѣла предковъ и членовъ моей фамиліи. Я и семейство мое—желаемъ, чтобы и наши тѣла современемъ были похоронены тутъ же. Притомъ мы желаемъ этимъ заявить, что не хотимъ имѣть ничего общаго съ мятежными поляками, но что желаемъ во всю жизнь нашу пребыть вѣрными ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, какими всегда и прежде были.“ Слова эти не требуютъ никакихъ комментаріевъ. Такъ и хочется спросить: ужъ не есть ли это „начало конца?“ Въ умѣ невольно возстаютъ многія, очень многія имена, даже польскою рукою вписанныя въ исторію—какъ имена нѣкогда русскія и православныя.....

Исторія чужда искуственности, она не уклонно идетъ своимъ путемъ и исподоволь несетъ возмездіе всякому грѣху, всякой неправдѣ.... Въ добрый часъ!

(Грод. Губ. Вѣд. № 5).

УЛИКА.

Отыскивая нужную для насъ справку въ здѣшнихъ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, за ноябрь и декабрь минувшаго 1863 г., мы случайно попали на слѣдующее мѣсто: »Въ дополненіе представленія отъ 12 декабря 1862 г., за № 52, историко-филологическій факультетъ, имѣя въ виду предписаніе г. министра народнаго просвѣщенія, относительно командировки за-границу, на счетъ состоящихъ въ распоряженіи министерства средствъ, способнѣйшихъ изъ числа окончившихъ курсъ университетскаго образованія, *съ цѣлію приготовленія ихъ къ занятію профессорскихъ мѣстъ въ университетахъ*, имѣетъ честь донести совѣту университета, что состоящіе теперь въ педагогическихъ курсахъ: А. И. Г. Н и *Митрофанъ Андріевскій* оказали на окончательномъ испытаніи на степень кандидата основательныя и довольно обширныя свѣдѣнія..... Андріевскій представилъ факультету нѣсколько разсужденій по предмету своихъ спеціальныхъ филологическихъ занятій.... Поэтому историко-филологическій факультетъ находитъ справедливымъ довести до свѣдѣнія совѣта о занятіяхъ упомянутыхъ кандидатовъ-педагоговъ, дабы онъ могъ имѣть ихъ въ виду *для посылки за-границу на счетъ вышеупомянутыхъ средствъ министерства*, если они выдержатъ экзаменъ на степень магистра, или печатно заявятъ о своихъ успѣхахъ въ предметахъ ихъ спеціальныхъ занятій, о чемъ факультетъ не преминетъ своевременно донести совѣту университета« —Прочитавъ это мѣсто въ »Университетскихъ Извѣстіяхъ«, мы вспомнили, что о г. Андріевскомъ читали гдѣ-то, что-то совершенно противорѣчащее смыслу сейчасъ сдѣланной выдержки. Допрашивая частнѣе свою память, мы вспомнили, что въ это противорѣчіе впалъ именно корреспондентъ »Меты« [1]), подписавшійся Кіяниномъ. Онъ говоритъ, что г. Андріевскій не получаетъ никакого мѣста потому только, что онъ »украинецъ«, написавшій »украинску граматку« и что на то мѣсто, котораго просилъ г. Андреевскій, посланъ человѣкъ, совершенно не знающій предмета, которому долженъ учить. Какъ зовутъ подобныя извѣстія и тѣхъ, которые ихъ сообщаютъ? Такія извѣстія

[1]) Мета, № 1, стр. 88.

называются обыкновенно ложью, а творцы ихъ лжецами. Ergo, утка о безнадежномъ положеніи украинца Андріевскаго—ложь, а вы, г. Кіянинъ, лжецъ, съ чѣмъ его печатно и поздравляемъ. Г. Андріевскій не только не утратилъ надежды на полученіе какого нибудь, а напротивъ готовится къ полученію высшаго учебнаго мѣста, съ производствомъ ему изъ министерскихъ суммъ 1200 р. содержанія съ того момента, когда состоится опредѣленіе о высылкѣ его за-границу. Если Андріевскій еще не воспользовался этимъ лестнымъ правомъ, то только потому, что не выполнилъ доселѣ *неизбѣжнаго* въ подобномъ случаѣ условія, не »выдержалъ экзамена на степень магистра и не заявилъ печатно о своихъ успѣхахъ, по части своей спеціальности«. Но и до выполненія этого условія, г. Андріевскій не составленъ въ безпомощномъ положеніи: пользуясь всѣми богатствами науки для достиженія своей цѣли, онъ получаетъ изъ университетскихъ капиталовъ 300 р. въ годъ. Повторяемъ, г. Кіянинъ, усвоенное вамъ сейчасъ названіе, на которое вы получили самое неотъемлемое право.

Столь же безчестны и лживы всѣ почти извѣстія разныхъ Кіянъ и подобныхъ имъ корреспондентовъ Меты, Слова и др. изъ Украины, о разныхъ лицахъ и явленіяхъ туземной жизни. Мы поставляемъ отселѣ, между прочимъ, задачею для себя, преслѣдовать эти извѣстія зоркимъ вниманіемъ и непоколебимыми данными изобличать ихъ въ лживости и недобросовѣстности всякій разъ, какъ только они обнаружатъ въ себѣ эти качества.

Чтожъ, однако, значитъ такая явная рознь извѣстій корреспондентовъ Меты, Слова и друг. южно-славянскихъ органовъ съ дѣйствительностью? Откуда у нихъ берется такая наглость и чѣмъ объясняется такое явное посягательство на извращеніе истины? Причины этого страннаго явленія могутъ быть слѣдующія:

1) Нѣкоторымъ изъ туземныхъ корреспондентовъ львовской прессы хочется, для своихъ личныхъ цѣлей, играть роль гонимыхъ, прослыть народолюбцами, quasi угнетаемыми »московскимъ« насиліемъ, подняться на ходули историческихъ дѣятелей, отстаивающихъ права своей національности, сражающихся за угнетенный народъ, и ведущихъ героическую битву съ враждебной имъ силою. Какъ жалки эти рыцари плачевнаго образа,

какъ самозванна и фальшива ихъ миссія, едва ли стоитъ это и доказывать.

2) А нѣкоторымъ господамъ, вѣроятно, хочется выторговать что нибудь для мнимыхъ жертвъ »московской« деспотіи, обличить кого слѣдуетъ въ несправедливости къ нимъ, возбудить сострадание, поудобнѣе пристроить своихъ людей на счетъ »Москвы« и размѣстить ихъ въ разныхъ центрахъ малорусскихъ для того, чтобъ имѣть ихъ въ случаѣ надобности всегда подъ рукою. Отчего бы, кажется, самоотверженнымъ народолюбцамъ такъ добиваться теплыхъ мѣстъ, *вражьихъ* денегъ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться безкорыстной и величавой ролью народныхъ миссіонеровъ, благодѣтелей, просвѣтителей и проч. и проч!

3) Въ числѣ причинъ къ распространенію во львовской прессѣ туземными ея корреспондентами разныхъ лжей и клеветъ на счетъ разныхъ лицъ и событій въ Россіи—едвали не главная та, что хочется обвинить кое-кого, кое въ чемъ, хочется исказить, или сочинить явленіе; а такъ какъ въ русской прессѣ сдѣлать это, по многимъ причинамъ, не удобно, то лучше послать эти композиціи туда, гдѣ повѣрятъ имъ на слово, гдѣ нельзя забрать справокъ на счетъ ихъ достовѣрности, гдѣ трудно уличить во лжи на горячихъ слѣдахъ и гдѣ разные уроды литературные могутъ плодиться свободно, идти въ ходъ и дѣлать свое дѣло безнаказанно, безконтрольно, успѣшно. Безчестное занятіе! Цѣль этой агитаціи для насъ извѣстна, ничтожество и недобросовѣстность агитаторовъ, еще болѣе, Они умышленно скрываютъ отъ другихъ славянъ небывалое доселѣ счастье, покой и довольство здѣшняго народа; они клевещутъ на всѣхъ, кто не зараженъ ихъ нравственнымъ недугомъ; они считаютъ ихъ личными врагами своими, врагами народа, тогда какъ эти люди—лучшіе друзья народа, враги только хохломанскихъ увлеченій, ясно видящіе фальшь ихъ принципа, опасность и уродливость ихъ стремленій. Эти мнимые враги не чуждались даже малорусскихъ книжонокъ; тѣ-же самыя лица, которыя вступили теперь въ открытую полемику съ сотрудниками Меты и всѣми хохломанами, сами разсылали эти книжонки въ туземныя народныя школы, пока не изучили ихъ содержанія, не увидѣли цѣлей, съ которыми онѣ писались, и намѣреній, съ которыми онѣ распространялись въ народѣ. На это у

насъ есть фактическія доказательства. Много будетъ, господа, для васъ чести быть нашими личными врагами! Мы вовсе о васъ и не думаемъ, не касаемся, подобно вамъ, вашей личности, а преслѣдуемъ одну вашу пропаганду.

И къ чему такая плотная маска для людей честныхъ, для народолюбцевъ невинныхъ!.... Сбросьте ее, разные Кіяне, Гурьгурдядьки, В. Д. Гончаренки, Ляхи, Невидомые и проч. и проч., перестаньте играть въ жмурки, бросать грязь изъ-за угла; станьте съ нами лицемъ къ лицу, скажите, кто вы, покажите ваше полномочіе отъ народа! Мы этого требуемъ во имя истины и чести и, если въ васъ есть хоть капля ихъ, вы обязаны это сдѣлать. Если же вы этого не сдѣлаете, то мы сами печатно объявимъ имена ваши, раскажемъ кое-какіе эпизоды изъ вашей миссіонерской жизни, и вы можете нечаянно перейдти изъ роли клеветника въ роль подсудимаго.

Истинный любитель Малороссіи.

Charakterystyka polaków i polskiéj rewolucyi.

Przez A. B., na Biało - Rusi 1863 r.

(Продолженіе, смотри Вѣстникъ кн. 5 Отд. IV. Стр. 188).

4.

CHARAKTERYSTYKA.

Poszła szlachta Polszczy, Litwy
W dzikie lasy, w pole bitwy,
Chcąc odzyskać swoje państwo,
Wrócić dawne swe tyraństwo.

Skoro tylko kmiotkom wolność przeczytano,
Wnet piekielna iskra ognia w serca wpadła;
Tuż projekta w różnych kątach układano
Zkąd by lepiéj puszczać strzały im przypadło.

Trzeba było najprzód zbierać im daniny,
Naznaczając pewną kwotę od intraty,
Od największéj do najmniejszéj pańskiéj miny
Na zapasy w czasie burzy wszelkiéj straty.

Pletni czarne na dwor Carski tam rzucają,
Nie szczędzając nawet tronu, ni osoby,
A tymczasem nowych ustaw wymagają
Nie z szczerego serca prosząc, lecz ze złoby.

Swe dziwactwa tworzą różne tam w Warszawie:
To obchody w pamięć królów, to rycerzy;
Processye swietne, pyszne ciągną w wrzawie,
Ołtarzyki niosą damy, krzyż pasterze;

A to koło składało się z różnéj wiary,
Znajdowali się w niem lutry i rabini.
Gdy spełniali więc ten obchod i ofiary,
Tu po drodze swiętą laury Cherubiny.

Drzy od dzwięcznych głosów przestrzeń, niebo stynie,
Hymn spiewają tu w cześć Polszy—Bogu chwała.
Brzmią tu dzwony w wieżach posłuszne więc linię,
Trąby, kotły, klernet-orkiestra niemała;

Powleczone damy czarném w znak żałoby;
Oczy u nich łzami zlanę jak po rodnym,
W kuntusze odziane znaczniéjsze osoby,
Wspominając dawną modę tu stokrotnym.

Assystuje im tu wojsko choć rossyjskie
Dla wszelkiéj ochrony wydarzeń w tym tłumie,
Dla parady służą straże policéjskie,
Na mogiły dążą prosto w tym-to szumie;

Z wojska czynią śmiechy, żarty, porąganie,
A niektórzy twardą skałą nań ciskają,
Tu żołnierze widząc narod w takim stanie,
Więc ognistéj broni dla nich używają.

Tam poległo mnóstwo ludzi i niewinnych,
A jak mówią, w liczbie których i sam rabin
Panow, szewcow, dam i panien wiele innych,
Jak wiadomo, gdzie tam działa już karabin.

Wnet portrety sztuką typu odciskano:
Szewców, żydów, wszystkich nowych męczeników.
Jęki, skargi po Europie rozesłano,
Odszukując w takim razie zwolennikow.

Te portrety biorą wszędze patriotki,
Z jak największą żądzą sławy nabywają
I całusek dają często nawet słodki,
Więc aplaudy wszyscy inni im oddają.

Tym zapałem cała Litwa uniesiona,
Pragnie z Polską (jak to dawniéj) połączenia
I męczeństwem swoich braci rozrzewniona,
Spiezsy, żąda jak najrychléj zjednoczenia.

Występują swym tu chodem w miescie Wilno,
Dążą wprosto jakby spotkać tam z Warszawy
Tuż kozacy szybko lecą, bardzo silnie
Rozpędzają mocą swoją więc te wrzawy.

Ot! męczeństwo nowe równie tu poniesli,
Bo nie jeden był tu zranion nahajkami
Zkąd zaledwo do pół żywych ich przyniesli,
Ożywieni w domu byli doktorami.

Podolani dali także swe adressy
Do Cesarza, prosząc z Polską połączenia;
Lecz nie wzięły tylko skutku ich okresy,
Komissii dano było do przejrzenia.

Po przeglądzie scisle w sądzie powiedziano:
Że nie mogą nazwać siebie tuziemcami,
Bo tuteczny tylko narod uważano;
Pole wolne-takich będzie tu kopami.

A gdy tak szło tu ich dzieło nieudaczno,
Zgodzono się: zniszczyć wojsko za noc jedną—
I to poszło więc a kontra i opacznie,
Bo uznali ich ten zamiar—Polska biedna!

Ułożono było dzieło w Petersburgu,
Jak wiadomo, tam pod nazwą Dekabrówka.
Już nielepiéj robią rzeczy i w Hamburgu—
Nie tak poszło—o tem teraz—ani słówka.

Boże wielki! tak dziś dzielnie postępujem,
To nieszczęscie! wszendzie nam się nie udaje;
Nieusypno ciągle my tu dozorujem,
Ze dowcipu, w głowie mysli nam nie staje.

Lecz nasz projekt w cudzéj stronie lepiéj pójdzie,
Tam nas pewno nikt nie zwiedze, nie oszuka,
Dzieło nasze skutek wezmie, końca dójdzie,
Gdy francuzka pójdzie i angielska sztuka.

My tym czasem zaczniem wojnę partyzanską,
Póki do nas oni przyjdą aż do wiosny;
Postać przyjmiem tu na siebie szarlatańską,
I zadamy im cios straszny i nieznosny.

Bo po lasach gęstych, ciemnych kto co zrobi?
A my ztamtąd możem straszyć, z nóg ich walić
Każdy to pochwala i rzecz swoję zdobi,
Że Rossyą łatwo można więc obalić.

Piętnastego stycznia wzieli się do broni,
W Białowieżskiéj puszczy jak w fortece byli.
Lecz ta ich waleczność i tam się nie schroni,
Wnet bowiem Russini ztamtąd wypłoszyli.

Ruszyli w rozsypkę w rozmaite strony:
Na Zmudz i na Litwę uderzają srogo
W Kurlandii, w Rydze szukają tam broni,
Bo może coś Bałtyk wyrzuci odnogą.

Jak wsciekłe zwięrzęta po lasach biegają,
Usiłując wszystkich zaciągnąc do bandy;
Manifeste swoje wszendzie ogłoszają,
Ukazując siłę i moc propagandy;

Po wsiach i miasteczkach broszury lepiają,
Szkalując Cesarza i rossyjską wiarę;
Wieśniakom swobodę i ziemię nadają,
Złocisty dokument podnoszą im dary;

Przysięgać im każą w chrzescianskiem kosciele
Na wierność polakom, im służyć na weki;
Księdzu czytać każą rozkaz tu na czele,
W sprzecznym razie grożą, iż zamknie powieki.

Nie jednego za to z księży prawosławnych
Przy bramie cerkiewnéj na smierć zamęczyli.
Księży zaś łacińskich w czasach tu niedawnych,
Na sąd że wojenny także narazili;

A ileż z wiesniaków poniosło męczeństwo
Od tych że tyranów, drapieżnych tygrysów;
Tak wspaniale idąc, czynią okrucieństwo;
To obywatele! nielepsi kirgizów.

Ileż zaś młodzeży zaciągnionych w bandy
Z niejakich widoków zginęło i zginie
Z téj niesczęsnéj dzisiaj polskiej propagandy,
Bo kara wyroków złoczyńców nie minie.

Nie stało poddannych z kogo ssać krew swieżą,
Lub patrzyć na męki, gdy kona z ich ręki.
Przypatrzcie się teraz, gdy skrwawieni leżą,
Albo od ran silnych wydają tam jęki.

Wasze to są działa, co wiszą na drzewie,
Lub też na cmętarzu przy swiętyni progu.
Każdy tu udaje jakby o tem niewie,
Co sam pozabijał na ofiarę Bogu. *)

---

*) Zowią to rycerstwem, nawet bohatyrstwem,
Zabijać bezbrojnych, szlachetnością duszy;
Na własnych wnętrznościach powiesić, pronyrstwem,
Zadawać największe męki, ich to tuszy.

Nikt by się nie dziwił, gdyby niewolnicy,
Co wieki męczeni przeciw nich powstali,
A to brzucho-pasy, zdziercy, rozpuśnicy
Rokosz swój podnieśli, łotrami zostali,

Niedosyć im było swojéj tu własności,
Co swe ziemi mieli, fundusze składali.
Dziś to z swéj hardości, z zawziętéj chciwości
W brew wszelkiéj prawości wojować powstali.

Wiem czego wam chce się: gnębić swego brata,
Zdzierać z jego skurę, za nic mieć niższego.
Lecz gdzież to sumienie, ta jasna oswiata,
Które nakazują nam miłość bliźniego?

Wam nie trzeba Boga, ni ludzkiéj miłości.
Natura wam dała takie hejdamactwo;
Krew wasza szlachetna nie cierpi litości,
Ona was prowadzi do bitwy, łajdactwa;

Bo znaczenie słowa daje wam wrażenie:
Szlacht, niemieckie słowo, znaczy bitny, silny;
Zatém wam ten wyraz skaził przyrodzenie,
Iż bijecie drugich, choć sami niesilni.

O wiarę wam idzie? Wy jéj dziś nie macie,
Bo słuchacie tego, co wam Hercen prawi.
Świątynie wiar wszystkich wszędzie znieważacie,
Wierzycie zaś temu, co rozum przedstawi.

Nikt dziś nie powierzy, że rozum w was działa
To tyfus z zapałem w głowie tam zmieszany.
Rozsądku nie było, głowa go nie miała,
Mózg bowiem z gorączki został krwią zalany.

Alboż-to rozsądek, brać się garstką ludzi,
Pokonać olbrzyma nieszykowną zgrają?
Przedstawić nagrodę, będą nasi słudzy,
Innym dać tu grozę, wnet nas posłuchają.

Z téj-to górnéj mysli dają manifesty,
W nich zawierające wolność i swobodę.
Najbardziéj wpadają gdzie święta lub festy,
Przysięgać tu każą, rozdają nagrody.

Wmawiają i straszą cudzemi krajami,
Że tu w niezabawie u nas się pojawią.
Król siądzie na tronie, rządzić będzie nami,
Tu wszyscy rodacy przed nim się przedstawią.

Wszystkiego jest skutkiem zapał wyobraźni,
Hardéj polskiéj szlachty w szukaniu przeszłości.
Żaden kraj nie pójdzie dla ich tu przyjaźni,
Chiba dla korzyści w stosunkach prawości.

Tak, mości panowie! sprawa w tém przegrana,
Kto tylko pracuje na swoje więc dolę.—
I kto by niewygrał, ten siadł by za pana,
Wam być poddanymi i znosić niewolę.

Przytém i niemożna was puscić bez rządu,
Wasze głowy kręte zawsze lekkomyslne—
Wam jak małym dzieciom trzeba to zarządu;
Wybrać sędziów dobrych i prawo umyslne.

Dość wieki patrzyły na wasze tu rządy
I na te bezprawia tworzone w swym kraju;
Na ustawy prawa, sejmikowe sądy,
Na których szumieli jak gawrony w gaju.

Dziwni ludzie bowiem, cztery nazwy wzięli:
Bużani, Sarmaci, Lachi i Polacy.
A gdy znow zdziczeli, piątą dziś przyjeli,
Biegają po lasach—nazwa ich lesniacy.

Cel dażności słowian jest do jednej massy
I przyjąc pierwotne wszystkim swe nazwanie.
Żyć jak bracia z sobą nie dzieląc na klasy,
Oddalać od siebie drugich panowanie.

A wy krwi-żerce, dusz ludzkich ofiarnicy!
Ubijacie swoich, a cudzych szukacie.
Jesteście Kaini, lesni rozbójnicy,
Odsczepiency słowian—braci zabijacie!

Ot postęp polaków w terazniejszych czasach,
Logiczna oswiata i cel ich dążności.
Grabić i rozbijać, żyć swobodnie w lasach,
Wrócić pierwszą bytność swej dawnej dzikości.

Jeszcze przed Chrystusem prawdę poznawali
Ciemnym swym rozumem zostając w pogaństwie,
Głosząc wszystkim ludziom, królom swym wmawiali:
Nie trzymać swych braci w niewoli w poddaństwie.

A odrodnej Polsce nic jej nie przystaje,
Ni swiecka nauka ni swiatło niebieskie
Bo w myslach polaków rodzonem się staje:
Poddaństwo, bujaństwo i prawo sobieskie.

Powtarzają często, prawie w każdéj mowie:
Turcy i tatary, bez Boga, bez wiary.
Sami zaś niemają ni w sercu ni w głowie,
Poswięcając Bogu ludzi na ofiarę.

U nich tylko dusza, więcéj ni u kogo,
Przedstawując sobie, że tu dla nich niebo,
A w myslach swych roją, że niema i Boga,
Mówiąc: natura tu działa, Boga nam nie trzeba.

Na sprawdzenie tego mamy tu dowody;
Że nie tylko swieccy lecz nawet duchowni,
Do zgorszenia wiary dają tu powody,
Niby sławią Boga, a to próżno-słówni:

Pewny ksiądz w Warszawie był wzięty w niewolę,
Członek komitetu w dziele ich powstania,—
Zarządał spowiedzi, dano mu w tém wolę:
Wybrać spowiednika podług podobania.

Ale co się dzieje: gdy ksiądz się spowiada,
Bierze tu truciznę zamiast sakramentu,
Wnet on więc słabieje i bez ducha pada,
Spowiednik tuż kona z tegoż traktamentu.

Przecież męczenicy tego nie czynili,
Idąc na katusze i okrutne męki;
Owszem z męstwęm wiary Boga tu chwalili,
Z wesołym obliczem składali Mu dzięki.

Także ksiądz niejakiś w czemarce ubrany
Idzie na ambonę, kładnie pistolety,
Prawi tu kazanie mocno rozegrzany,
Jego słowa lecą jak strzały, sztylety.

W téj-to swojéj mowie najsilniéj dowodzi,
Że russkiego zabić nie ma w tem to grzechu,
Owszem jest zasługą, bo nas często zwodzi
I jest naszym wrogiem od dawnego wieku.

Oto doktorowie chrzescianskiéj wiary,
Téj niebieskiéj prawdy, dogmatów tłumacze!
O wszechwładny Twórco! czyż nie masz im kary,
Co tak dokazują ci lesni tułacze?

U nich ten jest bliźni, co się tuła w lesie
I wstąpił do bandy, tegoż ich rzemiosła,
Kto drugich ma za nic, sam wysoko pniesie
I duma na stopień go wysoko wzniosła.

Ot do czego doszło wierutne szaleństwo!
Naukę Chrystusa w niwecz przewrócili,
Zwierzęcem postępkiem nawlekli przekląstwo,
Napadem bo swoim mieszkańców zniszczyli.

Swiątynie dziś pańskie wszędzie profanują,
Przewracając one łotrow tu w jaskinie;—
Teatry tragiczne w nich że przedstawują
Bo zamiast modlitwy, zabójstwo tam słynie.

Oddal panie łotrów ztąd z naszéj krainy,
Niech nie oglądamy u nas takiej zbrodni!
Co nam poczynili tak welkie ruiny,
Choć to nasi bracią, lecz nam są odrodni.

Słusznie więc tu będzie, gdy każdy wam powie:
Litwini, polacy zbójcy i łajdacy.
I wyjdzie zapewne tu takie przysłowie,
Bo gorsi od turków, moi wy rodacy!

Nic nie pozostaje, modłów wam potrzebą,
Błagać Twórcę swego, Cesarza łaskawić,
Wznosić prośby swoje gorące do Nieba,
Żebyście więc mogli przed Nim się przedstawić.

МОЗЫРСКІЯ ПИСЬМА.

IV.

Приснопамятное 19 февраля мы–мозыряне провели слѣдующимъ образомъ.

Своевременно была совершена божественная Литургія соборнѣ въ Никольевской ветхенькой церкви. Предъ молебствіемъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора, мѣстный протоіерей *о. Георгій Тарнопольскій* произнесъ проповѣдь, о которой считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ. О. Георгій, бросивъ взглядъ на самыя крупнѣйшія изъ преобразованій, совершенныхъ Государемъ Императоромъ, сдѣлалъ такой вопросъ: всѣ ли мы воспользовались этими реформами во благо отечества? Сердца многихъ сыновъ Россіи, говорилъ онъ, сочувственно откликнулись Царю, а большинство искало лишь *своихъ си*, предавалось мелочнымъ, эгоистическимъ стремленіямъ и расчетамъ. Враги же наши воспользовались этимъ и вздумали нанесть намъ озлобленіе. Благодаря Бога, чувство патріотизма еще не потухло въ насъ. Оно въ рѣшительную минуту, говорилъ о. Георгій, пробѣжало по всей Россіи, какъ электрическая искра. Но зачѣмъ же мы сами, создавшіе эту минуту, снова дѣлаемся безпечны, своекорыстны и эгоистичны?...« Это слово нашего многоуважаемаго пастыря заключалось тою мыслію, что эгоизмъ,

самообольщеніе и наша узкая практичность происходятъ отъ упадка въ насъ нравственности и страха Божія.

По окончаніи богослуженія былъ парадъ находящемуся въ Мозырѣ Козловскому пѣхотному полку, послѣ чего городъ угостилъ солдатъ завтракомъ на базарной площади. Публика же спѣшила въ еврейскую *школу*. Огромная зала наполнилась самою пестрою и разнохарактерною толпою. Когда все стихло, еврейскій оркестръ сыгралъ какую-то своеобразную симфонію, послѣ чего ученый раввинъ, г. Кугель, взошелъ на возвышенное мѣсто и, надѣвъ на себя свое облаченіе, прочелъ рѣчь на русскомъ языкѣ. Въ этой рѣчи говорилось о царскихъ милостяхъ, дарованныхъ евреямъ въ настоящее царствованіе, и о томъ, что мозырскимъ евреямъ особенно нужно образованіе, которымъ такъ бѣдны здѣшніе аборигены. Рѣчь была удачно составлена, хотя прочитана безъ всякой дикціи.

Послѣ рѣчи всѣ встали съ своихъ мѣстъ, а оркестръ заигралъ народный гимнъ, по окончаніи котораго были провозглашены тосты за здоровье Государя Императора и главнаго начальника края, М. Н. Муравьева. Единогласное «ура!» пробѣжало по всей залѣ. Затѣмъ евреи, подъ управленіемъ своего кантора, спѣли на еврейскомъ языкѣ гимны: за Государя Императора и Государыню Императрицу, за М. Н. Муравьева, за директора гимназіи *Н. И. Собчакова*, за военнаго начальника *Н. Г. Чекмарева*, за мозырскаго протоіерея *о. Г. Тарнопольскаго*, за уѣзднаго начальника *Д. Ѳ. Бохана* и нѣкоторыхъ др. лицъ.

Этимъ окончилось мозырское утреннее торжество.

Вечеромъ городъ нашъ былъ иллюминованъ, а въ благородномъ собраніи былъ балъ по особенной подпискѣ. Тѣснота была *необыкновенная*: кадрильныя пары еле могли дѣлать фигуры. Справедливо кто-то изъ гостей сказалъ тогда: «у насъ теперь толкучка». Въ срединѣ бала военный начальникъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, послѣ котораго мозырскій уѣздный судья провозгласилъ тостъ за Государя, какъ освободителя 22 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. За этимъ тостомъ Вашъ покорный слуга поднялъ бокалъ за процвѣтаніе народныхъ училищъ. «Ура» постоянно оглушало залу.

Наконецъ начались обоюдные тосты. Балъ окончился далеко за полночь.

V.

Въ настоящее время, благодаря милосердаго Бога, западноруссы, каждый посильно, принялись, кажется, дружно очищать свою православно-русскую народность отъ польской ржавчины. Дѣятельность обширная и священная! Дай, Господи, силы и твердости духа каждому истинно-русскому дѣятелю на этой почвѣ.... Мнѣ кажется, что, въ видахъ общаго блага, не мѣшало бы западноруссамъ, время отъ времени, дѣлиться печатно своими соображеніями по разнымъ отраслямъ этого дѣла. Иной, пожалуй, можетъ высказывать и даже преслѣдовать на практикѣ какую-либо, вовсе непрактическую мысль; другой же, будучи лучше знакомъ съ этимъ же самимъ дѣломъ, можетъ навести на мѣру весьма полезную, но ускользавшую отъ вниманія правительства. Такъ или иначе, а отъ тренія мыслей отшлифовался бы лучше и самый предметъ.

Послѣ этого preludium приступаю къ своему предмету.

Необходимость нравственнаго единенія между западною Россіею и другими частями нашего отечества ясна теперь для каждаго. Мы должны только стараться, чтобы это единеніе было глубже, прочнѣе и постояннѣе. На чемъ же должно созидаться это единеніе? Неужели на однихъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ великой и малой Россіи въ пользу страждущаго западнорусскаго края? Это хорошо,—ни слова; но этого мало Нужно что-то, крѣпче связующее бѣлорусса съ великоруссомъ и малороссомъ. Нужно, чтобы западнорусскіе поселяне понимали, что у нихъ есть родные братья, живущіе въ другихъ частяхъ Россіи, что они съ ними по вѣрѣ и по духу—одно нераздѣльное цѣлое—православно русское государство. Мнѣ кажется, что много значило бы въ этомъ случаѣ и то, еслибъ вновь воздвигаемыя церкви въ западной Россіи посвящались преимущественно тѣмъ угодникамъ Божіимъ, которые подвизались и почиваютъ въ великой и малой Россіи; а церкви, воздвигаемые въ великой и малой Россіи, посвящались во имя тѣхъ преимущественно угодниковъ, которые подвизались и почиваютъ въ западной Россіи; *напр.*, вселенскихъ мучениковъ ***Антонія, Евстафія, Іоанна, Ефросиніи полоцкой*** и др. Это имѣло

бы большое значеніе. Хорошо было бы также, еслибъ православное, заподнорусское духовенство давало при крещеніи младенцамъ преимущественно имена святыхъ великорусскихъ и малорусскихъ, а тамошнее духовенство преимущественно имена западнорусскихъ святыхъ. Подобная мѣра, мнѣ кажется, вовсе не отзывается іезуитизмомъ, а между тѣмъ не мало содѣйствовала бы съ одной стороны къ тому, что бѣлоруссъ, любопытствуя знать жизнеописаніе и подвиги своего патрона и «храмоваго» святаго, невольно свыкался бы съ тою мыслію, что туже вѣру, которую онъ исповѣдуетъ и которую онъ считаетъ *не польскою*, а *хлопскою* (какъ ему вколотили при случаѣ латинскіе патеры и польскіе ясневельможные), исповѣдуютъ и другіе его соотчичи, живущіе Богъ вѣсть какъ далеко. А за уясненіемъ единства религіознаго не трудно перейти мужичку къ умозаключенію о единствѣ народномъ. Замѣчателенъ фактъ, что у славянскихъ племенъ религія и народность нѣчто нераздѣльное.—Великороссъ же и малороссъ, помнилибъ, что есть сторонушка на Руси, хотя далекая, но родная—православная. Они бы не вѣрили тѣмъ бородачамъ, которые, случайно побывавъ въ нашемъ краю, увозятъ въ свои губерніи понятіе, что здѣсь «*Польша.*»

Подобное предположеніе касательно могущаго быть результата отъ введенія исподоволь вышеозначенной мѣры имѣетъ и то основаніемъ, что, слава Богу, образованіе русскаго простонародья растетъ и растетъ, съ развитіемъ грамотности возможно допустить вѣроятность упомянутыхъ свѣденій о жизни святыхъ и результатовъ этихъ свѣденій.

Какъ покажется Вамъ, почтенная Редакція Вѣстника юго-западной и западной Россіи, эта мысль? [1]).

Григорій Кулжинскій.

22 февраля 1864 года.
Г Мозырь.

---

[1]) Мѣра, указанная вашимъ уважаемымъ, мозырскимъ корреспондентомъ, есть мѣра между прочимъ; но онъ и не придаетъ ей никакой всеобщности и исключительности. Само собою разумѣется, что заохотить прихожанъ къ знанію житія ихъ патроновъ и расказать въ храмовой праздникъ жизнь святаго, которому посвящена извѣстная церковь, есть прямая и весьма важная обязанность пастырей церковныхъ. Редак.

Содержаніе 6-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

№ 12. **МАТЕРІАЛЫ** для исторіи г. Полоцка. 1. 2. Стр. 17.
№ 13. **КЪ ИСТОРІИ** братствъ въ западной Россіи.—1) **Грамота** греческаго патріарха **Іереміи**, утверждающая постановленіе братства церковнаго виленскаго. 1588 г. Стр. 23.—2) **Грамота** короля Сигизмунда III виленскимъ русскимъ мѣщанамъ о порядкѣ братства ихъ при церкви св. Троицы въ Вильнѣ, и проч... 1589 г. Стр. 26.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗОБРАЖЕНІЕ состоянія Галиціи въ 1848 г. Стр. 119.
УНІАТЫ въ концѣ 18-го столѣтія. Стр. 134.
ИСТОРИЧЕСКІЯ замѣтки о Литвѣ. Періодъ I. **П. В. Кукольника**. Стр. 150.

ОТДѢЛЪ III.

ПО ПОВОДУ корреспонденцій московской прессы. Стр. 47.

ОТДѢЛЪ IV.

ЗАМѢТКА, по поводу изданія Атласа народонаселенія западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ. Стр. 287.
РЕЛИГІОЗНЫЙ фанатизмъ ксендза. Стр. 302.
ПРИМѢЧАНІЕ по поводу предъидущей статьи. Стр. 308, и Рѣчь, сказанная въ Порѣчьи ксендзомъ Шевалье, по случаю бракосочетенія княжны Сапѣжанки съ русскимъ полковникомъ Чорбо. Стр. 310.
КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ »Вѣстника«. Свящ. **Өеофила Буллавскаго**. Стр. 312,
СУДЬБА одного сельскаго училища **П. Затворницкаго**. Стр. 316.
ИЗЪ МИНСКОЙ губерніи. Стр. 323.
СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) Современный вопросъ. **Н. В.** 2) Куплеты. **Тотьмана**. Стр. 326,
ШЛЯХТО-КСЕНДЗОВСКІЙ МЯТЕЖЪ.—**Циркулярное** предложеніе виленскаго генералъ-губернатора отъ 1 января 1864 г. Стр. 327.—**Особыя** объявленія и предписанія начальства для свѣдѣнія и исполненія домовладѣльцевъ и всѣхъ жителей г. Вильно. Стр. 343. **Объ учрежденіи** въ г. Вильнѣ безплатныхъ школъ для христіанскихъ дѣтей всѣхъ сословій. Стр. 344.—**Инструкція** разъясняющая правила объ образованіи военно-полицейскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ. Стр. 346.
ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ письмо епископа августовской епархіи, графа Лубенскаго. С. 348.
ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ письмо виленскаго р. католическаго духовенства. Стр. 349,
ИЗВѢСТІЯ изъ Вильно. Стр. 350.
ВЗЯТІЕ въ плѣнъ Совы (разказъ). Стр. 352.
ПИСЬМО изъ Гродна къ редактору »Московскихъ Вѣдомостей« Стр. 354.
ПИСЬМО изъ Вильна въ »Московскія Вѣдомости«. Стр. 355.
О НЕДОЗВОЛЕНІИ помѣщикамъ сноситься съ мировыми посредниками на польскомъ языкѣ. Стр. 353.
ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ письмо дворянства васильковскаго уѣзда. Стр. 355.
КЪ ВОПРОСУ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства. Стр. 356.
ПРЕДЛОЖЕНІЕ митрополита Іосифа виленской духовной консисторіи. Стр. 359.
ЧЕГО МЫ ЖЕЛАЕМЪ? корреспонденція изъ г. Вильна въ газету »День«. Стр. 360.
ТОРЖЕСТВЕННОЕ празднованіе въ г Кіевѣ 19 февраля Стр. 367.
ПРОЩАЛЬНЫЙ АДРЕССЪ князю Друцкому-Соколинскому отъ житомирскаго общества. Стр. 370,
ОТВѢТЪ »Московскихъ Вѣдомостей« газетамъ, упрекающимъ »Вѣдомости« въ мнимомъ преслѣдованіи украинофиловъ. Стр. 375.
ПИСЬМО пустынника съ береговъ Вислы въ варшавскую газету »Dziennik Powszechny. Стр 378.
О СОВРАЩЕНІИ въ латинство православныхъ жителей м. **Илещель**. Стр. 397.
УЛИКА. Стр. 408.
CHARAKTERYSTYKA polaków i polskiéj rewolucyi. А. В. (Стихотвореніе) Стр. 411.
МОЗЫРСКІЯ ПИСЬМА—IV. и V. г. **Кулжинскаго**. Стр. 420.